

РусскийМир.ru

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ФЕВРАЛЬ 2009

ИСКУССТВО ВОВРЕМЯ ПОВЕРИТЬ

СЛУЖБА БАРАБАННАЯ

УБИТЬ В СЕБЕ СИРОТУ

ПРЕЗИДЕНТ И ЕГО ЖЕНЩИНА

ЗВЕЗДА ДВУХМЕТРОВОГО РОСТА

Фонд «Русский мир»

Исполнительный директор
правления фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор, руководитель
информационно-издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Заместители главного редактора:
Евгений ВЕРЛИН
Елена КУЛЕФЕЕВА

Обозреватель
Светлана БАБАЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Михаил БЫКОВ
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Людмила ЛУНИНА
Евгения МИХАЙЛОВА
Александр НАУМОВ
Елена ПРИВЕН
Евгений РЕЗЕПОВ
Игорь САВЕЛЬЕВ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический
центр «Гламур-Принт»

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Гарднеровский пер., 3, стр. 4

Тираж 12 000 экз.

Адрес редакции:
119285 Москва,
ул. Мосфильмовская, 40
Телефон: (495) 980-25-65
Электронный адрес:
ek@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

На обложке:
Валерий Айзенберг. «Окно». 1997 год.
Коллекция Колодзей русского
и восточноевропейского искусства,
Kolodzei Art Foundation, США

Не потерять себя

Информационные агентства приносят в последнее время немало драматических новостей. Вот в Греции на улицы высыпали студенты, которые бунтуют, бьют витрины. Полиция отвечает водометами. Вот в тихой и ничем доселе не приметной Исландии обыватели выказали буйных дух и забросали премьер-министра яйцами: исландцам не нравится дефолт страны и они требуют досрочных парламентских выборов. Вот беспорядки в Болгарии: там, утверждают манифестанты, провинилось правительство и его надо отправить в отставку. В Литве буйные демонстранты штурмуют здание парламента. Каждый день беспорядки могут вспыхнуть в какой-то новой точке: мировой кризис опустошает кошельки, играет на нервах и будоражит умы, вселяя страх перед завтрашним днем даже в тех, кто еще недавно бахвалился своим национальным хладнокровием.

Среди некоторой части российских политологов и экспертов с недавних пор тоже стало довольно модно рассуждать на сакраментальную тему: мол, а могут ли случиться в России массовые беспорядки, могут ли у нас люди выйти на улицу? На самом деле такие рассуждения-спекуляции, что называется, «не о том». Россия, да и вообще в широком смысле Русский мир, – это не тот мир, где ищут решения проблем на улицах, в погромах и массовых протестах-требованиях. Конечно, в нашей истории случалось всякое, в том числе массовые беспорядки, волнения. Но не они определяли направление поиска выхода из создавшихся проблем, а работа духа и мысли народа, прежде всего интеллектуальной элиты общества. В Русском мире то, что незримо витает в воздухе, бродит в мозгах, подчас оказывается куда важнее, чем всякие формальные лозунги-требования-протесты. Потому что внутренняя сила духа оказывалась всякий раз сильнее внешней атрибутики исторических драм. Именно поэтому мы и не из таких ситуаций выбирались не раз – с честью и достоинством. Порой – ценой немалых лишений. Но всякий раз – не потеряв себя.

Редколлегия

ФОНД РУССКИЙ МИР

Состав попечительского совета фонда «Русский мир»

ВЕРБИЦКАЯ

Людмила Алексеевна

Председатель попечительского совета, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Санкт-Петербургского государственного университета

АМВРОСИЙ

(ЕРМАКОВ Виталий Анатольевич)

Викарий Московской епархии, епископ Бронницкий

ИГНАТЕНКО

Виталий Никитич

Генеральный директор ИТАР-ТАСС

БОГДАНОВ

Сергей Игоревич

Председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, декан филологического факультета СПбГУ

КОСТОМАРОВ

Виталий Григорьевич

Президент Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина

ДЗАСОХОВ

Александр Сергеевич

Член СФ РФ – представитель в СФ РФ от исполнительного органа власти Республики Северная Осетия–Алания

ЛАВРОВ

Сергей Викторович

Министр иностранных дел Российской Федерации

ДОБРОДЕЕВ

Олег Борисович

Генеральный директор ФГУП «Всероссийская государственная телевизионная радиовещательная компания»

ЛИПСКЕРОВ

Дмитрий Михайлович

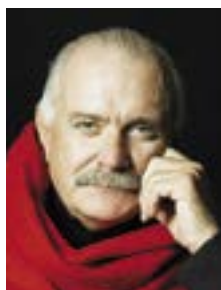
Писатель, ответственный секретарь Ассоциации учащейся молодежи Российского союза молодежи «Содружество»

МИТРОФАНОВА
Злеонора Валентиновна
 Руководитель Российского
 центра международного
 научного и культурного
 сотрудничества при МИД РФ

ПОЛЛЫЕВА
Джахан Реджеповна
 Помощник президента
 Российской Федерации

МИХАЛКОВ
Никита Сергеевич
 Президент Российского фонда
 культуры

ФУРСЕНКО
Андрей Александрович
 Министр образования
 и науки РФ

НАРОЧНИЦКАЯ
Наталья Алексеевна
 Руководитель Парижского
 института «Демократии
 и сотрудничества», президент
 фонда «Исторические
 перспективы»

ЮРКОВ
Евгений Ефимович
 Заместитель генерального
 секретаря Международной
 ассоциации преподавателей
 русского языка и литературы,
 заведующий кафедрой
 филологического факультета
 СПбГУ

Состав правления фонда «Русский мир»

НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич
 Исполнительный директор правления,
 президент фондов «Политика»,
 «Единство во имя России»

МОРГУНОВ Сергей Евдокимович
 Первый заместитель
 исполнительного директора
 правления фонда «Русский мир»

КАЛИНА
Исаак Иосифович
 Заместитель министра
 Минобрнауки РФ

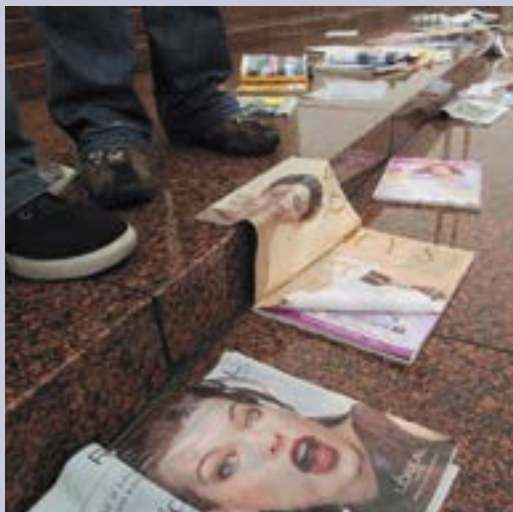

ПРОКОФЬЕВ
Павел Алексеевич
 Заместитель директора департамента
 Генерального секретариата МИД РФ

ШАРКОВ
Анатолий Сергеевич
 Начальник департамента
 Референтуры Президента РФ

11

«МЫ СТОИМ НА ПОРОГЕ
ГУМАНИТАРНОЙ КАТАСТРОФЫ»

21

МАЛЕНЬКАЯ ВЕНЕЦИЯ

26

УБИТЬ В СЕБЕ СИРОТУ

34

СЛУЖБА БАРАБАННАЯ

РУССКИЙ ЯЗЫК

6

СКОЛЬЗКИЕ СТУПЕНИ
СОЦИАЛЬНОЙ ЛЕСТНИЦЫ

11

«МЫ СТОИМ НА ПОРОГЕ
ГУМАНИТАРНОЙ
КАТАСТРОФЫ»

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

16

«РУССКИЙ ЯЗЫК
НАВЯЗЫВАЕТ ТО, ЧТО
НАЗЫВАЕТСЯ ДУХОВНОСТЬЮ»

ДИАСПОРА

21

МАЛЕНЬКАЯ ВЕНЕЦИЯ

СИТУАЦИИ

26

УБИТЬ В СЕБЕ СИРОТУ

ИСТОРИЯ

34

СЛУЖБА БАРАБАННАЯ

44

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА Н. КОЛОДЗЕЙ

ИСКУССТВО ВОВРЕМЯ ПОВЕРИТЬ

76

ОТШЕЛЬНИК

54

АНТОН БЕРКАСОВ

«ПИСАТЬ МОЖНО ГДЕ УГОДНО –
БЫЛО БЫ ТОЛЬКО О ЧЕМ»

92

ИТАР-ТАСС

ЗВЕЗДА ДВУХМЕТРОВОГО РОСТА

НАСЛЕДИЕ

42

НЫНЕ ОТПУЩАЕШИ

КУЛЬТУРА

44

ИСКУССТВО ВОВРЕМЯ
ПОВЕРИТЬ

54

«ПИСАТЬ МОЖНО ГДЕ
УГОДНО – БЫЛО БЫ
ТОЛЬКО О ЧЕМ»

61

«НЕ ПРОПУСТИТЬ
БРИЛЛИАНТ В КУЧЕ
МУСОРА»

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

64

ПРЕЗИДЕНТ И ЕГО
ЖЕНЩИНА

70

ДАЧА ПРИТЯЖЕНИЯ

76

ОТШЕЛЬНИК

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

84

ЗА ВЕРУ И ВЕРНОСТЬ!

89

«ЧТОБЫ СТАТЬ ПАТРИОТОМ,
ИНОГДА ПОЛЕЗНО ПОЖИТЬ
ЗА ГРАНИЦЕЙ»

92

ЗВЕЗДА ДВУХМЕТРОВОГО
РОСТА

АЛЕКСЕЙ МОРОЗОВ

СКОЛЬЗКИЕ СТУПЕНИ СОЦИАЛЬНОЙ ЛЕСТНИЦЫ

Как влияют на русскую речь растущие потоки мигрантов? Почему Россия оказалась не готова к пропаганде и упрочению авторитета русского языка, в то время как у иностранцев растет потребность говорить по-русски? За ответами на эти и другие вопросы «Русский Мир.ru» обратился к заместителю директора Института русского языка РАН Леониду КРЫСИНУ.

Лeonид Петрович, влияние русского языка на языки народов России и бывшего СССР очевидно. А они, в свою очередь, воздействуют на русский язык?

– Заметного влияния на русский язык языки народов бывшего СССР не оказывали раньше, не оказывают и сейчас. Правда, есть нюансы. Русский на территории Казахстана, например, имеет некоторые элементы, связанные с тем, что он существует в иноязычной казахской среде. В основном это касается наименований. Главу администрации или мэра там называют алимом. Такие вкрапления в русскую речь обусловлены тем, что русский язык в иноязычной среде связан с коренными языками.

Многое зависит не от языковых факторов, а от уровня влияния страны. Если сравнивать влияние на русский язык народов Кавказа или Средней Азии и, к примеру, английского, то, конечно же, это разные весовые и языковые категории. Прежде всего из-за политического влияния. Английский язык почему так популярен? Его вес и влияние соответствующей социальной среды, его распространяющей, значительно выше, чем вес и влияние других европейских национальных сообществ и язы-

ков – немецкого, французского или испанского.

– За последние годы в русском языке появились общеупотребительные слова с татарскими, кавказскими или другими корнями?

– Как и раньше, эти слова в основном локальны по своему употреблению. Кавказский «лаваш», арабская «шаурма», грузинское «сациви» или «ткемали», азербайджанское – или, правильнее, тюркское – «пахлава»... Такие слова ограничиваются «гастрономическим» влиянием на наше общение, не выходя за пределы кулинарии. То же самое можно сказать о вкраплениях в русский язык азиатских или прибалтийских слов. К примеру, узбекского «самса» или латышского «палдies». Даже эпоха парада суверенитетов ничего не изменила. Мы, конечно, понимаем украинские слова «незалежность» и «самостийность», но исключительно в применении к украинским реалиям.

– В СССР был такой феномен: грамотную русскую речь без проглатывания окончаний, без характерного московского аканья или северного оканья можно было услышать в космополитичных Баку, Уфе, Казани или в Одессе. В современной России сохранились национальные автономии, где

наблюдается бережное отношение к русской речи?

– Тут многое зависит от семьи. Если в семье детей приучают говорить по-русски, то это обеспечивает дальнейшее совершенствование владения русским языком, грамотное произношение. Даже если оба родителя, например, татары или азербайджанцы, но, разумеется, владеющие русским языком. Если такая языковая традиция передается из поколения в поколение, сохраняется культура общения на русском языке, то тогда и достигается эффект грамотной русской речи даже в условиях двуязычия. Если в семье так не заведено, то в школе или в вузе иноязычный акцент либо просто плохое знание языка исправить трудно. Еще многое зависит от политики властей. К примеру, очень высокий уровень владения русским языком в Калмыкии, Туве, Мордовии, Чувашии. Обратите внимание, представители многих российских народов – татар, калмыков, тувинцев, мордвы, чувашей, всех не перечислить, – говорят без акцента. Причем, если не знать об их происхождении, их легко принять за русских. У этих народов сильна традиция хорошего русского языка не только внутри семьи, но и в социуме в целом. Нередко они хорошо вла-

ДМИТРИЙ ЛЕБЕДЕВ / КОММЕРСАНТЪ

деют как родным языком, так и русским.

А там, где идет активная политика вытеснения русского языка, где в семьях нет традиции говорить по-русски, молодые поколения, даже при условии, что они хотят овладеть русским языком, усваивают его не в чистом виде. Особенно сильно влияние коренных языков на русскоязычное население в Балтии. Неправильные ударения, неправильные синтаксические конструкции, недостаточное владение нормой литературного языка – обычное явление в современных Латвии, Литве, Эстонии.

– А как аргумент и нецензурная лексика влияют на общее разговорное пространство стран СНГ? Спрашиваю именно об этой составляющей языка, поскольку все чаще ругательства звучат из уст политиков и звезд шоу-бизнеса. Как это может сказаться на современном русском языке?

– Я думаю, вести речь об отсутствии элементарной культуры у таких людей и увещивать их поздно. Не поймут, не услышат, не сочтут нужным считаться. В публичной сфере общения не должно быть ругательств и тем более мата. Это аксиома тысячелетий. Но телевизионные, и

не только телевизионные, власти относятся к такого рода выходкам либерально. А средство одно: не надо пускать в эфир то, что топчет культурные устои и традиции. Ведь подобного рода «эксперименты» меняют, упрощая, вовсе не русский и другие языки, а манеру поведения общества, по большому счету – мораль. Те, кто публично не стесняется в выражениях и полагает, что таким образом еще и раскрепощается сам, раскрепощая общество, портят не только и не столько язык, сколько модель поведения человека, навязывая хамство, беспардонное хулиганство и элементарное отсутствие культуры как атрибуты «свободного общения».

– И как с этим быть?

– Это не языковая проблема. Это проблема тех, кто командует медиаресурсами, но не считает нужным осознавать проблему.

– В России сегодня, по разным данным, живет от 10 млн до 18 млн мигрантов. Все чаще они приезжают в страну с семьями, их дети идут в русские школы. В итоге появляются первоклассники, которые часто не имеют даже базовых знаний по русскому языку. Основная проблема, по мнению экспертов, не в том, что

прибывает много детей, не знающих русского языка, а в том, что эти дети не могут включиться в образовательный процесс – нет педагогов, нет методик обучения. Почему? Мы не осознаем масштабов проблемы?

– Это действительно новое явление, особенно в школьном обучении. Уже не только в Москве и других мегаполисах, но и в большинстве российских регионов появились смешанные классы, где часть учеников русские, другая часть – россияне, для которых русский язык не родной, и, наконец, третья, самая проблемная и растущая часть, – дети, приехавшие не только из Таджикистана, Узбекистана или Киргизии, но и из Афганистана или Китая. У них всех очень разный уровень владения русским. Одни более или менее владеют языком. Другие, приходя в 6–7-й класс, находятся на «букварном» уровне. Третьи почти не говорят по-русски. Но все вместе дети вынуждены обучаться по единым школьным программам. Это сложнейшая проблема. Нельзя сказать, что филологи и методисты ею не занимаются, но пути ее эффективного решения пока не найдены. Так, в Петербургском педагогическом универси-

тете имени Герцена ученые занимаются разработкой методик преподавания русского языка в смешанной языковой среде. Не могу сказать, что достигнуты определенные результаты. Нет. Идет трудная работа, отстающая от потребностей времени. Поэтому пока многое зависит от мастерства и опыта отдельного педагога или преподавателя. Я, например, если бы оказался на месте учителя русского языка в современной школе, просто не знал бы, как преподавать предмет столь разнородной аудитории. Возможно, пока без отдельного репетиторства не обойтись.

– По данным департамента образования Москвы, с 2005 года число детей мигрантов, обучающихся в школах столицы, из Армении выросло на 7%, из Азербайджана – на 87%, из Вьетнама – на 382,5%, из Казахстана – на 119%, из Киргизии – на 478%, из Молдавии – на 70,5%, из Туркменинии – на 93%, из Узбекистана – на 185%. Что на государственном и академическом уровне делается для того, чтобы эти дети получали доступное образование на доступном им русском языке?

– Пока ничего не делается. Я, во всяком случае, не знаю о таких мерах. Единственное, что дела-

ется, – это так называемая сертификация. Это когда иностранец, для того чтобы здесь как-то осесть, должен сдать экзамен по русскому языку и получить сертификат об определенном уровне владения государственным языком. Пока есть только курсы, естественно, платные и не всегда доступные детям гастарбайтеров, где обучают азам русского языка.

– А каков мировой опыт? Как в США, Франции или в Германии мигранты интегрируются в местную языковую среду?

– Для нас это новая проблема в отличие от США или стран ЕС. Еще в 70-е годы я сотрудничал с немецким социолингвистом, который занимался изучением интеграции турок в Германии, в том числе интеграции языковой. Они туда приезжали не просто семьями, а целыми кланами, жили относительно замкнуто, плохо владели немецким и были агрессивны по отношению к немецкоговорящей среде, что порождало не только языковые проблемы. Немцы еще 40 с лишним лет назад организовали курсы для тех, кто хочет остаться в этой стране. Система обучения иммигрантов немецкому языку в Германии была и остается дей-

ственной и успешной. Ситуацию в США знаю хуже, там более пестрый состав мигрантов, и языковые курсы обучения английскому учитывают специфику и испаноговорящих, и китайцев, и живущих в США афроамериканцев. Там есть понятие «базовый английский» (Basic English), который несколько упрощен по отношению к английскому языку в целом, чтобы им легче было овладеть хотя бы на разговорном уровне, чем часто и ограничиваются переселенцы последних волн миграции в США. Кстати, подобная картина складывается во Франции и Канаде. Важно осознавать последствия такого упрощенного подхода: примитивное и поэтому недостаточное знание языка – преграда вертикальному социальному движению. Если человек владеет языком только на уровне бытовых конструкций, он закрывает себе путь вверх социальной лестницы. Есть в социологии такое понятие – «вертикальная мобильность», то есть движение личности снизу вверх по социальной лестнице. Очевидно, что одно из условий такого движения – хорошее владение литературным языком, который обслуживает это общество.

ДМИТРИЙ ЛЕБЕДЕВ/КОММЕРСАНТЪ

ИТАР-ТАСС

ВАСИЛИЙ ШИТОВ/КОММЕРСАНТЪ

НИКОЛАЙ ЦЫГАНОВ/КОММЕРСАНТЪ

– *Может ли в России, если мигрантов и впредь не будут массово учить русскому языку, возникнуть необходимость введения базового, или стандартного, русского?*

– У нас уже есть понятие стандартного русского. Стандартный и значит литературный. Просто у нас литературный понимается как язык художественной литературы, что неправильно. Термин «литературный язык» утвердился в начале XIX века, и это был язык художественной литературы, переживавшей свой расцвет. Сейчас это совсем другой язык. И в этот термин вкладывается другое понятие: нормированный язык, который обслуживает культурную часть общества. Если ты хочешь говорить на литературном языке, ты должен овладеть его нормой. Другое дело, что в русской культурной традиции понятие стандарта окрашено в негативные оттенки – штамп, клише. Поэтому у нас и не принят термин «стандартный язык».

– *И все же, не придется ли со временем вводить понятие «упро-*

щенный русский», или «базовый русский», например, для вьетнамцев, африканцев или китайцев?

– Я думаю, упрощенный русский уже существует в этой языковой среде. И не только по языковым причинам, но и по социальным. Их ведь уже дальше того, что они освоили, не пускают, если не отторгают. Посмотрите, мигранты последних лет заняты самым неквалифицированным трудом – работают дворниками, на стройках, «челноками» и почти не пробиваются выше. Правда, разные национальности представлены в обществе по-разному. Если афганцы, узбеки и таджики остаются на низших ступенях сферы обслуживания, то армяне и грузины, например, представлены помимо сферы обслуживания в науке, среди них много инженеров, банковских служащих, представителей бизнеса и поп-культуры. Такая разница обусловлена не только знанием языка, но и багажом знаний, тем, насколько человек приспособлен к современной жизни.

– *Можно ли дать шанс мигрантам нормально интегрироваться в социум?*

– Овладение языком диктуется социальной потребностью. Если социальной нужды нет, то человек не будет учить чужой язык. У меня вот нет необходимости учить вьетнамский, и учить его меня никто не заставит. Но если от знания языка зависит жизнь человека, ее уровень и уровень благополучия близких, он будет учить другой язык, овладевать им. Увы, пределы этого изучения разные. Если человек остается в среде, в которой находится, в той же сфере обслуживания, то владение языком останется недостаточным. Другое дело, что надо содействовать желанию мигрантов подниматься по социальной вертикали. Вот такой вертикали в обществе, к сожалению, нет. И непонятно, осознало ли российское общество нужду в ней. Как следствие – запаздывают научные и методические разработки преподавания русского языка для иностранцев, которые, возможно, и хотели бы стать россиянами, но им не делают даже минимальных шагов навстречу. ■

Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО

«МЫ СТОИМ НА ПОРОГЕ ГУМАНИТАРНОЙ КАТАСТРОФЫ»

Что происходит сегодня с русским языком на Украине? Можно ли говорить о выдавливании русской культуры из украинского контекста? Какова роль России в поддержке научных школ и общественных организаций, сохраняющих русскую культуру в соседней стране? Об этом корреспондент журнала «Русский мир.ru» беседует с профессором **Ларой СИНЕЛЬНИКОВОЙ — заведующей кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета им. Тараса Шевченко.**

Лара Николаевна, некоторое время назад, когда еще не произошли известные «революционные» события на Украине, вы уже характеризовали положение русского языка и русской культуры как бедственное. Что изменилось с тех пор?

— Я думаю, всем очевидно, что изменения произошли в худшую сторону. И тревога только нарастает. Сегмент русской культуры на Украине последовательно, иногда тихо и постепенно, иногда с громкими скандалами, но явно вытесняется. Особенно

это заметно нам, русистам, преподающим русский язык и литературу в университете. Из вузовского пространства целенаправленно выводится все русское. Это касается и резкого уменьшения часов на преподавание тех разделов языкознания, кото-

РИА «НОВОСТИ»

рые могут способствовать формированию языковой картины мира, мировоззрения студента в русском контексте. Из учебного плана исчезли дисциплины истории языка, которые позволяют видеть, как складывалась русская культура, выраженная в текстах, в языке, в изменении его словарного состава, – всего того, что определяет мощь культуры, выраженной в слове. И это касается исключительно русского языка, потому что всем иным у нас открыт зеленый свет. Подчеркну: речь идет об университете, расположенном в самой гуще исторически русскоязычного региона! Ситуация совершенно парадоксальная: люди говорят и читают на русском, но все хуже и хуже знают язык, все чаще пользуются неким суррогатом. Даже в интеллигентной и студенческой среде я слышу суржик, вижу непонимание сути языка, его богатства. И это не удивительно – государственная установка поощряет выведение русского языка из всех сфер жизни.

– В коридорах университета, в

отличие от аудиторий, звучит почти исключительно русская речь. Но внимательного слушателя это вряд ли порадует: речь студентов обеднена, сузился словарный запас. Даже студенты-филологи неправильно ставят ударения, не умеют правильно построить предложение. Что удивительно: это же касается и украинского языка, несмотря на усилия власти по его агрессивно-му внедрению.

– Следует с грустью констатировать, что сегодня наши студенты, которые призваны стать интеллектуальной элитой общества, толком не знают ни русского, ни украинского. Здесь целый комплекс проблем, которые требуют здравого, разумного, далекого от каких бы то ни было истерик подхода к их решению. А сегодня без преувеличения можно сказать, что мы стоим на пороге гуманитарной катастрофы, связанной с невозможностью формировать собственную украинскую интеллигенцию, владеющую языком как необходимой основой культуры. Ведь интел-

лигенция помимо высоких моральных качеств, уровня образования была и риторически отмеченным сегментом общества. Люди могли формулировать и выражать свою позицию, вести дискуссию в тех институтах гражданского общества, которые и обеспечивают его функционирование. Немало поспособствовало резкому снижению риторических навыков и введение тестовой системы оценки знаний, не позволяющей высказываться публично, а для гуманитариев и филологов особенно это совершенно необходимо. Плюс организация речи в молодежной субкультуре, которую охотно поддерживают СМИ, желающие потрафить молодой аудитории. Все это не было бы страшно, если бы было некой специей, дополнением к главному – владению высокой речевой культурой. Но ведь сплошь и рядом эта культура полностью вытеснена суррогатом. Иногда мне кажется, что эстафету знания языка передать некому, потому что нет запроса. Поэтому мы, редкие уже теперь

преподаватели русского языка, считаем свою работу едва ли не миссионерской, призванием дать высокие образцы интеллектуализированной родной речи, а то, что она родная для подавляющего большинства жителей нашего региона, бесспорно. Вследствие варварского вытеснения русского языка и культуры из нашего обихода образовалась лакуна, которую потом уже не заполнить.

– Но идеологи украинизации надеются, что эту лакуну займет высокий украинский язык, высокая украинская риторика.

– Могу с грустью констатировать, что этого не происходит. И не могло произойти. Ни в тех образовательных параметрах, ни в тех временных рамках, которые были поставлены, этого добиться нельзя. Создалось впечатление, что власти не важно, чтобы украинская речь была освоена на высоком, интеллектуальном уровне. Главное – вытеснить русскую. Наши студенты обучаются на языке, который для них неродной. Вряд ли это положительно

сказывается на результатах. Ведь человек ориентируется на родной язык, пользование которым во всех сферах жизни является его правом, его генетической потребностью. Поэтому обучение на неродном языке не интеллектуализирует школьников и студенческую молодежь до такой степени, к которой они потенциально способны. Да и специалистов по высокому культурному украинскому языку в огромном регионе Украины недостаточно. Сегодня за основу взято «деловое говорение», которое не обеспечивает знания всех нюансов языка.

– А выпускает ли университет специалистов по русской филологии?

– «Чистых» – нет. Только в сочетании с английским языком.

– Со стороны студентов есть желание изучать именно русскую филологию?

– Мы стараемся заметить любую искорку интереса и развить ее, выбирая тех студентов, с которыми было бы интересно работать в этом направлении. Тако-

вых немного. Они прошли через олимпиады по русскому языку, заинтересованы приобщиться к великой русской культуре. Я занимаюсь с ними, сотрудники кафедр. Но бытие определяет сознание. Мы имеем всего 5 мест в магистратуре по русской филологии. Но и их нечем занять. Мы с трудом находим кандидатов. Сейчас только двое учатся. Мотивация определяется средой. Родители разъясняют, да ребята уже и сами понимают, что их знания в нашей стране вряд ли будут востребованы. Отсюда и выбор. Поэтому мы с большими усилиями поддерживаем тот огонек русскости, который может и совсем затухнуть. Такой парадокс: все пользуются русским, но изучать его на высоком уровне некому. Такова государственная идеология и таково прагматическое мышление наших граждан.

– Пассионариев, желающих переломить ситуацию, выходит, нет?

– Почти нет. Идет процесс приспособления к ситуации, осо-

РИА «НОВОСТИ»

знание того, что лучше принять предлагаемые правила игры.

– Но многие украинцы особенно гордятся тем, что после «оранжевой революции» в стране быстро темпами формируется гражданское общество...

– Если говорить о формальной стороне вопроса, то у нас есть, конечно, всевозможные студенческие объединения, которые ведут какую-то деятельность. Все в соответствии с моделью демократического вуза – есть органы самоуправления. Но решения все равно принимают такие, какие велит власть. Студенчество довольно инфантильно. Мне кажется, это, скорее, суррогат гражданского общества.

– Некий симулякр, тем более странный, что студенты должны быть, по идее, наиболее активной частью общества. Получается, мы оказываем только пассивное сопротивление... Запретили русские каналы, мы купили спутниковые антенны;

запретили кино на русском, мы покупаем диски.

– Такова, видимо, наша ментальность. А власти делают вывод, что нас все устраивает, раз нет сопротивления. Мы внутренне протестуем, но внешне никаких действий не предпринимаем. Терпеливость, нежелание обострений, конформизм – все это мешает консолидироваться. Кроме того, демонстративные формы протеста – митинги, акции – утратили побуждающее действие в нашей стране. Риторика митинга девальвировалась. Нужны действия, возможно, менее публичные, но последовательные, четко организованные. Ну, например, в образовании это – создание «русских классов», прорыв в области вузовских специализаций. Я предлагала в нашем университете открыть специальность «русский и украинский языки». В нашем двуязычном регионе это было бы естественно и очень правильно. Моя кол-

лега из Херсона профессор-русист Михайловская поделилась опытом в этом плане. Они открыли в университете такую специальность, и конкурс был 15 человек на место. Ведь в этом случае человек получает официальный диплом, может рассчитывать потом на трудоустройство, и он понимает, что профессиональный перевод с одного языка на другой долгое время будет оставаться актуальным. Но наш ректор не поддержал эту идею.

– Чем-то он мотивирует свое решение?

– Ничем. У нас принято не мотивировать. Или длительно не мотивировать, не давая прямого отказа. Не говорить «нет», не давать жестких оценок, а просто волокитить. Выигрывать время, тянуть, авось, постепенно рассосется...

– А какой вы видите роль России в этой ситуации? Должны ли мы рассчитывать на ее помощь? Вправе ли мы ожидать, что она будет активнее действовать на

близком ей культурном и ментальном пространстве?

– Мы не можем говорить, что Россия нас бросила. Потому что есть фонды, общества, культурные центры. Правда, я не могу сразу вспомнить какие, а это уже плохой знак. Значит, их деятельность не слишком яркая. Есть какие-то договоры по обмену студентами, приглашения на конференции. У меня с Волгоградским и Краснодарским университетами договоренность об обмене. Инициировать такие действия можно, а реализовать – очень трудно. Возможно, отчасти и из-за инфантильности студентов, не имеющих сильной мотивации и желания добиться цели, которая не входит в их жизненную программу. Куда активнее они стремятся в Турцию, Грецию, Китай. У нас есть приглашения из этих стран на стажировку. Вот если бы Россия предложила нам интересные проекты... К сожалению, их немного. В Киеве есть Украинская ассоциация преподавателей русского языка и литературы, возглавляемая профессором Кудрявцевой. Она дает возможность нашим абитуриентам учиться в Институте Пушкина в Москве, где русский язык изучается как иностранный.

– Интересно. Я, например, первый раз об этом слышу, хотя, как говорится, в теме.

– Проблема как раз в том, что эта возможность не популяризируется, не афишируется широко. Замыкается Киевом, той группой людей, которая этим занимается. Российское правительство берет на себя полную оплату обучения, назначает стипендии. Но одна программа, конечно, погоды не делает, ведь речь идет о 10–15 абитуриентах. В основном это киевляне.

– Вы считаете, что Россия могла бы активнее действовать?

– Безусловно. Думаю, мешает недружественная политика Украины по отношению к России, дипломатические сложности. РФ постоянно обвиняют во вмешательстве в наши внутренние дела, а ведь по сравнению с США Россия ведет себя очень корректно, очень аккуратно, деликатно. А может, россияне не при-

дают этому должного значения. Не до нас им... Американцы не боятся никаких обвинений, открыли у нас десятки фондов, активно обучают наших студентов, курируют общественные организации. Нам бы, конечно, хотелось большего внимания со стороны России. Особенно в образовательной сфере. Я 40 лет обучаю студентов, 20 лет руковожу кафедрой, прививаю своим ученикам русскую культуру. У меня, в моей научной школе, 11 защищенных кандидатов наук, 2 доктора по русской филологии. И такие, как я, еще есть в нашей стране. Но чем дальше, тем меньше. Скажем, кафедра русского языка нашего университета сегодня единственная в регионе. Так почему бы нам здесь, на Украине, адресно не помогать? Ученым, кафедрам, научным школам? А сейчас у меня горькое впечатление, что мы никому не нужны – ни в своей стране, ни в России.

– Но вы востребованы в университете, ведете именные курсы...

– Меня приглашают читать спецкурс к испанским, английским, немецким филологам в магистратуре, но это в порядке исключения. Системы изучения русского языка нет. Даже украинским филологам читают поверхностный и небольшой практикум. Серьезного, сопоставительного изучения славянских языков нет. Как, например, в Белоруссии – они взяли модель параллельного изучения.

– Попробую выступить в роли адвоката дьявола. Идеологи, которые определяют вектор развития Украины как государства с одним языком, одной этнически окрашенной культурой, имеют свою логику. Они говорят: уйдут те, кто помнит русскую культуру, а новое поколение мы воспитаем в духе моноэтнической украинской парадигмы. Может, они правы?

– Эта идеология, конечно, на то и направлена, и расчет очень верный. Действительно, следующее поколение не будет знать ни истории, ни русской литературы, ни языка. Останется сильно редуцированный бытовой язык при минимальной грамотности.

Колоссальный сегмент культурного русского бэкграунда исчезает.

– Но они будут знать украинскую литературу, язык, творчество отечественных писателей.

– Конечно. Но разве знание русской культуры, причастность к ней нам мешали? Разве она не делала нас образованнее, умнее, ярче? Взаимная поддержка наших славянских культур дополняла друг друга. На Западной Украине есть аналогичная поддержка со стороны польской, венгерской культур, и это тоже хорошо. Но эти культуры Украина признает и не вытесняет... Конечно, полностью превратить нашу страну в изолят, отгородить ее от России не удастся. Сегодня мир открыт, есть Интернет, спутниковое телевидение, но государственная политика направлена на то, чтобы максимально ограничить влияние русской культуры на нас. Этот сценарий реализуется последовательно и четко.

– Есть ли какой-то рецепт, позволяющий преодолеть эту угрозу?

– Ничего другого, кроме признания русского вторым государственным языком, я не вижу. Сегодня ведь русский вообще не имеет никакого статуса. У нас есть специализированные английские, немецкие, польские школы. Но нет ни одной школы с углубленным изучением русского! Даже в тех, что называются «русскими», количество часов на изучение языка мало, и оно неуклонно сокращается. Меры нужно принимать прямо сегодня, пока есть пассионарии, готовые активно отстаивать интересы русскоязычного населения, пока есть люди, хорошо знающие язык и культуру. Нужно объединить усилия нашей и российской общественности, научных кругов, энтузиастов. Иначе пройдет еще какое-то время и, как в анекдоте, – только в морг. ■

Елена ПРИВЕН

Луганск

«РУССКИЙ ЯЗЫК НАВЯЗЫВАЕТ ТО, ЧТО НАЗЫВАЕТСЯ ДУХОВНОСТЬЮ»

КОНСТАНТИН МЕЛЬНИЦКИЙ/КОММЕРСАНТЪ

Что такое Русский мир для вас? Культурное это понятие, социальное, экономическое, политическое?

– Для меня это прежде всего понятие языковое. Поскольку язык определяет очень многое. И экономику в какой-то мере, и социологию, и менталитет народа. Русский мир – это, наверное, некая среда, которая связана русским языком как основным средством общения. Соответственно, в него входят отчасти и те территории, которые населены преимущественно не русскими и даже, может быть, не славянами. Но если там русский язык – основной язык общения, то это все равно часть общего Русского мира.

– Бытовой язык или язык делового общения, каким для нас стал английский?

– Скорее всего, бытовой. Та же Индия, где английский остается вторым официальным языком, все равно остается страной самобытной – при всем влиянии

английской культуры, при всем своем долгом колониальном прошлом. Для меня, скажем, Украина все равно часть России, пусть не обижаются украинские товарищи, потому что на бытовом уровне основная масса населения продолжает общаться на русском языке. Так же как Белоруссия, многие национальные республики в составе России – Татарстан, Башкирия. Та же самая Чечня – даже в годы конфликта и противостояния с Россией чеченцы общались между собой на русском языке, потому что для многих жителей отдаленных горных районов русский был самым удобным коммуникационным средством. Понять друг друга на своих наречиях, как ни странно, им было труднее. Язык – это тот самый уникальный механизм, причем не навязанный извне и даже не подпитываемый экономически, который вызревает сам по себе, связывает, цементирует народы, пространства между собой.

– А что же поддерживает жизнь языка?

– Видимо, это такой процесс, который, будучи запущенным, продолжает сам себя генерировать. В первую очередь, мне кажется, его поддерживают литература, кино. Любой писатель постсоветского пространства, если он не русский и не житель России, оказывается перед такой дилеммой: или он пишет на своем национальном языке, становится маленьким царем горы в своей республике, но при этом теряет огромную аудиторию. Или пишет по-русски. Потому что есть английская, французская литература, которая будет переводиться в первую очередь. А литература бывших братских народов переводится по остаточному принципу. Русский язык так же, как и в советские времена, остается средством выхода на мировой уровень. Во-первых, потому, что на русский язык переведено практически все. Во-вторых, англий-

Что такое фантастика, как не попытка понять себя через умозрительные конструкции, удивительные допущения? Известный российский писатель, мэтр российской фантастики, увенчанный всеми возможными литературными премиями, Сергей ЛУКЬЯНЕНКО в интервью рассказывает о том, чем, на его взгляд, живет Русский мир и как он меняется.

ЕВГЕНИЯ ГЛАДКАЯ

ский не настолько близок нашим соседям.

– *Какие-нибудь национальные писатели из стран ближнего зарубежья пришли в европейскую литературу через русский язык?*

– Сейчас ситуация очень своеобразная. Многие писатели сразу начинают писать на русском, оставаясь гражданами другого государства. Например, Марина и Сергей Дяченко, украинские писатели-фантасты, авторы сценария «Обитаемого острова». То есть они писали и на украинском, но эти небольшие вещи были такой данью патриотизму. Точнее, они сами перевели себя с русского на украинский. А основная масса их вещей написана на русском языке, и именно поэтому они стали известны и заняли заметное место в европейской фантастике. Или Петр Курков, известный на Западе писатель. Он тоже, кстати, начинал как фантаст. Украинский писатель русского происхождения, очень большой украинский

патриот, он тоже пишет на русском языке. Потому что это дает ему на порядок большую аудиторию, чем если бы он писал на украинском.

– *Для вас Русский мир и Российская империя совпадают географически?*

– Наверное, империя в первую очередь определяется территорией языка. Там, где есть общий базовый язык, там и есть империя. И если исходить из этого, то Прибалтика в империю так и не вошла. Там у национальных языков всегда были сильные позиции. А Западная Украина и в советские годы очень тяготела к венгерскому, словацкому языкам.

– *Вы сказали, что язык определяет даже экономику...*

– Думаю, да.

– *Каким образом? И почему там, где говорят по-русски, экономика плохая?*

– Ну, не так, конечно. Понимаете, язык в какой-то мере определяет менталитет, образ жизни.

Есть такой замечательный роман американского фантаста Самуэля Дилэни «Вавилон-17». Там речь идет о далеком будущем, в котором воюют земляне и некая другая империя. И вот наши враги разрабатывают секретный язык для переговоров, чтобы земляне не могли его расшифровать. И как только земляне этот язык разгадывают и изучают, они автоматически переходят на точку зрения врага. Потому что сам строй языка такой, что, начав на нем говорить, человек начинает по-другому мыслить. Это, конечно, очень утрировано, но язык действительно вольно или невольно навязывает человеку какие-то нормы поведения, общения, формирует его образ мысли, жизни. То есть влияет на все. В том числе на производство.

– *А что же нам навязывает русский язык?*

– Русский нам навязывает то, что вежливо называется духовностью. Конечно, духовность – это

очень хорошо, но у нас она зачастую приобретает форму пу-
стопорожней болтовни, благих
мечтаний, маниловщины. И все
произведения наших замеча-
тельных писателей – Достоевско-
го, Толстого, – которыми восхи-
щается Европа, это то лучшее,
что выкристаллизовалось из та-
кого подхода к жизни, из тако-

эта матрица начала работать по-другому. Русский язык всегда был силен огромным числом заимствованных, введенных, поглощенных, переваренных слов из других языков. Сейчас к нам тоже приходит огромное количество слов, связанных с компьютерами, техникой. И это, без сомнения, оказывает

весь язык. Но они проникают в узкие, специфические сферы – работу, развлечения. И преобразуют эти сферы жизни.

— Может, язык, как та гоголевская свинья, все сожрет и адаптирует?

– Может быть. Но чужое не только адаптируется, но и откладывается у этой свиньи на боках.

го понимания мира, которое определяет русский язык. Нельзя сказать, что такой подход правильный или неправильный. Немецкий язык, например, четкий, структурированный, жесткий. Это язык, который формирует отношение к работе. Английский язык очень двусмысленный, вольный, это прекрасный язык для дипломатии, коварства, для тонкой, искусной политики. Дело в том, что язык не является жестко заданной структурой, которая будет довлеть над обществом.

– Он создает матрицу, которая, в свою очередь, отстраивает общество?

– Да, создает. Но он довольно пластичен сам по себе. Он меняется довольно легко и быстро на протяжении даже одного поколения. И достаточно иногда каких-то небольших изменений, катализаторов, чтобы

влияние и на матрицу русского сознания. Естественно, оно отличается сейчас от того, каким оно было у русского народа и в XIX веке, и даже в середине XX. Все эти слова, которые сейчас воспринимаются как забавные реперы эпохи, на самом деле одновременно определяют и стиль жизни.

— А можно сказать, что новые слова определенным образом «настраивают» русскую матрицу?

– Мне кажется, да. И эта настройка происходит в правильном направлении, где-то, может быть, приближая нас и к англоязычным народам, и к немецкому народу.

– То есть происходит такое гомеопатическое изгнание Обломова вербальными средствами...

– По сути, да. Именно гомеопатическое. Крошечные языковые заимствования вроде бы не влияют кардинальным образом на

Предпринимаются иногда нелепые попытки ради чистоты языка избавиться от слов «компьютер», «Интернет» и «процессор». Говорят: давайте пойдем по французскому пути, пути аналогов и нахождения родного, иногда нелепого, термина. У этого пути есть, конечно, свои достоинства. Но русский язык работает по-другому. Он берет, переваривает слово, изменяет порой достаточно сильно, иногда до неузнаваемости, и вводит в повседневную речь. Подгоняет под существующую матрицу, но при этом и сама матрица меняется.

– Если говорить о духовности... Почему мы так нелепо распоряжаемся этой самой духовностью, делая свою жизнь, и бытовую, и социальную, почти невыносимой?

– Если бы я знал ответ на этот вопрос, наверное, мне можно бы-

– Не знаю... У нас есть характерная черта – нести благо окружающим, не думая о себе и о том, нужно ли окружающим это благо. То есть иногда возникает

– Я думаю, это стремление к мессианству, которое отняло огромное количество сил, людей, сейчас уходит. И ему на смену идет практицизм.

стический», да хоть бы назваться «Социалистической республикой каннибалов Африки», туда сразу же начинали поставяться пушки, самолеты, зерно, одеяла, ботинки, все, что просят. Советский Союз огромное количество сил растратил в глупой мессианской деятельности, пытаясь привести к светлому будущему те

– Скучно, да. Но, мне кажется, иногда надо позволить себе пожить какое-то время более практично. Например, в начале года мы наблюдали очередной раунд газового конфликта России и Украины. Конфликт с политической подоплекой, но в основе его был четкий экономический интерес: да, мы уже не братья, а соседи, давайте вести нормальный соседский товарообмен. Я не знаю, какой иностранный язык у президента Медведева, но то, что у Путина рабочий язык немецкий, мы знаем. И мне кажется, здесь мы видим такой немецкий практицизм. И это должно быть. Потому что, порываясь ошастливать весь мир, можно и страну потерять. Как мы это делали в 70-е, 80-е, снабжая всю Азию и Африку. Стоило в название страны внести слово «социали-

– Да, он оставался позитивно архайческим. Какой традиционный колониальный подход? Завоевать соседей, выкачать из них нефть, газ, посадить их на опиум, как, например, поступала Великобритания с Китаем или с Индией. Но, конечно, и построить там кое-что, не без этого. У нас

же, наоборот, подход был: да, мы захватим эти земли, научим туземцев всему, построим им заводы, города, и они поймут, как они нам благодарны. То есть это естественное для любой империи стремление расти и развиваться, брать под свой контроль, в российском понимании всегда было с примесью альтруизма.

– *А 70 советских лет как-то изменили Русский мир? Какой это опыт был для нас?*

– Мне кажется, этот опыт был в каком-то плане негативным, потому что в народ искусственно накачивался интернационализм. Причем накачивался в таких дозах, что сознание не выдерживало. В общем-то русский народ всегда был интернациональным, не имеющим склонности к расизму и рабству. Негры и азиатские народы воспринимались как бедные и угнетенные. Советская эпоха эту тенденцию к миру и интернационализму очень сильно раскручивала. И кончилось тем, что, когда Советский Союз распался, мы в итоге получили всплеск глупого, бессмысленного национализма.

– *Но есть и точка зрения, что ленинская национальная политика была лучшим моментом в этом эксперименте.*

– Да так оно и было в 20-е, 30-е и даже 40-е годы. Но то, что происходило в 70-е, 80-е, – это была уже политика головокружения. Потому что 60-е были годами больших успехов, страна реально восстановилась после войны, добилась преимуществ в научно-технической гонке. Возникло ощущение, что социализм оказался убедительнее капитализма даже в сфере экономики. Отсюда пошло активное распространение Советского Союза, можно сказать, и Русского мира, на весь мир.

– *А слова советской эпохи «русскую матрицу» сильно видоизменили?*

– Вы же видите: до сих пор существует слово «товарищ», которое из идеологического стало ритуализированным обращением. До сих пор остаются другие словарудименты советской эпохи – «плановое хозяйство», «пятилет-

ка», «колхозы», «пионерские лагеря».

– *Перейдет эта «советскость» нашим детям или умрет с нами?*

– Я боюсь и надеюсь одновременно. Бог с нами, потому что в любом случае эксперимент закончился неудачно, значит, надо было искать другие пути. Я считаю, что Советский Союз был государством с очень большим потенциалом, это не был тупиковый путь: если бы возобладал здравый смысл, вовремя пошли нужные реформы... Советский Союз действительно был способен на масштабные проекты. Космодром построить в пустыне? Будет космодром через три года. Повернуть реки вспять? Сделаем, повернем.

– *Но экономика-то была дохлой.*

– Дело в том, что экономика была полудохлой в том секторе, который был нужен людям. То есть с выплавкой чугуна и стали на душу населения у нас было все прекрасно. И если сейчас поднять данные статистики и посмотреть, то можно ужаснуться. И по продовольствию лучше было...

– *Но вы-то помните, что такое были наши магазины!*

– А если взять данные статистики, сколько реально производилось мяса, молока и всего остального, то оказывается потрясающая вещь – все шло на помощь братским странам. Эшелонами, танкерами уходило в громадных количествах. Опять-таки погоня за валом, за количественными показателями. То есть в Советском Союзе, как в любой империи, было хорошо с реализацией громадных проектов. И мы до сих пор живем на том, что было сделано в СССР. Работают те же самые электростанции, подстанции, у нас остались те же космодромы, заводы все те же. Что реально было построено за последние годы? Предприятия пищевой и легкой промышленности. Действительно, стало возможно купить наш костюм и не выглядеть в нем клоуном. Можно купить ботинки красивые, легкие и не разваливающиеся. У моих детей вся обувь нашего производства, потому что она нормальная по качеству.

– *То есть вы с оптимизмом на наши перспективы смотрите?*

– Я просто считаю, что маятник очень сильно качнулся не в ту сторону. То есть Советский Союз можно было действительно реформировать, реформировать ту часть экономики, которая была обращена к людям. Но в то же время некий государственный общий подход к экономике необходим, он и на Западе существует.

– *Но мы сейчас благодаря кризису к этому государственному подходу и возвращаемся.*

– Если результатом этого кризиса станет то, что какие-то крупные производства перейдут под государственное управление, я считаю, это будет правильно. Потому что эти заводы были построены в Советском Союзе и в результате каких-то пертурбаций попали в частные руки, а должны работать на экономику всей страны.

– *Но вы же знаете, кто ими управляет и как. На что же вы надеетесь?*

– Я надеюсь на кризис. На то, что так или иначе инстинкт самосохранения страны и власти должен сработать. Что станет четко понятно, что может и должно быть частным, а что должно оставаться под контролем государства и работать на общественные интересы. Так же и во внешней политике, где мы долгое время шли на сплошные уступки и верили любым обещаниям. Мне кажется, у власти сейчас есть осознание того, что никакие устные договоренности и улыбки в политике не действуют, а действует, так же как и пять тысяч лет назад, только право сильного. Это плохо, это грустно, но это так. ■

Евгения МИХАЙЛОВА

МАЛЕНЬКАЯ ВЕНЕЦИЯ

PHOTOS/ALAMY

Боливарианская Республика Венесуэла (в переводе с испанского Венесуэла – «маленькая Венеция») – страна на севере Южной Америки. Территория современной Венесуэлы была открыта во время третьего плавания Христофора Колумба; в 1520 году именно здесь было заложено первое испанское поселение на этом континенте. Спустя полтора столетия испанцы основали нынешнюю столицу Венесуэлы – город Каракас.

Александр НАУМОВ

В начале XIX века население Венесуэлы, состоявшее в основном из метисов и мулатов, поднялось на борьбу с испанскими колонизаторами. В 1811 году вдохновитель борьбы за независимость Франсиско де Миранда (Предтеча) провозгласил независимость Венесуэлы. После его пленения испанскими властями в 1812 году борьбу за независимость продолжил знаменитый Симон Боливар. Кровавая война завершилась только в 1821 году. Боливар стал президентом Великой Колумбии, в состав которой входили несколько современных стран, включая Венесуэлу. После смерти Боливара в 1830 году Великая Колумбия распалась, и Венесуэла стала самостоятельной республикой.

Сегодня главой страны является один из самых колоритных и экстравагантных политических деятелей современности –

Уго Чавес. Как известно, венесуэльский команданте считает себя наследником южноамериканских борцов за независимость от Испании XIX века. Возможно, именно отсюда проистекает его любовь к России...

Полковник русской армии и другие

Действительно, мало кто знает, что национальный герой Венесуэлы Франсиско де Миранда был первым латиноамериканцем, установившим контакты с Россией, жившим в ней год и получившим из рук российской императрицы Екатерины Второй чин полковника русской армии. Есть даже версия, что за образец своего революционного знамени Миранда взял именно российский флаг, только белую полосу, которая у него ассоциировалась с русскими снегами, он заменил на желтую, как символ богатства американского континента. По другой версии, Миранда был так очарован Екате-

риной Второй (которая, кстати, выделила ему немалую сумму на борьбу с испанской тиранией в Латинской Америке), что позже перенес воспоминания о ней на придуманный им флаг Венесуэлы: желтый цвет – золото волос императрицы, синий – ее глаза, красный – алые губы.

Но по-настоящему Венесуэла открылась России только в XX столетии. В начале века в страну стали прибывать трудовые мигранты, а после революции 1917 года здесь появились политические беженцы из России – монархисты и кадеты. Позже в Венесуэлу переселилось несколько семей русских эмигрантов из Китая. Но вплоть до середины столетия организованной колонии русских в Венесуэле не существовало.

При этом нельзя не отметить яркий русский след в культурной жизни Венесуэлы начала XX века, которым мы обязаны русскому художнику Николаю Алексеевичу Фердинандову. Эль Русо, так его звали сами вене-

EAST-NEWS/MASTERFILE

PHOTOS/ALAMY

PHOTOS/ALAMY

■ Собор Святителя Николая в Каракасе

суэлыцы, приехал в Венесуэлу в 1916 году и сразу приобрел известность как блестящий декоратор и автор великолепных ювелирных изделий. Будучи превосходным мастером акварели, наш соотечественник – точнее, его творчество – оказал влияние на становление многих венесуэльских художников, в том числе на выдающегося венесуэльского живописца Армандо Реверона.

И все же точкой отсчета появления российской диаспоры в Венесуэле является 1947 год. Именно тогда, спустя два года после Второй мировой войны, венесуэльское правительство решило пригласить из разоренной Европы эмигрантов для освоения отдаленных и малообжитых регионов страны. При этом Венесуэла не ставила ограничений ни по специальностям, ни по знанию языка, ни по возрасту, как это делали правительства США, Канады и других стран. Многие наши соотечественники – эмигранты первой волны,

угнанные на работу в Германию советские граждане, бывшие военнопленные красноармейцы, не захотевшие возвращаться в СССР, – решились на рискованный шаг и приняли предложение Каракаса.

Русская Венесуэла

На новом месте жительства русские переселенцы получили от Международного Красного Креста по 10 долларов на человека и, по сути, с таким «капиталом» начали свою жизнь в Венесуэле.

Часть русских переселенцев обосновалась на окраине Каракаса, другие же отправились в отдаленные районы страны. В начальный период русские эмигранты выполняли лишь низкоквалифицированную работу. Однако, освоившись, русские переселенцы перешли к более интересным (и более высокооплачиваемым) профессиям: участвовали в разметке государственных границ страны, строили дороги, мосты, тоннели,

работали в нефтяной отрасли. Русские инженеры, например, принимали участие в строительстве отеля «Гумбольдт», бывшего в свое время символом Каракаса. Многие русские специалисты, выучив испанский язык, поступили на работу в министерства, университеты, получили места в частных фирмах¹.

В итоге почти все русские, приехавшие в 1940–1950-х годах в Венесуэлу, и особенно их дети получили высшее университетское образование. Сегодня многие из них преподают в вузах, являются известными врачами и учеными, занимают высокие дипломатические и военные посты. По сути, именно благодаря русской диаспоре в Венесуэле были созданы театр и балет. Даже в такой сфере, как конкурсы красоты, не обошлось без наших соотечественниц. Широко известно, что представительницы Венесуэлы чаще всего занимали первые места на конкурсах красоты мирового уровня; и не-

удивительно, что среди первых мировых красавиц значатся такие имена, как Милка Чулина и Людмила Виноградофф².

Наконец, нельзя не упомянуть имя самого знаменитого русского венесуэльца – Ростислава Ордовского-Танаевского Бланко. Именно благодаря этому потомку древнего дворянского рода, сумевшему на рубеже 1980–1990-х годов взломать железный занавес между Россией и Венесуэлой, в нашей стране появились сеть быстрого питания «Ростик'с» и такие популярные ныне рестораны, как «Ле Шале», «Иль Патио», «Американский Бар и Гриль», «Планета Суши», «Санта Фе».

При этом вплоть до начала 1990-х годов российская диаспора в Венесуэле существовала как бы в изоляции: до распада СССР поддерживать связь с родиной было практически невозможно. Как следствие, молодежь быстро ассимилировалась; сегодня второе поколение русских мигрантов в Венесуэле, не говоря уже о третьем,

в большинстве своем плохо или совсем не говорит по-русски, мало интересуется российской историей и культурой. На протяжении второй половины XX века, несмотря на наличие нескольких «Русских клубов», российская колония в Венесуэле постепенно исчезала. Эта тенденция сохранилась и в новом столетии; за последнее десятилетие численность российской диаспоры сильно уменьшилась: одни ассимилировались, другие уехали из страны, не приняв социалистического курса президента Чавеса.

Православная жизнь Венесуэлы

И все же в Венесуэле существовал и существует центр объединения российской диаспоры – ядром русской эмиграции в Венесуэле стала православная церковь. Православие появилось на венесуэльской земле уже в 1947 году, когда в составе первой группы русских переселенцев сюда прибыл протоиерей Владимир Чекановский.

Благодаря другому служителю церкви – протоиерею Иоанну Бауманису – были основаны православные приходы в Каракасе, Валенсии, Баркисимето, Маракае и Барселоне. В последующие годы в Венесуэлу прибыл еще ряд священников из Европы и США.

К началу 1950-х годов практически во всех местах компактного поселения русских были организованы православные приходы, которые находились в юрисдикции Русской православной церкви за границей. Первый православный храм в Венесуэле – храм Знамения Божией Матери в Валенсии – был построен в 1950 году по инициативе И.К. Ордовского-Танаевского (отца Ростислава – основателя «Ростик'с») и по проекту архитектора В.Э. Шеффера. В 1955 году в районе Каракаса Дос Каминос был торжественно освящен собор Святителя Николая, который получил статус кафедрального и по настоящее время является духов-

PHOTOS/ALAMY

FOTOBANKSIPA PRESS

PHOTOS/ALAMY

PHOTOS/ALAMY

PHOTOS/ALAMY

ным центром русской колонии в Венесуэле. Еще два каменных храма были построены в провинции: Св. Петропавловский в Маракае и Св. Николаевский в Баркисимето³.

На протяжении десятилетий именно вокруг православных приходов и храмов строилась духовная и культурная жизнь российской диаспоры в Венесуэле. При них открывались воскресные школы, в которых учились дети русских эмигрантов. При соборе Святителя Николая в Каракасе была организована похоронная касса для погребения малоимущих, а в 1965 году было решено выкупить участок на городском кладбище.

Надо сказать, что и сегодня церковные иерархи не забывают о наших соотечественниках за рубежом. Так, 23 октября 2008

года в резиденции Уго Чавеса прошла встреча президента Венесуэлы с председателем Отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополитом Кириллом. Венесуэльский президент пообещал помочь в строительстве в Каракасе нового православного русского храма, а митрополит преподнес в дар команданте копию иконы Божией Матери «Державная». Интересно, что в завершение беседы убежденный социалист Уго Чавес предложил членам делегации пропеть в его домовой церкви песнопение, посвященное Божией Матери, после чего попросил митрополита Кирилла дать ему благословение.

В настоящее время русская колония в Венесуэле насчитывает приблизительно пять тысяч человек⁴. Из них несколько

сотен – непосредственно граждане России. Состав российской диаспоры постоянно меняется: многие уезжают в другие страны, кто-то окончательно ассимилируется. С другой стороны, происходит пополнение русской колонии за счет приезжающих из России на постоянное местожительство и работников филиалов российских предприятий («Газпрома», «ЛУКОЙЛа» и др.). Что касается позиций русского языка в стране, то на протяжении XX века он, мягко говоря, не относился к наиболее популярным языкам, изучаемым венесуэльцами. Осваивать азы «великого и могучего» можно было только в воскресных школах при православных приходах. При этом лишь единицы венесуэльцев занимались расширением русского язы-

ИТАР-ТАСС

ИТАР-ТАСС

ИТАР-ТАСС

ИТАР-ТАСС

■ Президент Венесуэлы Уго Чавес и президент России Дмитрий Медведев на борту корабля «Адмирал Чабаненко»

ка и культуры у себя на родине (к ним в первую очередь относятся Э. Сильва, награжденный в 1990 году медалью А.С. Пушкина⁵). Сегодня, правда, учитывая качественно новый уровень отношений между Россией и Венесуэлой, появляется надежда на улучшение положения русского языка в стране.

Ярким примером позитивно развивающихся взаимоотношений России и Венесуэлы служат недавние события. В конце октября 2008 года в рамках Дней России в Латинской Америке в Венесуэле открылись Дни России. В российскую делегацию вошли иерархи Русской православной церкви, общественные деятели и предприниматели. В главном столичном театре, имени Тересы Карреньо, были представлены выставки «Православная Русь»

и «Современная Россия»; состоялось выступление хора московского Сретенского монастыря; прошел семинар с участием соотечественников, на котором обсуждались вопросы поддержки выходцев из России, проживающих в Латинской Америке, а также перспективы расширения возможностей для изучения русского языка и т.д.

Из последнего опыта взаимодействия России и Венесуэлы нельзя исключить и сотрудничество в военной сфере. Так, осенью 2008 года Венесуэла принимала прославленных «белых лебедей» – стратегические бомбардировщики Ту-160, на которых собирался полетать сам Уго Чавес. А чуть позже в территориальные воды Венесуэлы на совместные учения прибыл отряд кораблей ВМС России во главе с флагманом Север-

ного флота тяжелым атомным ракетоносцем «Петр Великий».

Таким образом, сегодня на фоне потепления российско-венесуэльских отношений есть надежда и на оживление жизни российской диаспоры, и на всплеск интереса к русской культуре в этой далекой латиноамериканской стране. ■

¹ См.: Волков Г.Г. Полвека русской колонии в Венесуэле // Портал «Соотечественники»; Трегубова К., Галкин К. Русская Венесуэла // Газета «Время», 2003.

² См.: Трегубова К., Галкин К. Указ. соч..

³ См.: Трегубова К., Галкин К. Указ. соч..

⁴ См.: Трегубова К., Галкин К. Указ. соч..

⁵ Медаль Пушкина // МАПРЯЛ // http://www.mapryal.org/about/medal_pushkina.phtml#80.

УБИТЬ В СЕБЕ СИРОТУ

АЛЕКСЕЙ МОРОЗОВ

Людмила ЛУНИНА

Александр

Невысокий, коренастый жгучий брюнет, одетый в спортивный костюм, в бейсболке, сдвинутой прямо на глаза, Александр производил сильное впечатление. Если бы на ТВ снимали сериал про дворовую шпану, его взяли бы без проб.

Мебельная фабрика «София Декор» устраивала экскурсию

по своим цехам для сирот из детских домов. 30-летний Александр давно таковым не считался, но за него попросила директор школы «Большая Перемена», и организаторы экскурсии присоединили его к группе.

Через два часа Саша стал неформальным лидером нашей группы. Он снял бейсболку и стал еще круче: молодой лысеющий пират с безжалостным взглядом. Но столько вопросов о мебели, сколько задал он, не

придумали мы все, вместе взятые. Ему было любопытно все, его распирало от интереса к жизни. Он оказался весьма обходительным, открытым, дружелюбным. Рассказал, что мечтает стать инструктором по фитнесу, для этого качает мускулы и в «Большой Перемене» подтягивает химию и биологию перед поступлением в физкультурный институт. Но, в принципе, и столярное дело его тоже всегда привлекало.

В России более 700 тыс. сирот, и эта проблема никого не оставляет равнодушным. Сегодня редкая частная компания не имеет своего подшефного детского дома: детям устраивают елки, возят им продукты и одежду, ремонтируют помещения, отправляют их на отдых за границу. Но, судя по тому, что к взрослой жизни адаптируются лишь 15% выпускников детских домов, мы делаем что-то не так. Альтернативные способы решения проблемы сиротства разрабатывают в образовательном центре «Большая Перемена».

АЛЕКСЕЙ МОРОЗОВ

Позднее я встретила с другими студентами «Большой Перемены». Все они немножко похожи на Элизу Дулиттл, которая впервые вышла в свет: они полны энтузиазма и нацелены на активное общение с людьми. Они – лучшая витрина своей школы.

Элитная школа для сирот
«Большая Перемена» – это образовательный центр для выпускников детских домов, некоммерческая организация, которая в

октябре 2009 года отметит семилетний юбилей. Если какой-либо «сирота» (сироты в расхожем представлении это дети моложе 18) хочет улучшить знания по общеобразовательным предметам, он приходит в «Большую Перемену», и ему помогают.

Но «улучшить» – это мягко сказано. Часто 20–30-летние люди имеют знания на уровне 4-го класса: умножают с трудом, а делить не умеют. В «Большой Перемене» возятся со всеми, даже с

теми, на кого общество махнуло рукой, у кого диагноз «необучаемый» и кто 10 лет жизни провел даже не в нормальном детском доме, а в коррекционном интернате и толком-то говорить не умеет.

Учат в «Большой Перемене» как в привилегированной школе: очень доброжелательные и терпеливые учителя, очень маленькие группы (2–8 человек), очень много самостоятельной работы, и действует ее жесткий контроль: пока не сделаешь все

АЛЕКСЕЙ МОРОЗОВ

■ «Большая Перемена» – это образовательный центр для выпускников детских домов, некоммерческая организация, которая в октябре 2009 года отметит семилетний юбилей

домашние задания, не получишь зачет за неделю, без этого не аттестуют за месяц, а там и на второй год могут оставить. Студенты стонут, но «продолжают жевать кактус». «Перемены у нас короткие, звонок громкий, опаздывать нельзя. Терплю, страдаю, мучаюсь, а уйти не могу» (студент Василий Шахов).

Вот и мой знакомый Александр бросал учебу, но потом вернулся. Потому что мы ценим не тех, кто нас жалеет, а тех, кто верит в наши безграничные возможности.

Наталья

Ей 27 лет. Она из неблагополучной семьи, воспитывалась в детском доме. Как она сама вспоминает, в школе практически

ничему не учили, в ПТУ тройки ставили автоматом. Первые годы после детского дома «жила как во сне». Потом решила как-то определиться – и попала к «Свидетелям Иеговы». «Многие считают эту организацию сектой, но я к ним до сих пор тепло отношусь, только жить по их правилам не могу». Расстаться со «Свидетелями Иеговы» Наташе помог социальный работник – психолог по образованию. Ей вообще везло на психологов. Один из них посоветовал пойти учиться в «Большую Перемену». За пять лет она прошла программу средней школы, сдала экстерном экзамены и в 2007-м поступила в Российский Новый университет на отделение прикладной информатики. Парал-

лельно работает – налаживает противоугонное оборудование на дорогих иномарках. В «Большой Перемене» на нее не нарадуются: это была бедовая девчонка, у которой джинсы болтались сильно ниже бедер, а майка едва прикрывала грудь, и стиль одежды не менялся ни летом, ни зимой. Сегодня Наташа – само благоразумие: «Учиться просто необходимо. Иначе как я смогу воспитать собственных детей?!»

Как завещал классик

В основе работы «Большой Перемены» лежит разумная идея, что для детей, оставшихся без родителей, главное – образование. (Вот и дедушка Ленин когда-то завещал...) У других детей есть выбор: ждать наследства или

■ Учат в «Большой Перемене» как в привилегированной школе: очень доброжелательные и терпеливые учителя, очень маленькие группы (2-8 человек)

рассчитывать на помощь папы и мамы. Для сирот единственный «социальный лифт» – знания.

Образование в «Большой Перемене» начинается с того, что каждый ученик сам определяет цель. Что он хочет: быть инструктором в спортивном клубе, медсестрой в больнице, программистом или еще кем. Если цель определена верно, невыполнимых задач нет. Поступают в вузы и в 36 лет, скрывая свое сиротское прошлое и диагноз «необучаемый». «Шансов почти не было, но он (она) все-таки поступил(а)», – любимая приписка педагогов.

А почему же директора детских домов этим не занимаются? – спросит читатель. Занимаются – но далеко не все. Дирек-

тору важно, чтобы дети были живы, сыты, обуты-одеты, об их отметках он тоже думает, но не в первую очередь.

«Мы сотрудничаем с теми детскими домами, администрация которых поддерживает своих воспитанников в учебе. И, к счастью, количество таких мест потихоньку растет. Обычно все упирается в мелочи. Если старшеклассник ездит к нам на вечерние дополнительные занятия, то поздно вечером в детском доме его кто-то должен встретить и накормить ужином. Если такой взрослый находится, мы готовы детям помогать».

За пять лет «Большая Перемена» выпустила более 200 учеников. В масштабах страны это капля в море, но как модель принципов

ально новой формы благотворительности, нового отношения к сиротам – бесценный опыт.

«Мы считаем, что лучше один раз научить наших студентов «ловить рыбу», чем кормить ею людей, не способных взять на себя ответственность за свою жизнь, не умеющих принимать решения и действовать самостоятельно» – так формулирует свое кредо «Большая Перемена».

Ирина Рязанова

Каждое здоровое дело – это, как правило, инициатива снизу. «Большую Перемену» придумала Ирина Рязанова, учитель во втором поколении, мама троих детей. У нее за плечами работа в обыкновенной советской школе и сотрудничество с западными

АЛЕКСЕЙ МОРОЗОВ

■ Образование в центре начинается с того, что каждый ученик сам определяет цель

ми некоммерческими фондами. От отечественной педагогики у Ирины Павловны – душевность и радение за каждого ученика, от западных институций – менеджерские умения. Именно эти умения позволяют ей из года в год находить финансирование проекта и вовлекать в него новых и новых людей.

Благотворительность – это ведь не только денежная помощь крупных корпораций, это прежде всего волонтерство. Однажды к Ирине Павловне обратился иностранец-экспат, сотрудник Ernst & Young. У него было четыре свободных часа в месяц, он хотел сделать что-то полезное. В «Большой Перемене» ему разработали гибкий график преподавания – он вел занятия по английскому языку.

Пять лет назад «Большая Перемена» ютилась в помещении в самом конце Ярославского шоссе. После того как статью о центре опубликовал журнал «Эксперт», фирма Cushman & Wakefield (международный консультант по коммерческой недвижимости) подыскала «Перемене» подвал у Павелецкого вокзала. «Профессиональные риэлтеры за три дня сделали то, на что у нас ушло бы полгода, – вспоминает Ирина Рязанова. – Для нас новое помещение стало огромным подспорьем, мы увеличили число студентов. Часто компании стремятся оказывать непосредственную помощь детям-сиротам. А на мой взгляд, лучше поддерживать организации, которые умеют помогать профессионально».

Площадей, однако, все равно недостаточно, чтобы, во-первых, получить лицензию на право именовать полноценной школой. И, во-вторых, запустить новые программы, адресованные самым трудным студентам, кого первые полгода невозможно даже объединять в группы, кто стихотворение в четыре строчки учит с 20-го раза.

Сегодня «Большая Перемена» – содружество энтузиастов, профессиональных учителей, каждый из которых имеет право на преподавательскую деятельность. Вместе они разработали десятки уникальных образовательных программ.

Им уже не раз предлагали пойти под эгиду всевозможных политических организаций, поместить рядом со своим названием чужой логотип – и получить фи-

■ В «Большой Перемене» много самостоятельной работы, и действует ее жесткий контроль: пока не сделаешь все домашние задания, не получишь зачет за неделю, без этого не аттестуют за месяц, а там и на второй год могут оставить

нансирование. Но Ирина Рязанова такие предложения отвергает. Она вообще не любит благодетелей: «Если люди хотят помочь, то должны относиться к нам как к равноправным партнерам».

О сиротах и сиротстве

У Ирины Рязановой есть своя точка зрения, что такое сиротство. Это не статус человека, а уровень развития сознания и шире – социальное явление. Сиротой можно быть и при живых родителях. Сиротская психология – это смесь страха, бессилия, незащитности, одиночества, это неверие в свои силы и пассивное отношение к собственной судьбе. Обратная сторона сиротства – повышенная агрессивность, желание обвинить окружающих в своем неуспехе.

Современные русские благодетели, пытаясь поддержать детские дома, очень часто сирот в их сиротском положении укрепляют: делают им подарки «просто так», от собственной душевной широты. И вырастают дети с гипертрофированными изживленческими настроениями, с единственной установкой – получать удовольствие. Свое сиротство они несут как медаль. После детдома государство «просто так» предоставляет им жилье и тем самым делает абсолютно неприспособленных людей мишенью для разного рода квартирных махинаторов. (Нет чтобы дать сиротам льготный ипотечный кредит, помочь на квартиру заработать. – Прим. авт.).

С повзрослевшими сиротами никто не хочет нянчиться.

Одно дело – покачать малыша на коленке, сводить его в цирк, другое – найти общий язык с задиристым тинейджером. И тут вчерашние благодетели, таскавшие в детские дома конфеты, разводят руками: «Что вы хотите?! Гены!»

В России много официальных сирот как раз потому, что страна мы, по гамбургскому счету, сиротская. По данным информационного центра «Благотворительность в России» (<http://www.infoblago.ru>), помощи со стороны государства и частных лиц ждут 43% россиян. Мы все хотим преференций: льготного проезда на транспорте, скидок на ЖКХ, бесплатной медицины, больших пенсий. В Гонконге, например, пенсий нет, и народ не жалуется.

АЛЕКСЕЙ МОРОЗОВ

■ За пять лет «Большая Перемена» выпустила более 200 учеников. В масштабах страны это капля в море, но как модель принципиально новой формы благотворительности, нового отношения к сиротам – бесценный опыт

Простые решения

Борьба с иждивенчеством – приоритет для «Большой Перемены». Здесь студентов водят в театры, но при условии, что они сами купят билет. Вначале многие возмущаются: «Почему я должен покупать? Я же сирота!» На что руководитель образовательного центра Елена Михайлюк отвечает: «Ну и что?! Я тоже сирота. Каждый человек с определенного возраста, когда умирают его родители, сирота».

В «Большой Перемене» разработали свой устав, и первое его положение гласит: с каждым из нас все в порядке. У меня все ОК, и у тебя все нормально, и не надо жаловаться на судьбу.

Примерно раз в год студенты совершают большое путешествие по стране или за границу. Уже побывали в Киеве и Праге. Для этих путешествий они копят деньги, сами разрабатывают

маршрут, оформляют загранпаспорта и визы, покупают билеты, бронируют гостиницы. Наверное, новые города и страны обогащают их внутренний мир, но не меньше пользы приносит именно подготовительный процесс.

«Большая Перемена» проводит учебные конференции, на которых студенты делают доклады обо всем на свете – от «Что такое гнев» до «Как устроена Солнечная система». Позже доклады публикуются в сборнике, каждая статья снабжена фотографией автора. Эти книжки, собственные статьи и фотографии производят на студентов ошеломляющее действие.

Личный опыт

Я столкнулась с «Большой Переменой», когда с подругами устраивала благотворительный проект для детского дома в го-

роде Мещовске Калужской области. Мы хотели привезти в Москву старшеклассников, у которых почти нет шансов быть усыновленными, поводить по художественным мастерским и фабрикам и «замотивировать» на учебу и творчество. Мы не были уверены, что детям это надо. Где они смогут учиться после нашей экскурсии? В их положении, вполне вероятно, лучше и не знать о каких-то профессиях, о других шансах.

В «Большой Перемене» наши сомнения отвергли и посоветовали искать активные силы вне стен детского дома. Нам это казалось утопией: Мещовск – дремлющий городок с пятью тысячами жителей и абсолютно разбитыми дорогами. Удивительно, но активные люди там нашлись: нам помогли настоятель монастыря отец Георгий, главный редактор газеты «Восход» Сер-

■ «Большую Перемену» придумала
Ирина Рязанова

гей Аничкин, директор детского дома творчества «Воспитание» Наталья Аношкина.

Наши подопечные дети – шесть человек – после экскурсии в Москву учатся с репетиторами, которым мы платим за репетиторские услуги. Платить за репетиторство тоже подсказала «Большая Перемена». Без ее помощи у нас вряд ли что-то получилось бы: мы не выстроили бы правильно логику проекта.

Самое замечательное, что нас поддержало руководство и воспитатели детского дома. Потому что и у детей, и у взрослых появилась цель. Одно дело – просто жить, ссориться-мириться и ждать, пока ребенок достигнет 18 лет и уйдет неведомо куда во взрослую жизнь. А другое – знать, что ему через полтора года поступать, к примеру, в кадетское училище, и надо его

готовить. Вроде бы мелочь, а на самом деле все меняется кардинально.

О благотворительности

В 1996 году при ИД «Коммерсант» начал работать первый русский благотворительный фонд. Его директор Лев Амбиндер поставил дело на профессиональную основу, и за 13 лет фонд собрал на разные важные проекты \$30 млн! Было время, когда мы, сдерживая слезы, читали объявления неизвестных, но сильно нуждающихся людей: «Мне бы \$500 на оверлок (корову, компьютер и проч.)». Им помогали. А сегодня на оверлок можно взять кредит в банке. Это все к тому, что общество наше растет и развивается, жизнь становится сложнее, чем она была при социализме, и наши благотворительные проекты должны стать рациональнее. Особенно помощь, адресованная сиротам. ■

СЛУЖБА БАРАБАННАЯ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОПОТАРЕВЫМ

Музыка боя. Так говорят о кляцанье затворов и свисте мин, реве штурмовиков на бреющем и скрежете танковых гусениц, грохоте разорвавшихся снарядов и назойливых криках батальонного телефониста, требующего от «третьего» выйти на связь. Но это не музыка – это звуки войны. А далеко не все звуки – музыка!

Михаил БЫКОВ

Военная музыка – ровесница самой войны. Если под войной мы подразумеваем организованные боевые действия с политическими целями. Натянутые на обручи куски бычьей кожи и огромные полые деревянные трубы поднимали на бой, помогали блюсти дисциплину в этом бою, вселяли в сердца отвагу и, наконец, извещали о достигнутой победе. А случалось – напрямую помогали этой победе добиться. Вспомним старозаветные стены города Иерихона, павшие под мощью звуков боевых труб.

На Руси первые источники, в которых говорится о наличии в войске музыкальных инструментов, датированы XIV веком. Из летописи: «И начаша мнози гласы ратных труб трубити».

Военные оркестры великих князей русского Средневековья по количеству задействованных инструментов были под стать нынешним симфоническим оркестрам. Но сами инструменты

разнообразием не отличались. В XVII веке в войске царя Алексея Михайловича, как и встарь, трубили в трубы, били в литавры и бубны. Правда, размер некоторых накр (так назывались бубны. – **Прим. авт.**) достигал подчас фантастических величин. Встречались накры, которые везли на лошадях и в которые били одновременно до 8 человек!

Военные оркестры в современном смысле слова появились в русской регулярной армии аккурат в момент ее возникновения. Царь Петр известен между прочими страстями и большой любовью к барабанному бою и другим музыкам. И среди потешных в селе Измайловском тут же оказались первые барабанные команды. В штатном расписании лейб-гвардии Преображенского полка за 1702 год записано 40 барабанщиков и 32 флейтиста. Петр нарушил каноны военного оркестра, сформулированные еще Людовиком XIV. Все инструменты, считал «король-солнце», должны делиться на три группы: «барабанно-дудочную», «литавро-трубную» и «фаготогобойную». Позже инструмен-

тальный состав дополнили тромбоны, валторны и серпенты. Петр Первый начал скромнее. Зато потом!..

К 1716 году Преображенский оркестр, а значит, и Семеновский (два первых гвардейских полка всегда шли нога в ногу. – **Прим. авт.**), уже не только воевал. Благо, шведский король Карл был разбит окончательно, Северная война затухала. Медь и лакированное дерево военных оркестров царили на петровских ассамблеях в строящемся Петербурге. К этому времени, если судить по свидетельству немецкого поэта и ученого из Швабии фон Штели-на, посетившего Россию, «каждый полк получил свой немецкий хор гобоистов, капельмейстера, и к каждому из них было придано для обучения определенное количество русских солдатских детей... По установленному Петром Первым распоряжению эти новобранцы должны были все предобеденное время с 11 до 12 часов посвящать публичным упражнениям, причем трубачи и литаврщики размещались на башне петербургского Адмирал-

тейства, а гобоисты, фаготисты и валторнисты – на церковной башне крепости С.-Петербурга».

В царствование Анны Иоанновны на дирижерских постах немецких капельмейстеров сменили итальянские. Профессиональный уровень музыкантских хоров, как назывались тогда оркестры, заметно поднялся. С Царева луга и мест народных гуляний под открытым небом военных музыкантов начали приглашать работать в придворной опере.

Кто во что горазд

Россия никогда не терпела формалистику и тупой порядок. Не случилось оно и в деле военно-музыкальном. Даже пугающе приверженный уставу император Павел, даже скрупулезный сын его Николай Первый вкупе с младшим братом великим князем Михаилом Павловичем, славившимся солдафонством, не смогли привести всю армию военных музыкантов России к общему знаменателю. Полковые оркестры составлялись произвольно, исходя не только из положенного по штату содер-

жания, но и по возможностям шефа полка, его командира и господ офицеров.

Типовым полковым оркестром в пехотной гвардии в середине XIX века был оркестр, смешанный из медных и деревянных духовых инструментов, числом 42 человека. Вармейских полках числилось только 40 вакансий. У кавалерийских частей – свой расклад, неслучайно их музыкальные команды назывались «хорами трубачей». Артиллерийским бригадам музыка, по мнению государей, была и вовсе ни к чему. Если говорить непосредственно о боевой обстановке, пожалуй, верно: смысла никакого. А в мирное время почему такая дискриминация? Несмотря на отсутствие казенных денег на эти цели, несколько артиллерийских бригад создали собственные оркестры, существовавшие на офицерские деньги и доходы от батарейных хозяйств. В Фанагорийском гренадерском полку, особо ценимом фельдмаршалом Суворовым, было 54 музыканта, в Самогитском гренадерском – 45. А в лейб-гвардии пехотном Финляндском полку до

последних дней существования, то есть до 1917 года, держали оркестр, по традиции состоявший исключительно из медных духовых инструментов. Да и какие тут могут быть ограничения, если военная Россия музицировала с исполинским размахом? В марте 1838 года поэт князь Владимир Одоевский вместе с музыкантами братьями Вильегорскими задумал большой концерт в Биржевом зале для сбора средств на помощь многочисленным российским детским приютам. Сам Одоевский вспоминал, что оркестр и хоры составились из 1000 музыкантов: 600 инструменталистов и 400 хористов. А в марте 1854 года благотворительный концерт в пользу военных госпиталей собрал на сцене 60 скрипок, 15 альтов, 15 виолончелей, 15 контрабасов и 45 духовых. Всего – 150 человек.

Вообще, все так называемые «Инвалидные концерты» – специальные благотворительные праздники – организовывались и проходили в режиме «гала» или «в стиле монстр», как говорили тогда.

■ Дети московского промышленника
Николая Ивановича Прохорова
в костюмах 1812 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОПОТАРЕВЫМ

■ Празднование в Москве столетия войны 1812 года.
Рота Дворцовых гренадер в форме воинов войны
1812 года на паперти храма Христа Спасителя

Относительный порядок со штатами военных оркестров удалось навести лишь в 1876 году. К этому времени русская военная музыка заняла лидирующие позиции в Европе и хотела подавать пример остальным не только по части талантов, но и по части правильного ведения дела. А свидетельством нашего первенства служит, например, такой факт. В 1867 году на «международном конкурсе» военных оркестров Европы в Париже первое место занял оркестр лейб-гвардии Кавалергардского полка. Появлению порядка способствовало и то, что благодаря инициативе композитора Антона Рубинштейна открылись Петербургская и Московская консерватории и сеть Императорских музыкальных училищ в губерниях. Армия полностью отказалась от самоучек и заезжих капельмейстеров. Появились собственные кадры с отличным образованием.

Палочка вместо шпаги

О значении военного оркестра в бою и в мирной жизни армии высказывались многие великие

полководцы. Суворов писал: «Музыка в бою нужна и полезна, и надобно, чтобы она была – самая громкая. С распущенными знаменами и громогласной музыкой я взял Измаил». С явной миной нотой ему вторил Наполеон Бонапарт, утверждавший, что Великую армию погубили прежде всего два врага – русские морозы и русская военная музыка. Мол, его солдат и офицеров оторопь брала, когда русские шли в атаку под громкую до одури песню. Сдается, несколько кривил душой по поводу оценки собственного краха в кампании 1812 года. Но ведь музыку отметил, а не вкус русского сена, от которого – почему бы нет? – портилось настроение французских драгунских коней. И не русские бани «по-черному», в которых до костей промерзшие солдаты маршалов Нея и Даву даже не пытались согреться и отпариться. Потому что не умели.

Сугубо мирный человек и авторитетнейший театальный критик Стасов писал о роли военных музыкантов так: «Военные оркестры – проводники не только одной военной, но и всяче-

ской музыки в массу народную, на улице, в публичном саду, в процессии, в каждом народном или национальном торжестве, кого же народ всегда слышит, как не единый военный оркестр, через кого он и знает что-нибудь из музыки, как не чрез него».

Столь высокие задачи и столь же высокие оценки предполагают наличие в военно-музыкальной среде не только класса профессионально обученных специалистов, но и плеяды чрезвычайно талантливых композиторов, дирижеров, импресарио и исполнителей. Так оно и было на деле. Среди первых – имена Александра Алябьева, Николая Римского-Корсакова, Антона Рубинштейна, Цезаря Кюи, Милия Балакирева, Михаила Глинки, Петра Чайковского, Александра Глазунова, Александра Скрябина...

Алябьев написал в 1830 году первую русскую симфонию для военного оркестра. Глинка использовал «музыкантский хор» в обеих великих операх – «Жизнь за царя (Сусанин)» и «Руслан и Людмила». Последним произведением Глазунова был концерт

■ Военный оркестр роговой музыки

■ Александр Алябьев

для группы саксофонов, впервые исполненный в Париже оркестром французской национальной гвардии. Скрябин очень удачно переложил оперу Чайковского «Пиковая дама» на язык военного духового оркестра. Но сольная партия принадлежит, видимо, Николаю Римскому-Корсакову. Свыше десяти лет он возглавлял инспекцию оркестров Военно-Морского ведомства. На этом посту великий композитор занимался и оргвопросами, и популяризацией русской классической музыки, особенно произведений Михаила Глинки, и обновлением репертуара военных оркестров, в том числе собственными работами. Коллега Николая Андреевича по цеху композитор Кюи писал по этому поводу: «Это едва ли не первый пример превосходного музыканта и талантливого композитора, работающего для военного оркестра, а между тем подобные работы имеют громадное значение, если принять во внимание распространение музыки с помощью большого числа военных оркестров».

Но помимо общеизвестных фамилий историю русской во-

енной музыки творили люди, которых сегодня вспоминают, к сожалению, крайне редко. Это военные дирижеры Гаазе, Раль, Бурм, Главач, Оглоблин, Зубов, Эккерт, Владимиров, Сабателли. Капельмейстер московского Александровского военного училища Крейнбринг, подготовивший отменный оркестр, который частенько приглашали на сцену Большого театра. Наконец, кавалергард Алексей Львов – автор музыки к гимну Российской империи «Боже, царя храни!» на слова придворного поэта Жуковского.

Когда эполеты не мешают

Офицерский корпус русской армии не остался в долгу перед русской музыкой.

Род Титовых дал стране пять композиторов и музыкантов. Генерал-майор Алексей Николаевич Титов писал оперы, которые в первой половине XIX века с успехом шли не только на русской, но и на французской сцене. Его брат генерал-лейтенант Сергей Николаевич Титов также успешно сочинительствовал.

Его сын Николай, служивший в лейб-гвардии Семеновском полку, был известен как автор романсов. Сыновья Алексея Николаевича – преображенский офицер Михаил и Николай, еще в юности сменивший преображенский Андреевский крест на знаки различия лейб-гвардии Финляндского, а затем лейб-гвардии Уланского Его Величества полка, – также писали музыку к романсам. Причем Николай делал это настолько хорошо, что при жизни получил завидное звание «дедушки русского романа». Он покинул мир 75 лет от роду отставным генерал-лейтенантом с мундиром. А хоронили его на Смоленском кладбище Петербурга с почетным эскортом в два батальона лейб-гвардии Измайловского полка.

Об «Измайловских досуках», организованных командиром роты Его Величества лейб-гвардии Измайловского полка великим князем Константином Константиновичем, известным также под поэтическим псевдонимом «К.Р.», надо рассказывать отдельно. Если же коротко, то литературно-музыкально-

■ Трубоч

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

■ Казачий военный оркестр

театральные вечера оставались событием в культурной жизни не только полка, но и всего Петербурга на протяжении более чем 30 лет. Подсчитано, что за первые 25 лет состоялось 223 вечера, где присутствовало около 10 000 человек. Апофеозом «Измайловских досугов» стала постановка мистерии великого князя Константина Константиновича «Царь Иудейский» на сцене Императорского Эрмитажного театра. Государь не только дал разрешение на спектакль, но и позволил профинансировать его из средств Министерства двора, а также передал режиссеру-постановщику Придворный оркестр, в 1882 году созданный в основном из музыкантов Кавалергардского полка. Кстати, ныне – симфонический оркестр Государственной академической капеллы Санкт-Петербурга. Музыка для мистерии написал Александр Глазунов. Премьера состоялась 9 января 1914 года. В мужских ролях были задействованы 66 офицеров лейб-гвардии Измайловского полка. Повторить спектакль зимой 1915-го, как предложил император, уже не успели...

...Лейб-гвардии Литовский полк стоял в Варшаве. Офицер полка и – по совместительству – замечательный гитарист Аполлон Бибииков сразу заметил, что с определением в «литовцы» юного поручика Николая Макарова

у него появился достойный конкурент не на плацу, а в музыкальном салоне. Более того, Бибииков совершенно серьезно полагал, что Макаров составит конкуренцию самому Фредерику Шопену.

Николай Павлович Макаров умер в 1890 году. И сейчас, спустя без малого 120 лет, его знают и помнят лишь знатоки гитарной игры. Мастер, признавали современники, он был изумительный. И сочинял иногда замечательно. Как-то оказались у него стихи некоего Гурилева. И явился на свет романс:

*Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога холмится слегка.
И далеко по темному полю
Разливается песнь ямщика...*

Но самый дорогой подарок армия предложила русскому музыкальному искусству в лице Модеста Мусоргского. Два года в Николаевском кавалерийском училище, потом столько же в рядах лейб-гвардии Преображенского полка, вхождение в круг будущих участников «Могучей кучки»: Кюи, Балакирева, Бородина... К слову, вот описание на тот момент медика Бородина, данное гвардейцу-прапорщику Мусоргскому вскоре после знакомства: «Манеры изящные, аристократические, разговор такой же, немножко сквозь зубы, пересыпанный французскими фразами, несколько вычурными.

Некоторый оттенок фатоватости, но очень умеренной. Вежливость и воспитанность – необычайные. Дамы ухаживали за ним. Он садился за фортепьянами и, вскидывая кокетливо ручками, играл весьма сладко, грациозно и пр. отрывки из «Трубадура», «Травиаты» и т.д., и кругом него жужжали хором: прелестно, восхитительно и пр.».

С маршем навстречу

К началу XX века военные оркестры выполняли в русском обществе ту же функцию, что сегодня выполняют радиостанции в диапазоне FM. Военные музыканты могли выступать где угодно и играть что угодно. Среди партитур духовых оркестров встречались и сложнейшие вещи Вагнера и Берлиоза, и переработки народных песен и популярных романсов. А музыканты лейб-гвардии Волынского полка по выходным сбивали с толку варшавскую публику кейк-уоком, неведь каким образом попавшим на берега Вислы.

А как же главная составляющая музыки войны – марши? Или русские военные оркестры существовали не ради них? С маршами в русской армии все было в порядке.

Особняком стоит, разумеется, «Преображенский марш», который и в сегодняшней РФ часто исполняют в торжественных случаях и на официальных церемониях. А уж до 1791 года, до

■ Духовой оркестр и пляшущие солдаты. Первая мировая война

■ Русский военный оркестр в Марселе. Начало XX века

появления полонеза Осипа Козловского «Гром победы, раздавайся!», это произведение неизвестного автора считалось официальным светским маршем при торжественном выходе царственных особ. Под этот марш русские войска входили в 1814 году в Париж. Слова марша гравировались на шпагах и саблях преображенских офицеров. Мелодия марша вела в бой шеренги Белого движения на Дону и Балтике, в Поволжье и Сибири. После 1917 года под «Преображенский марш» в Европе выносили боевые знамена и русский национальный флаг во время различных памятных церемоний с участием представителей русской эмиграции. После Второй мировой войны адмирал Льюис Баттенберг лорд Маунтбеттен, племянник последней российской императрицы, предложил позаимствовать самый известный русский военный марш 3-й бригаде Королевской морской пехоты Великобритании. Точное его название – «Петровский марш».

Второй полк русской гвардии обрел собственный марш в 1796 году. Его сочинил командир лейб-гвардии Семеновского полка генерал-майор Александр Римский-Корсаков, предок великого композитора, посвятив произведение одной из придворных фрейлин.

Кавалергарды выбрали марш в 1826 году. Императрице очень нравилась одна тема из популярной в те годы оперы французского композитора Буальде «Белая дама». Мало того что Александра Федоровна была шефом полка, так и «белая дама» на профессиональном кавалерийском аргоне означала холодное оружие.

В 1841 году по случаю бракосочетания цесаревича Александра Николаевича и принцессы Марии Гессенской Россию посетил наследный принц Гессен-Дармштадтский. В честь этого события получили один марш на двоих лейб-гвардии Кирасирский Ее Величества и 2-й лейб-драгунский Псковский Ее Величества полки. Марш называется «Гессенский» или «Дармштадтский». По той причине, что автором его является ландграф Людвиг VIII Гессенский, записавший ноты в 1730 году.

Уже понятно, что появление полковых маршей носило не менее хаотичный характер, чем формирование полковых оркестров. Самая лихая история случилась, пожалуй, с лейб-гвардии Казачьим полком. Лейб-казаки долго мучились с выбором. Хотелось, конечно, чтобы полковой марш напоминал о милой сердцу донской степи, о родных станицах, но песни на Дону плавные, тягучие, медленные. Либо уж больно шальные. Знал о пробле-

ме донцов и государь. И вот как-то, глядя на скользящие мимо с пиками наперевес казачьи сотни, обронил: «Идут как на свадьбу!» Тут же и решение пришло. Пусть полковым маршем лейб-казаков будет «Свадебный марш» Мендельсона. Странно, но самим гвардейским казакам и идея, и музыка приглянулись.

В армейской глубинке с оригинальными произведениями было труднее. Повезло 20-му пехотному Галицкому полку. Так вышло, что марш ему сочинил талантливый военный капельмейстер Сабателли. И сочинял не один, вместе с музой. Но пехотных полков в России были десятки и десятки. Как и гренадерских, стрелковых, драгунских, казачьих... А ведь еще в 1857 году вышел приказ №237 по Военному ведомству, из которого следовало, что каждому полку полагалось иметь собственный марш. В большинстве своем эти музыкальные произведения шедеврами не стали. Да и не в каждом из провинциальных гарнизонов находились такие бойкие авторы-энтузиасты, как в Гвардейской Конной артиллерии. Тамшний штаб-трубач Степан Годючий прямо ходатайствовал о посвящении сочиненных им для военной кавалерии двух рысей Его Императорскому Величеству и Его Императорскому Высочеству генералу-фельдцейхмейстеру.

■ Военный музыкант. 1916 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОПОТАРЕВЫМ

■ Петр Чайковский

Репертуар каждого полкового оркестра был нешуточным. Мало того что требовалось на зубок знать все строевые и боевые сигналы, главные марши империи, собственный полковой марш, так приходилось выучивать и наигрывать полковые марши десятков воинских частей, дислоцированных и в родном округе, и за его пределами. Дело в том, что в Русской императорской армии существовала красивая традиция. Если мимо проходил другой полк, оркестр в обязательном порядке приветствовал солдат и офицеров их полковым маршем. Ну и в ответ, разумеется, получал октавы родных звуков. Вся эта церемония называлась – сыграть встречный марш. Особо старались в тех случаях, когда на дороге встречались полки-побратимы. Как, например, преображенцы и лейб-гусары Его Величества.

Но и это не все. Были еще и солдатские песни, мелодии которых секретом для полковых музыкантов, конечно же, не являлись.

Песенники, вперед!

«Кто сказал, что не бывает песни на войне?» – спрашивал герой Леонида Быкова в фильме «В бой идут одни старики».

Хотя пели русские солдаты и в мирное время. Пели на работах и на учениях, у вечернего костра и на всяческих полковых праздниках. Есть основание полагать, что самая древняя из известных русских солдатских песен датируется X веком. Но расцвет солдатского фольклора пришелся на XVIII–XIX века. При Петре рекрутов в армию забирали на 25 лет. Позже сроки стали сокращаться, и к Первой мировой войне срочная служба ограничивалась тремя годами в армии и пешей артиллерии, четырьмя в кавалерии и пятью во флоте. Но возникшая еще в годы Северной войны солдатская каста, равно как и офицерская, быстро обросла традициями. Частые войны и боевые походы, непритязательные в бытовом отношении условия, специфика большого мужского коллектива, жесткие требования к службе – все это формировало фольклор и прежде всего самую доступную в солдатской среде форму – песни. Дополнительным стимулом к казарменному и бивачному творчеству служила казачья песенная традиция. Казаки многие десятилетия воевали бок о бок с солдатами регулярной армии, но быт в казачьих частях имел заметные отличия. Довольно сказать, что ка-

зак не в пример рекруту оплачивал экипировку, оружие и коня из собственного кармана. А пели казаки, как известно, всегда и везде. Допелись до того, что в 1886 году в Императорском Русском географическом обществе была создана специальная комиссия для сбора и издания песен всех казачьих войск. Жаль, что такая же комиссия не занималась темой солдатской песни и офицерского романса. Иначе бы мы все знали, что песня «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!» родилась не в начале Великой Отечественной войны, а на пике Первой мировой. И вторую строчку пели так: «С германской силой темною...»

Не сомневались бы в русском происхождении песни «Варяг». Да, стихи написаны немцем Грейцем, но мелодия родилась в голове музыканта Туришцева, служившего в 12-м Астраханском гренадерском полку. Не путали бы рожденный в 1902 году и ставший неофициальным гимном Добровольческой армии в Гражданскую войну романс «Белой акации гроздь душистые» на стихи Пугачева с романсом советских авторов Баснера и Матусовского о белой акации, про которую «всю ночь соловей нам насвистывал», написанным аж в 70-х годах XX века.

■ Манифестация на Тверской, у кондитерской Филиппова. 1918 год

Специально для телефильма режиссера Басова «Дни Турбиных». Имели бы представление о том, что строевая песня «Смело мы в бой пойдем за Русь святую» имела и такие строки: «Вдали показались красные роты...» Лишь после Гражданской войны стихи кардинально переделали. Хотя мотив остался. Удивлялись бы, как удалось в сталинское время протолкнуть на сцену МХАТа при постановке спектакля «Дни Турбиных» по пьесе Булгакова «Белая гвардия» удалую песенку юнкеров Николаевского военно-инженерного училища «Здравствуйте, дачники, здравствуйте, дачницы! Съемки у нас уж давно начались» и уже упомянутый романс «Белой акации гроздь душистые» в оригинальном варианте.

Из тысяч военных песен, рожденных до 1917 года, до нас дошло, по разным оценкам, не более 400. Все их условно можно поделить на несколько основных групп. Прежде всего это песни строевые. Они отличаются одинаковым ритмом, так как на марше русский солдат обязан был идти в режиме 100 шагов в минуту. Сегодня мужской хор Института певческой культуры «Валаам» в концертах поет ритмичные и браваурные песни лейб-гвардии Семе-

новского полка «Мы верно служили при русских царях» и 81-го Апшеронского пехотного – «Друзья, апшеронцы лихие!», лейб-гвардии Московского – «Ты скажи, моя Марусенька» и, конечно, Преображенскую – «Знают турки нас и шведы». И многие другие.

Следующая группа песен – персональные. В них воспевались герои и погибшие. Показательна песня 61-го Владимирского пехотного полка, посвященная майору Горталову. Этот офицер дал слово ни при каких обстоятельствах не покинуть редут под Плевной в 1877 году. И когда турецкие цепи подошли вплотную, он, отпустив в тыл всех уцелевших в том бою людей, взобрался на бруствер и встретил врагов в одиночестве. Турки подняли героя на штыки. А родной полк – навечно вписал в историю.

Были песни шуточно-веселые. Характерна широко известная доселе «Соловей, соловей-пташечка». И не слишком приличные, но очень точные частушки «Журавель».

У будущих офицеров тоже был свой «Журавель» – шуточно-циничные куплеты, в которых давались специфические оценки различным военным училищам. Но по большей части офицерские песни создавались как романсы.

Рвались в гарнизонах сердца молодых поручиков и корнетов от придуманной или истинной неразделенной любви – и рождались стихи и мелодии. Но прорывалось и мужское начало.

*Я люблю кровавый бой.
Я рожден для службы царской.
Сабля, водка, конь гусарский.
Вот он, век мой золотой!*

Денис Давыдов еще в начале XIX века верно определил главную тему офицерской песни.

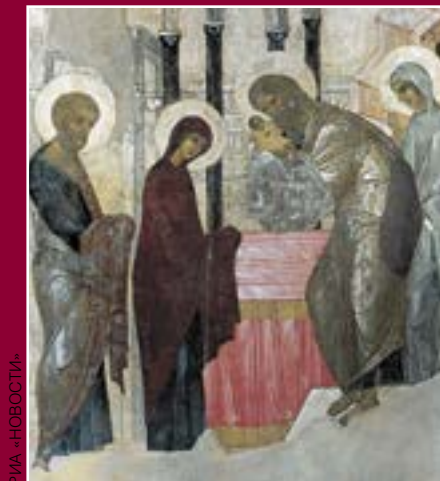
Музыка боя

12 октября 1877 года в бою под местечком Горный Дубняк в последнюю Русско-турецкую войну раненный двумя пулями командир лейб-гвардии Гренадерского полка полковник Юлиан Любвицкий не думал ни о ходатайствах, ни о маршах с романсами. Лейб-гренадеры залегли под убийственным турецким огнем, и надо было вновь поднять роты. Любвицкий подтащил поближе барабан, упавший на землю вместе с убитым полковым барабанщиком, и, как умел, заколотил по нему палочками, повторяя известный до самой последней нотки еще с юнкеров сигнал к наступлению. И роты – пошли! ■

НЫНЕ ОТПУЩАЕШИ

Сретение — праздник очень негромкий. Без ликующих песнопений, оглушительного звона, иллюминации, без красочных обрядов, даже — вот редкость! — без сопутствующих традиций. Просто праздник Встречи.

РИА «НОВОСТИ»

Анна ГАМАЛОВА

Зима, говорят в народе, в этот день с весной встречается. А в церкви напоминают о более глубоком смысле встречи: Новый Завет встречается с Ветхим, человек встречается с Богом.

Евангельская история, о которой вспоминают в этот день, такова. На сороковой день после рождения Иисуса Богородица принесла его в храм – туда приносили всех первенцев, достигших сорокадневного возраста, чтобы посвятить их Богу. До сорокового дня женщинам после родов возбранялось входить во храм, да и сейчас не положено; к Богородице это не относилось – нет нечистоты, нет и нужды в очищении; однако Святое семейство кротко подчинилось закону и принесло в жертву двух голубиных птенцов.

В храме Христа встретили глубокие старики – пророчица Анна и Симеон, последние праведники уходящего мира Ветхого Завета. Анна, овдовевшая в молодости, посвятила всю свою жизнь молитве. Симеон, как утверждает предание, был одним из семидесяти толковников – людей, переводивших по заказу египетского царя Птолемея II еврейское Пятикнижие на греческий язык. Переводя пророчество о рождении Спасителя – «Се Дева во чреве приимет и родит Сына» – Симеон засомне-

вался: дева – и родит? И хотел написать – «жена во чреве приимет», но ангел удержал его руку. И сказал: ты не умрешь, пока не увидишь исполнения пророчества.

И Симеон жил долго-долго – по преданию, триста лет.

Много лет – всю долгую и кровавую человеческую историю – люди ждали Спасителя. Рисовали себе картины: какой он придет. Мечтали о великом воине, о могучем политике, который избавит, поможет, освободит от рабства. И Спаситель пришел – маленький, спеленатый. Весом, наверное, килограмма четыре, а то и меньше.

На иконах рисуют Симеона Богоприимца склоненным, с протянутыми к Христу осторожными руками, и кисти благоговейно прикрыты рукавами: не дерзнул коснуться Бога рукой. Старик благословил Иисуса – и сказал Богу просто: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром»: теперь отпускаешь ты меня, Господи, как и обещал. И добавил: ведь видел я своими глазами спасение Твое, которое ты приготовил для всех людей.

Иосиф и Мария изумились его словам: Симеон назвал Иисуса «светом к просвещению язычников» и «славою народа Израиля». А старик, повернувшись к ним, продолжал рассказывать: «се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий». И об-

ратился к Богородице: «А Тебе Самой оружие пройдет душу». Это – обещание креста, худшей материнской участи: своими глазами видеть смерть сына. Праздник Сретения в православии относят к богородичным, и ризы готовят синие, цветов Богородицы: это Она принесла Сына в храм, Она потрясенно слушала пророчества Симеона и хвалы, возносимые Анной.

Анна стала рассказывать о том, что видела, всем в Иерусалиме. А Симеон, примиренный, отпущенный на волю, ушел умирать. Об этом торжественном, печальном и прекрасном Симоновом пути лучше всех, наверное, написал Бродский:

*Он шел умирать. И не в уличный гул
он, дверь отворивши руками, шагнул,
но в глухонемые владения смерти.
Он шел по пространству, лишенному тверди,*

*он слышал, что время утратило звук.
И образ Младенца с сияньем вокруг
пушистого темени смертной тропой
душа Симеона несла пред собою*

*как некий светильник, в ту черную тьму,
в которой дотоле еще никому
дорогу себе озарять не случалось.
Светильник светил, и тропа расширялась.*

С последними праведниками ушло в вечность человечество, жившее до Христа, до нашей эры, до спасения. Ушло с миром и надеждой: отпущены, дождались. Начался новый отсчет времени. Зима отступила. Затеplилась весна. ■

ИСКУССТВО ВОВРЕМЯ ПОВЕРИТЬ

из личного архива Н. Колодзей

■ Валерий Айзенберг. «Окно». 1997 год.
Коллекция Колодзей русского и восточноевропейского
искусства, Kolodzei Art Foundation, США

Собрание Татьяны и Натальи Колодзей является, по оценкам экспертов, крупнейшей в мире частной коллекцией современного русского искусства. Татьяна Колодзей начала собирать коллекцию 43 года назад.

■ Наталья Колодзей, Татьяна Колодзей и Александр Лебедев на выставке «Женщины в искусстве». 2008 год

Евгений ВЕРЛИН

Нью-Йорк – Москва

Татьяна Колодзей: Началось все спонтанно. Осознания того, что ты – коллекционер, и быть не могло. Если начинаешь какое-то дело, то пока не получишь результата, не представляешь, успешно оно или нет. Сейчас, конечно, я вижу, что это было очень успешное начинание. Сегодня в коллекции свыше 7000 работ более 300 авторов из бывшего Советского Союза, собрание является нашей с дочерью совместной собственностью.

Я жила в Москве, начиналось все с московских художников. Первой в моей коллекции стала картина Бориса Козлова «Монахиня», 1963 года. В то время мало кто интересовался современным искусством, лишь несколько коллекционеров. Для меня важную

роль сыграли встречи с другими собирателями. Своим учителем я считаю Георгия Дионисовича Костакиса. Попав к нему впервые в 17 лет и увидев его коллекцию, я заболела этим на всю жизнь. В коллекции Костакиса и в немногих других частных собраниях того времени – Я.Е. Рубинштейна, А.Ф. Чудновского – было то, чего нельзя было увидеть нигде в России: работы Поповой, Клуциса, Шагала, Малевича, Кандинского, Филонова... Произведения этих художников не выставлялись в официальных музеях. Все музейные фонды – Третьяковской галереи, Русского музея – были закрыты. Запасники рассматривались как секретные объекты, как атомное оружие. Слово «абстракция» нельзя было произносить вслух – враждебная идеология.

Коллекция Костакиса была просто бесценна. Она давала воз-

можность увидеть подлинники и оценить значение русского авангарда в XX веке. Было также много работ Анатолия Зверева, Дмитрия Плавинского, Владимира Немухина, Дмитрия Краснопевцева, то есть произведений того поколения, которые стала собирать я.

Когда я начинала, то не могла даже представить себе, что на ее основе через много лет будет создан фонд в Америке. Коллекция находилась в комнатах коммунальной квартиры и показывалась только знакомым. Основная масса народа даже не представляла, что происходит в современном искусстве. Коллекция шла вразрез со всем, что было вокруг. Слухи о ней росли как снежный ком. Стали попадать работы из самых разных уголков страны: Эстонии, Грузии, Латвии, куда я ездила по несколько раз в год... Да, все эти 43 года я собирала ежедневно...

из личного архива Н. КОЛОДЗЕЙ

■ Анатолий Слепышев. «Шествие». 1983 год.
Коллекция Колодзей русского и восточноевропейского
искусства, Kolodzei Art Foundation, США

Думать об этом приходится постоянно. Сначала тебе нравится работа, потом ты считаешь, что она тебе необходима, но на следующий день ты думаешь: нет, нужна другая картина. Вот поэтому я и говорю, что думаю о своей коллекции ежедневно.

– В вашей коллекции 300 авто-
ров – кто они?

Т.К.: Это самые разные художники: русские, латыши, эстонцы, грузины... То есть представлена вся территория бывшего СССР. Вообще-то наше собрание называется «Коллекция русского и восточноевропейского искусства». Мы долго размышляли над названием. Сначала хотели назвать просто «русская», но эстонцы обиделись, почему так называли, они ведь не русские. Решили добавить слово «восточно-европейское».

– Мы с вами беседуем в нью-йоркском Музее Челси в последний день работы выставки русского современного искусства «Москва – Нью-Йорк. Сеанс одно-временной игры. Из коллекции Kolodzei Art Foundation». Одна из работ, открывающих выставку, произведение Комара и Меламида. Вы с ними давно знакомы?

Т.К.: Свыше тридцати лет. В 1978 году Виталий Комар и Александр Меламид, приехав в Нью-Йорк, создали свой первый «капиталистический» проект – «Корпорацию по продаже душ». Когда они попросили знакомых продать свои души, люди поначалу были в шоке. Но постепенно дело пошло. В течение года свои души согласились продать именитые художники, начиная с Энди Уорхола. Более того, очень известный коллекционер русского искусства, Нортон Додж, тоже согласился продать свою душу. Они могли ставить любую цену, например ноль центов, как поставил Уорхол, или 98 центов, как поставил Додж, а могли и миллион долларов. Миллиона у Комара и Меламида, конечно, тогда не было, и они брали души «на комиссию».

– В чем же состояла идея продажи души?

Т.К.: Они исходили из того, что в каждое художественное произведение вложена душа творца, а раз так, значит, душа индивидуума тоже может рассматриваться как художественный объект. Это была концептуальная акция, где идея доминировала.

Каждый, кто продавал свою душу, подписывал специальный сертификат на красной бумаге, удостоверяющий, что он действительно добровольно это сделал. При этом заполнялись квитанции, вписывались суммы, продавцы расписывались в том, что добровольно продают душу покупателю в лице Komar & Melamid, Inc. После этого души были перевезены в Москву. И там был устроен аукцион американских душ. Аукцион душ, который провели художники Рошаль, Скерсис и Донской, состоялся в Москве 19 мая 1979 года в мастерской художника Михаила Одноралова и был, наверное, первым художественным аукционом в СССР, задолго до Сотбис 1988 года. Все проходило подпольно. Души продавались знакомым за самые разные суммы. Души были всякие, в том числе Энди Уорхола и Нортон Доджа. За душу Доджа разгорелась настоящая азартная борьба. Когда торг дошел до огромной по тем временам суммы – 246 рублей, душа досталась мне. Мне пришлось выложить все деньги, которые у меня были. Душа Нортон Доджа ока-

■ Наталья Нестерова. «Маски. Душа». 1994 год.
Коллекция Колодзей русского и восточноевропейского
искусства, Kolodzei Art Foundation, США

залась самым дорогим лотом. За отца современного поп-арта Энди Уорхола художница Елена Кирцова отдала всего лишь 36 рублей.

Наталья Колодзей: Мама тогда купила душу Доджа за баснословную сумму! Это были две ее зарплаты! На выставке «Москва – Нью-Йорк. Сеанс одновременной игры» рядом с объектом души Доджа экспонировались две фотографии, на одной изображена я, пятилетняя, держащая эту душу-объект, на второй – мама, которая расплачивается за нее. Сейчас, конечно, Комар и Меламид – звезды современного концептуального искусства, а в то время они были молодыми художниками.

Мы пытаемся пробуждать интерес к живущим художникам. Малевич, Кандинский и Гончарова уже не нуждаются в прямой поддержке, а вот живущим мастерам это часто необходимо. Конечно, Кабаков, Комар и Меламид и так знамениты, но есть еще, например, Марина Карпова и Наталья Ситникова, которые недавно впервые выставлялись в Америке с нашей помощью. Для них это редкая возможность че-

рез нашу коллекцию показать свои новые произведения и проекты зрителям в том же Музее Челси.

Т.К.: Из нашей коллекции мы составляем разные выставочные проекты, например «Новые формы. Новые имена», «Женщины в искусстве», которые часто путешествуют по различным городам и странам. Небольшую часть проекта «Женщины в искусстве» мы представили в мае 2008 года в здании Конгресса США в рамках Всемирного российского форума. Кстати, одна из работ Ольги Булгаковой была недавно воспроизведена в журнале «Форбс» в статье, посвященной современной русской живописи из нашей коллекции.

В Челси мы экспонировали новый проект Игоря Новикова – «Марш независимых» 2007 года (красные фантомы, идущие по Красной площади), – посвященный выборам в России. На этой выставке мы хотели показать не энциклопедию всех художественных течений, которые есть в России, а их многосторонность.

– *Кто у вас главный конкурент по коллекционированию на Западе? Нортон Додж?*

Т.К.: Мы ему не совсем конкуренты. В 1991 году Додж передал всю свою коллекцию в Музей Зиммерли. Это гениальный американец. С 1974 года я ему помогала собирать коллекцию еще в Москве и до сего дня продолжаю с ним сотрудничать, консультировать в каких-то вопросах. Кстати, моя коллекция началась раньше, он обратился ко мне за помощью, когда решил собирать искусство нонконформистов.

– *То есть он начал собирать после «Бульдозерной выставки» (знаменитая несанкционированная выставка художников-нонконформистов 1974 года. – Прим. ред.)?*

Т.К.: Я не думаю, что Додж хотел коллекционировать именно работы художников с «Бульдозерной выставки». Он просто хотел собирать тех, кто не был соцреалистом, не рисовал колхозников и рабочих, а имел свое видение. Я стала активно помогать ему в этом. По телефону мы говорили так: «Встретимся в том же месте в то же время». У нас вообще не было телефонных разговоров. Цены и имена художников не назывались. Адреса тоже.

из личного архива Н. КОЛОДЗЕЙ

■ Михаил Рогинский. «Пожар на кухне». 1985 год.
Коллекция Колодзей русского и восточноевропейского
искусства, Kolodzei Art Foundation, США

– Что вами двигало, когда вы связались с представителем «империалистического искусства»?

Т.К.: Двигало желание помочь нашим художникам попасть в какие-нибудь музеи, в данном случае в коллекцию американского собирателя Нортон Доджа. Они ведь сидели в своих коммунальных домах, а мне хотелось, чтобы о них узнали в мире.

– А в СССР-то их знали? В каких-либо выставках они участвовали, в союзах творческих состояли?

Т.К.: Некоторые были членами Союза художников, занимались книжной иллюстрацией или были членами горкома графиков. Другие создавали в театрах декорации, костюмы...

– Один наш соотечественник, тоже коллекционер, сказал мне недавно, что второй русский авангард пока не стал явлением мирового искусства...

Т.К.: Да, но постепенно становится.

– ...и что не ясно пока, войдут ли представители этого второго авангарда в когорту мастеров мирового искусства.

Т.К.: Войдут! Я на это смотрю оптимистично.

Н.К.: Мне кажется, термин «второй русский авангард» нужно

использовать очень осторожно. Многие современные русские художники, например Немухин, Рабин, Булатов, будут против того, чтобы к ним этот термин применяли.

Т.К.: Я тоже против этого термина. Они будут чувствовать себя вторичными, получается, до них кто-то что-то сделал, а они уже вторые. Малевич первый в шере-нге авангарда, а вы – вторые.

Н.К.: Хотя и Малевича никто не спросил, хочет ли он считаться первым или вторым русским авангардистом. Он ведь считал себя основателем супрематизма – именно это первородство он отстаивал. Вообще, долгое время шли дебаты о том, как называть поколение художников-шестидесятников. Называть ли их нонконформистами, неофициальными... Но ни то, ни другое определение им не нравится, потому что, в принципе, никакой эстетической платформы, объединяющей этих художников, нет. Это была группа людей, объединенных против «единого» врага – советского строя. Когда этот строй распался в 1991 году, тогда и платформа для «объединения» их в какую-то условную группу исчезла.

– Но тогда возникает вопрос, останется ли востребованным в мировом контексте это искусство, лишенное политической оболочки?

Т.К.: Да уже осталось. У нас при фонде есть объединение – Международная ассоциация коллекционеров современного русского искусства (International Association of Collectors of Contemporary Russian Art). У нее членов разные по величине коллекции: кто-то имеет двадцать работ, кто-то – сто, двести. Это люди, которые интересуются и собирают российских и восточноевропейских художников. Их более двухсот человек. Это очень большая цифра.

– Это только в Америке?

Т.К.: В Америке и Европе. Мы с ними общаемся, переписываемся, обмениваемся мнениями.

Н.К.: Если посмотреть аукционные сводки – Сотбис, Кристис и др., – то покупатели процентов, наверное, на 80 это россияне или представители зарубежной диаспоры. Иностранные коллекционеры лишь начинают осваивать этот рынок, им нужно больше знаний, чтобы покупать на аукционах. Градация цен им не очень понятна.

■ Дмитрий Красноперцев. «Натюрморт с пером». 1972 год.
Коллекция Колодзей русского и восточноевропейского
искусства, Kolodzei Art Foundation, США

Т.К.: И еще один момент. Если американский коллекционер начинает бороться за какую-то картину или скульптуру на Сотбис – сейчас, когда пошла мода на русское искусство, – их часто перебивают русские собиратели. Им все равно, сколько нулей добавить – два, три. А американец никогда не поступает так со своими деньгами. Если он решил купить для себя картину за \$100 тыс., он не заплатит за нее \$200 тыс. Может быть, за \$120 тыс. еще и купит, а за \$200 тыс. – нет!

– А у наших олигархов это происходит в форме движения души...

Т.К.: Можно сказать и так. Недавно такое «движение души» наблюдалось на аукционе Сотбис: тарелка Императорского завода ушла за \$165 тыс. Начальная цена ее была \$25 тыс.

– Сколько торговались?

Т.К.: Более часа. Это был сервиз на 12 персон. Боролись по телефону. Каждая тарелка продавалась по отдельности. Одна, например, ушла за \$125 тыс., другая – дороже. Кто-то из России бился за право обладания всем сервизом. В итоге этот инкогнито выложил за сервиз около \$1,5 млн. Нас часто спрашивают – почему та или иная картина может стоить миллион.

Н.К.: Мы в каких-то случаях говорим, что есть работы очень редкие, и они могут быть приобретены за любую стоимость, ибо таких больше нет. Поэтому они могут уйти и за \$3 млн, и за \$6 млн.

– Слышал, что Олег Васильев стал так высоко котироваться благодаря именно вам.

Т.К.: Мы счастливы, что сделали этот проект, что Олег Васильев обрел тот пьедестал, который давно заслужил.

Т.К.: Когда мы в 2002 году начали проект с Олегом Васильевым, он жил в Нью-Йорке на небольшую пенсию, которую получал от американского правительства. Он в Америку приехал в зрелом возрасте.

Н.К.: Более \$500 за его рисунок никто не платил. А теперь стоимость его знаковых живописных работ дошла на аукционе до \$1 млн.

– Получается, вы его сами раскрутили, а теперь с него же имеете приличную «прибавочную стоимость».

Н.К.: Мы с этого ничего не получили. За \$1 млн ушла картина из другой частной коллекции. Мы работы Васильева из своей коллекции продавать не собираем-

ся. Мы вообще ничего из коллекции не продаем!

– А на что вы живете, на что покупаете картины?

Т.К.: Мы живем за счет консультирования состоятельных собирателей искусства.

– Где же вы храните такую массу картин?

Т.К.: Наша коллекция находится в специальных хранилищах, где поддерживается адекватный микроклимат. Несколько раз в год экспонируется та или иная часть собрания.

К примеру, в прошлом году в Русском музее Санкт-Петербурга мы организовали выставку Шимона Окштейна, кстати, нашего соотечественника, который уже тридцать лет живет в Америке. Да того же Васильева взять! Он двадцать лет прожил в Америке, и только в сентябре 2004 года первая его персональная выставка в России прошла в Третьяковке, а в Русском музее – в январе 2005-го. И у того, и у другого это были первые персональные выставки в России. А ведь они уже мировые величины.

– Скажите, почему давно не было персональной выставки Эрнста Неизвестного в Америке?

Н.К.: Ну, во-первых, Музей Гуген-

из личного архива Н. КОЛОДЗЕЙ

■ Олег Васильев. «Преодоление пространства». 1965 год. Коллекция Колодзей русского и восточноевропейского искусства, Kolodzei Art Foundation, США

хайма и МоМА редко делают персональные выставки современных российских художников. Чаще это групповая выставка или какой-нибудь проект. Это не такой простой вопрос. Российские художники не представляют в Америке большинство, не являются мейнстримом. Да и никогда им не станут. Нашим художникам в этом культурном пространстве приходится соревноваться с немцами, англичанами, китайцами... Хотя Илья Кабаков стал международной величиной. Его работы экспонируются в музеях, которые представляют только американских художников. Например, в 1997 году инсталляция Кабакова была представлена на престижной американской биеннале в Музее Уитни.

– *Что вы думаете о Кабакове?*

Т.К.: У него разнообразное творчество, от рисунков и живописи до инсталляций. На выставке «Москва – Нью-Йорк. Сеанс одновременной игры» мы представили два ранних замечательных рисунка Ильи Кабакова. Один 1961 года, а другой 1968-го.

– *Не могу все-таки удержаться и задам не очень корректный во-*

прос. Как можно так консультировать, чтобы зарабатывать достаточно денег на пополнение коллекции?

Т.К.: Сначала вспомним, с чего она начиналась. Рисунки Кабакова стоили когда-то десять-двадцать рублей, а рисунки Анатолия Зверева – три-пять рублей. Вместо того чтобы пойти купить себе туфли, я пополняла коллекцию.

– *А сейчас Кабакова покупаете?*

Т.К.: Нет. Семи миллионов у меня нет.

– *Ну а работы других соизмеримых с Кабаковым художников вы ведь как-то приобретаете? И если да, назовите хотя бы порядок цифр.*

Т.К.: Не назову. Это секрет каждого коллекционера. И я же не Сотбис, чтобы таким образом поднимать себе цену.

– *Но вы ведь можете назвать примерную цену. Скажем, за художника X я заплатила такие-то деньги, а за художника Y – такие-то.*

Т.К.: Вы не можете ни одного коллекционера заставить сказать, за сколько он что-то купил. У меня другие отношения с художниками. Многие считают престижным попасть в нашу коллекцию.

Они понимают, что если их работы попадут в коллекцию, то они будут выставляться в музеях, культурных центрах по всем странам, их творчество будет цениться совсем иначе. Если вы хотите попасть в историю искусства, вы не можете продавать работы только на аукционах или только олигархам в особняки на Рублевке.

– *Вы хотите сказать, что вам даже дарят?*

Т.К.: Да. Многие молодые художники считают это за честь, но мы всегда скрупулезно отбираем. Работы должны нам понравиться. Если нет, то мы вежливо ответим дарителю, что его полотна «не в нашем контексте». Не хочется засорять коллекцию.

– *Есть среди них русский Энди Уорхол?*

Т.К.: У нас в коллекции есть подобные величины. Комар, Меламид, Герловины, Кабаков уже вышли на международную арену. Я не скажу, что они, подобно Уорхолу, вписались в американскую культуру. Замечу, Энди Уорхол начинал в несколько иное время, и было это в Америке. Тогда могло быть одно-два-три имени. Сейчас время другое... Когда я

■ Олег Васильев. «Белые лыжники». 1990 год.
Коллекция Колодзей русского и восточноевропейского
искусства, Kolodzei Art Foundation, США

вам говорю, что появились тысячи художников, я имею в виду, что появились и новые технологии, которые не требуют художественного образования и мастерства в обыденном понимании.

– У вас в коллекции есть такие?

Т.К.: Нет!

– А ведь я видел у вас на выставке фото- и видеоинсталляции.

Т.К.: Это другое. Они профессионалы и выбрали для себя эти меди.

– Как пополняется коллекция?

Н.К.: Поскольку она стала известной, то многие художники присылают свои портфолио, предлагают сотрудничество в тех или иных проектах. Иногда мы соглашаемся с предложениями, исходящими от самих художников, берем их в партнеры по проектам. Я знаю многих художников, работающих в Нью-Йорке, почти у каждого была в студии или на выставке.

– На постсоветском пространстве живут и работают десятки тысяч русскоязычных художников. А сколько их, русскоязычных, в Америке?

Н.К.: От ста до двухсот. Это те, кто переехал сюда в разные годы или родился здесь в русскоязыч-

ных семьях. Но только двадцать-тридцать из них сделали себе имя в Америке. Рынок здесь довольно жесткий. Сложно пробиться, сложно даже показать свои работы, которые потенциально могли бы вызвать интерес американской публики.

Т.К.: А еще, может быть, в Сибири где-то сидит художник, который уже звезда, но его никто не знает...

– Допускаете такое?

Т.К.: Допускаю. Я в свое время приехала в Ставрополь и увидела там работы гениального мальчика-художника. Он покончил с собой в 18 лет. Только несколько рисунков и сохранилось, остальное родственники выкинули. Такое, увы, бывает. Вспомним Ван Гога: его после смерти оценили, а при жизни ему помогал брат, давал деньги на еду, холсты и краски. Так что гении могут жить и в Сибири, и на Аляске...

Н.К.: И даже в Нью-Йорке. К нам иногда обращаются художники, которым по шестьдесят и семьдесят лет, они прожили длинную творческую жизнь – и ни одной персональной выставки! И при этом они талантливые.

Т.К.: Если мы можем, то помогаем таким. Хотя всем, конечно, не помочь. Ведь каждый проект занимает два-два с половиной года. Мы сейчас планируем на 2011 год. Но пока мы не оглашаем конкретные даты и музеи. Обычно информируем публику, когда все детали оговорены и ничто измениться не может, когда печатаются билеты, каталог...

– И все-таки давайте вернемся к консультациям, которые вы оказываете богатым людям. Как это происходит на практике? Как вы строите разговор?

Н.К.: Сначала мы узнаем, какие у человека интересы. Объясняем ему, что приобретение работы того или иного художника это не только инвестиция, это обретение объекта искусства. Рынок поднимается и опускается, а картина должна «жить» у него дома. То есть мы пытаемся потенциального покупателя образовать, чтобы коллекционер почувствовал сопричастность.

– На каком-то этапе потенциальный покупатель говорит: о'кей, я готов купить. И тогда?

Т.К.: Консультация закончена. Покупают они в другом месте.

из личного архива Н. КОЛОДЗЕЙ

■ Эрнст Неизвестный. «Кентавр». 1962 год.
Коллекция Колодзей русского и восточноевропейского
искусства, Kolodzei Art Foundation, США

Мы просто говорим: эта работа очень редкая, другой такой на рынке нет. А иногда можем сказать, что работы этого художника обычно реализуются по \$50–70 тыс., и если что-то выставляется за цену намного выше, то стоит подобрать другое произведение этого автора.

– В последние годы на Сотбис в большом количестве стали продавать работы русских художников 60–70-х годов, рынок взорвался, и ваши услуги, судя по всему, стали более востребованы. Кто, как правило, к вам обращается?

Т.К.: Совершенно разные люди. К тому же не всегда разбирающиеся в современном искусстве. Да они и не должны разбираться!

– ???

Т.К.: Вот вы банкир, почему вы должны разбираться в нюансах современной живописи? Приведу простой пример. В России гордятся коллекциями Шукшина и Морозова. А кто были эти люди? Купцы, которые понятия не имели, кто такие импрессионисты, Матисс и т.д. Но, как мудрые бизнесмены, они давали то Тугендхольду, то другим консультантам деньги, те ехали в Париж и отбирали лучшие ра-

боты. Поэтому Россия и имеет такие замечательные музейные коллекции.

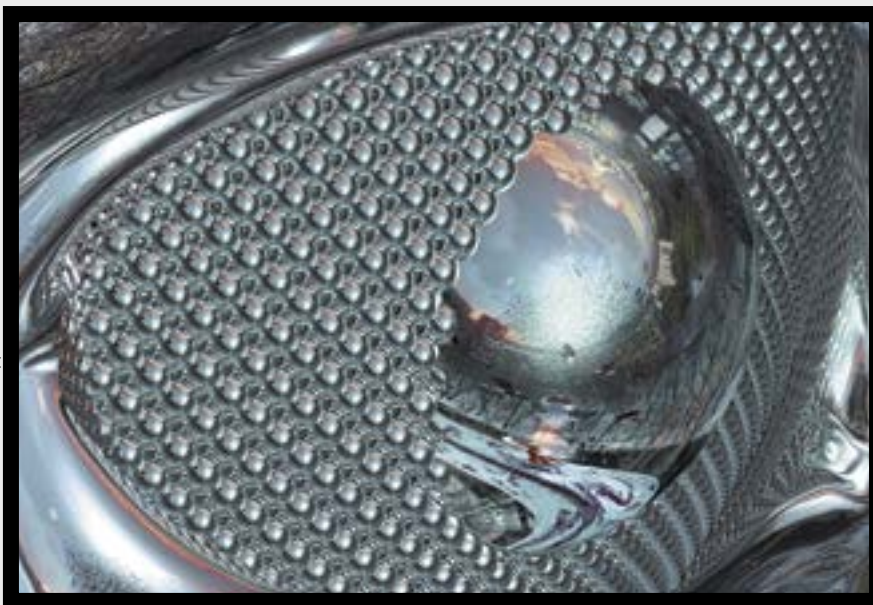
Умные люди не спешат платить за что-то миллион, они всегда спрашивают: может ли это стоить столько-то? Тем более что на современном русском рынке тем же американцам очень трудно понять, почему Кабаков стоит сегодня столько, а Иванов и Петров не стоят. В Италии со времен Возрождения все богатые и родовитые семьи имели консультантов по искусству. Если бы таковых не было в той же России, то в музеях сегодня висели бы произведения неизвестных художников.

– Вот такой глупый вопрос задам. Во Франции наряду с великими импрессионистами в тот же период были плохие импрессионисты или просто плохие художники?

Т.К.: Конечно! Плохих было достаточно, их всегда больше. Они есть и в музеях, особенно в запасниках. И сегодня та же ситуация. Но история всегда рассудит, кто лучше, а кто хуже. Тот же Морозов, если бы не имел хороших консультантов, набрал бы бог весть чего. Я опять вернусь к Васильеву.

Его никто из наших соотечественников не хотел покупать. И было это совсем недавно, в 2002 году. Мы здесь не говорим о XIX веке, мы говорим о XXI веке! Когда мы начали этот проект и нужны были деньги на перевозку, страховку и альбом-каталог, минимальная смета для устройства выставки в двух российских музеях составила \$300–350 тыс. На Кабакова сейчас Прохоров дал \$2 млн (интервью было взято до того, как инвестором сентябрьской выставки работ Кабакова в Москве стал Роман Абрамович. – Прим. ред.). И когда мы обратились к разным людям в Америке и Европе – а написали мы более ста писем, – не так много откликнулось. В России нашелся один умный человек, Игорь Маркин. Это его музей Art4.ru в Москве. Он один откликнулся из двадцати наших адресатов в России! В итоге у него сейчас в коллекции лучшие работы Олега Васильева, приобретенные по лучшим ценам. Лучше, чем в Третьяковской галерее и в Русском музее!

– Благодаря чему так получилось?

■ Константин Худяков. «Глаз ангела». 2006 год.
Коллекция Колодзей русского и восточноевропейского искусства, Kolodzei Art Foundation, США

Т.К.: Благодаря тому, что Игорь Маркин, когда был в Нью-Йорке, посетил с Наташей самого художника и после этого решил, что будет способствовать этому проекту. Сейчас то, что он приобрел, стоит в 10–20 раз больше.

– Всего один коллекционер под-держал проект с Васильевым?

Т.К.: Из России – да. А так были еще коллекционеры из Европы, Америки. Но главным стал Маркин. Он вовремя поверил. Поверил, что это замечательный художник, к тому же сам Васильев как человек ему понравился. А вот остальные двадцать российских адресатов, после того как Васильев стал стоить миллион, звонят нам теперь и спрашивают: «Где картины?» Я им отвечаю: «Картин больше нет, даже за миллион». Их нет! Хотя бы потому, что его техника исполнения произведений требует длительного времени. Васильеву сейчас 76 лет. В общем, покупатели есть – картин нет. А когда живописные работы стоили \$10–25 тыс., только один человек откликнулся из России... Вот вам конкретный пример.

– Почему все-таки такой взлет за считанные годы случился с Васильевым?

Т.К.: Это особенности рынка. Мы знаем, сколько сегодня стоит Розенквист, сколько – Энди Уорхол. Это миллионы. Хотя если брать общий тренд, то культурная площадка постепенно выравнивается, и случай с Васильевым этому подтверждение. Работы не изменились, качество осталось тем же.

– Я недавно познакомился с одним русским банкиром, который только присматривается к рынку, но пока побудительным его мотивом является потребность завесить чем-то стены его большого подмосковного особняка. Что бы вы могли такому человеку сказать?

Т.К.: Человек может потребить минимально. Он не может спать сразу в десяти спальнях, надеть на себя двадцать шикарных костюмов и выпить сразу сто фужеров разных изысканных напитков. А искусства можно «потребить» много. С искусством можно вести постоянный диалог, оно инспирирует, художники подпитывают тебя энергией.

– Вы считаете нормальным, когда особняк в сорок комнат «декорируется» картинами с красивыми цветами, ню и т.д.?

■ Анатолий Зверев. Портрет Татьяны Колодзей. 1969 год.
Коллекция Колодзей русского и восточноевропейского искусства, Kolodzei Art Foundation, США

Вы таких людей консультируете?

Т.К.: Нет, но если человек действительно хочет превратить свое жилище в домашний музей, тогда мы можем ему помочь. Но это делается за несколько лет, а не за несколько дней или недель. Создать настоящий домашний музей – это не декоративная задача. ■

«ПИСАТЬ МОЖНО ГДЕ УГОДНО — БЫЛО БЫ ТОЛЬКО О ЧЕМ»

АНТОН БЕРКАСОВ

Накануне Нового года в московском театре Et Cetera под руководством Александра Калягина премия «Дебют» подводила итоги своего девятого сезона.

Игорь САВЕЛЬЕВ
Москва—Уфа

На вручение общенациональной литературной премии «Дебют» молодая поэтесса А. приехала со слегка обалдевшим видом. Опаздывая, она поймала такси и по пути объяснила водителю, куда и зачем торопится. Таксист поразился: он впервые общался с настоящей поэтессой (еще и такой привлекательной), вообще едва ли думал, что в наше время кто-то еще издает стихи. А. подарила ему свою книгу. К ее ужасу, шоферу было так интересно, что он читал стихи вслух прямо за рулем, проносясь по московским улицам...

Реакция, между прочим, очень типичная. Ежегодный урожай «Дебюта» (как и ребята, «открытые» несколькими другими, менее масштабными гуманитарными проектами, действующими в сфере литературы) всегда вызывает огромный интерес как у писателей, так и у людей, далеких от этой среды. Самые разные люди, выступавшие на церемонии награждения: Герой России и Советского Союза полярник Артур Чилингаров, композитор Алексей Рыбников, актриса Лидия Федосеева-Шукшина... — все они говорили почти одно и то же: какие красивые лица, как интересно все эти ребята говорят, как они непохожи друг на друга... Ребята действительно собрались из разных уголков страны —

от Питера до Дальнего Востока, были и наши соотечественники из ближнего и дальнего зарубежья. Двадцать два человека: поэты, прозаики, драматурги, сценаристы, эссеисты... Кто-то стоял на сцене в костюме, кто-то — в кожанке и кедах.

Когда-то этот проект родился как частная инициатива депутата Госдумы Андрея Скоца и писателя Дмитрия Липскерова. К участию в качестве экспертов-отборщиков и членов жюри пригласили поэтов и прозаиков. В конкурсе участвуют тексты, авторам которых не более 25 лет, причем, как указано в правилах, тексты, написанные на русском языке, а значит, их авторы могут жить где угодно — хоть в России, хоть на Украине, хоть в

■ Лауреаты независимой литературной премии «Дебют» Сергей Красильников, Оксана Барышева и Даниил Бендицкий

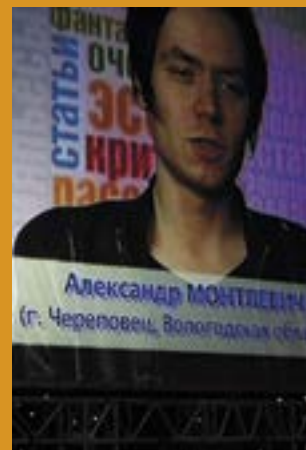
Нигерии... И пакеты с рукописями действительно пошли из самых разных стран. Организаторы признаются, поначалу они не рассчитывали на большой конкурс. В самом деле, и географию, и масштабы молодой литературы представить себе довольно сложно, поскольку большинство из ребят, живущих в провинции, не обращались в издательства, не штурмовали редакции толстых журналов: кто-то не покидал стен местного поэтического кружка, кто-то считал литературу очень интимным делом и творил «в стол»... Масштабов молодой литературы, как выяснилось, не представлял себе никто. Каждое лето на стол отборщиков «Дебюта» ложится до 50 тыс. рукописей, и пусть большинство из них отбраковывается, несколько десятков новых имен ежегодно привлекают к себе внимание все-

го литературного сообщества. Кто-то из них получит премию, кто-то нет, это уже не так существенно, ведь главное – заявить о себе.

Финалисты – обычно их 20–25 человек – в конце каждого года приглашаются в Москву на творческие семинары. Общаться с этими людьми очень интересно: несмотря на молодость, у каждого уже сложилась какая-то биография, каждый прошел свой уникальный путь к премии. Вот москвичка Дарья Грацевич, получающая бронзовую статуэтку в номинации «Киносценарий». Дарья работает на «ситкомах» на одном из центральных телеканалов, руководит группой сценаристов известного молодежного сериала, чувствует, гоняет подшефных ей авторов только так – словом, ощущается в ней хватка менеджера. А вот

поди ж ты: устав от однообразия работы, села и три месяца писала киносценарий просто для души, ни под какого-то режиссера, ни подо что, именно в качестве отдыха. Получился сценарий «Недотроги»: вещь совершенно некоммерческая по духу. Вот Егор Молданов, человек очень трудной судьбы: воспитывался в детском доме в тысячах километрах от столицы, потом служил на флоте, только что вернулся. Пережитое в детдоме описал в повести «Трудный возраст», несмотря на материал – совершенно не «чернушной» по духу. Пожилой генерал в орденах вручил Егору спецприз «За мужество в литературе»...

Общаясь с финалистами по вечерам в гостинице, географию можно было учить – географию также с социальным уклоном. Вот Андрей Егоров, очень инте-

АНТОН БЕРКАСОВ

ресный молодой поэт, живущий в Ярославле, по премиальным бумагам — в Петропавловске-Камчатском. Но оттуда он год назад переехал. Почему? Отшучивается: «Надоели гейзеры и морские котики».

— А много ты морских котиков видел?

Андрей долго думал, прежде чем ответить:

— Одного.

На самом деле он переехал, конечно, потому, что билет в ту же Москву с Камчатки стоил тысяч шестьдесят, и это еще зависит от сезона. Мало того, что сам перелет долгий, тяжелый («я всегда накануне ночью не спал, что-нибудь полезное делал, чтобы потом в самолете отоспаться»), так еще и цены такие, откуда у молодого человека средства хоть изредка бывать в столице своей родины? — а бывать ему надо, Андрей как поэт уже не в первый раз отмечен на федеральном уровне... Вот и переехал, как переезжают, видимо, многие камчатские ребята с амбициями и способностями. Может быть, новые государственные программы в сфере дальних

авиаперевозок, о которых начали говорить недавно, помогут решить эту проблему.

Специальная номинация «Молодой Русский мир» появилась на «Дебюте» год назад. Нашему журналу и фонду она не просто почти тезка, она и по сути очень близка: награждаются в ней те молодые русские писатели, которые живут за рубежом. В этом году были вручены три премии: I степени — жителю Даугавпилса (Латвия) Сергею Красильникову, II степени — Даниилу Бендицкому из Берлина, III степени — уроженке Алматы (Казахстан) Оксане Барышевой (Поповой). Все трое пишут прозу. Они встретились в Москве, подружились, прекрасно провели время. С каждым из них интересно было пообщаться.

СЕРГЕЙ

Публику, собравшуюся в театральном зале на церемонии награждения, он порядком развеселил. Сначала председатель жюри поэт Тимур Кибиров вручал дипломы в номинации «Молодой Русский мир» всем нашим героям поочередно, и Сергей,

получивший — как обладатель первого места — призовую статуэтку в виде бронзовой птицы, вышел к микрофону и краткую речь закончил словами:

— Я ведь в финале еще и по «крупной прозе», так что я не прощаюсь...

Всех позабавила эта здоровая самонадеянность. Действительно, повесть с провокационным названием «Сучья кровь» была представлена сразу в двух номинациях.

Но вот приглашенный на сцену Артур Чилингаров, сверкая золотыми звездами, вскрывает конверт и читает: «Сергей Красильников!» И Сергей, изумленный сильнее всех в зале, поднимается за второй статуэткой... Так с двумя — тяжелыми, коваными — и ходил чуть позже по фойе, совершенно потрясенный, вокруг бушевал фуршет, а его осаждали журналисты, издатели, коллеги-литераторы...

Спрашиваю через пару дней:

— Довез ли ты до дома этих двух бронзовых птиц и как окружающие восприняли, что ты теперь, в лучших брежневских традициях, «дважды лауреат»?

– Довез. В аэропорту пришлось немного объясняться, но ничего, пропустили. Окружающие жали руку, я смеялся. Но они же, получается, жали руку птицам, а не мне. Те, кто хотел пожать руку лично мне, позже отписались в Интернете.

Сергею самому пока не до восторгов, вернулся аккурат в разгар сессии: «Долгами по хирургии обвис». Сергей – медик.

На два десятка финалистов, кстати, было двое коллег по «Скорой помощи»: Красильников в Латвии проходит практику на «Неотложке», прозаик Алексей Олин – фельдшер «Скорой» в родном Великом Новгороде. Было забавно послушать их профессиональные беседы и то, чем различается (помимо зарплаты) работа российских и латвийских коллег. Но Алексей жаловался к тому же, что работа ему не нравится, он почувствовал, что это не его призвание, а близка ему только литература, хочет уволиться – но не пускают...

– Сергей, а тебе нравится твоя работа? Или ты тоже считаешь литературу своим главным призванием?

– Я медик. Прежде всего. Хотя... Хотя, если честно, я прежде всего писатель, но медицину не брошу, потому что он хороший. Мне это занятие дает дыхание. Без дыхания я бы не смог писать. Потому я и рвусь на патолога, а не на действующего врача (переводя на литературный русский, хочет стать патологоанатомом. – **Прим. авт.**), – знаю, что по-настоящему помогаю людям через книги, а не через стетоскоп. Ну да, к тому же и стабильная профессия лишней не бывает...

– Среди писателей врачи встречаются довольно часто, хрестоматийные примеры приводить не буду. Как думаешь, это случайность?

– Трудно сказать. Медик – он по натуре не литератор. Он «технарь». Он мыслит по-другому, он может новое делать. Литераторы – они могут только из трупов стариков-гениев какие-то остатки эксгумировать и перепроизводить. А медики и инженеры способны на новое. Мое мнение – писатель будущего не имеет литературного образования.

– Вопрос в лоб: легко ли быть в Латвии русским писателем?

– В Латвии я русский. Это сложно. Если бы приехал в Россию, я там был бы латыш. Но... Русский писатель так устроен, что пишет он, только когда на него что-то давит. Я в политику не суюсь, не люблю. Просто мне комфортно писать в этой стране.

– Получается, как писатель ты будешь участвовать, скорее, в российском литературном процессе, печататься в Москве? Или есть какие-то перспективы, например перевода твоей прозы на латышский либо издания ее в Латвии на русском?

– Наверное, буду кататься в Москву. А перевод... Латвия верит только латышскому писателю. Есть издательство – «Снежный ком», оно издает русские книги в Латвии. Я пару раз печатался через него, есть даже целая моя книжка – «Долина лжи», но все это малыми тиражами, и все это довольно туго покупается народом.

– Кого ты считаешь своими учителями в литературе, извини за банальный вопрос?

АНТОН БЕРКАСОВ

– Из русских – Виктора Пелевина. Планирую сдвинуть его с трона постмодернизма.

Из буржуев – Чака Паланика. Гений.

– На церемонии тебя чуть не разорвали на части страждущие издатели и прочие заинтересованные лица. Нарисовались ли какие-нибудь интересные предложения, перспективы?

– Вроде бы издательства предлагают что-то. Пока не буду конкретизировать, не хочу загадывать.

– Как изменит твою жизнь эта двойная куча денег, а если серьезно – как повлиял на твои жизненные и творческие планы этот успех? Ты после возвращения из Москвы садился, думал о будущем?

– Пойду устраюсь в «Макдоналдс» или еще какой-нибудь фастфуд. Буду глумить круглые сутки, продавать гамбургеры и колу с картошкой. Всегда хотел поработать в фастфуде. Ну, помимо учебы, разумеется. Деньги превращу в кучку вещей и запишаю по углам, наверное. Оставляю немного, чтобы не умереть с голоду, пока буду писать и учиться.

ДАНИИЛ

Узнав, что Даниил Бендицкий приехал из Берлина, я почему-то решил поначалу, что он из числа тех, кто эмигрировал из России в Германию еще в детстве, вместе с родителями. Таких ребят случается иногда встречать. Часть из них выросла неотличимыми от коренных немцев, утратившими всякую связь с прежней родиной и даже русский язык припоминающими с трудом. Часть, наоборот, отношения с друзьями детства, с Россией тщательно поддерживает, боясь оборвать те тонкие ниточки, которые еще остались. (Один знакомый, лет с семи живший в Германии, как-то почти случайно приехал на прежнюю родину по студенческому обмену, и так ему понравилась здешняя самостоятельная, без всякой родительской опеки жизнь, что он в итоге переехал в Питер жить.) Среди таких ребят немало пишущих. Например, в финале «Дебюта» 2005 года был берлинец Василий Гайст, написавший публицистическую книгу «Победители в стране побежденных» – о судьбах ветеранов Великой Отечественной войны, в преклонные годы уехавших

жить в Германию. Номинации «Молодой Русский мир» тогда еще не было, и Василий получил специальную премию, «За мужество в литературе».

Случай Даниила Бендицкого оказался совершенно другим. В Берлин он отправился уже в сознательном возрасте – получать образование архитектора. Кроме того, Даниил, как я прочитал позже в одном из блогов, представитель известной российской музыкальной семьи: его прабабушка, Берта Маранц, – одна из самых известных отечественных пианисток XX века, музыкальный педагог, дед – композитор Александр Бендицкий... Это сочетание трех муз – литературы, архитектуры и музыки – в жизни и творчестве одного человека показалось очень интересным. Собственно, и рассказы его – это такое почти медитативное, насыщенное воспоминаниями, ассоциациями, культурными параллелями чтение.

– Даниил, очень интересно, как переплетаются для тебя эти разные традиции: архитектурные, музыкальные...

– Музыкальные традиции, которые растянулись в моей семье,

кажется, на четыре поколения, оборвались еще на отце. Меня уже «не туда» занесло... Конечно же, те следы не пропали даром: я чувствую в себе присутствие музыки, – скорее, как-то интуитивно, – но «проявить» ее, разумеется, не могу. И все-таки я живу без культурных «подпорок», потому что от них оторван. Здесь необходима собственная – культурная, историческая, мифологическая, хоть какая, – но геология. Как раз тогда и появляются опоры – совершенно неожиданные.

Что касается архитектуры... Архитектура ведь своего рода тоже повествование: как человек передвигается по зданию, что он видит, слышит. О конструкциях – языковых, строительных, – о том, что где-то они схожи, долго рассуждать, я думаю, не стоит. Интересно, наверное, то, что в русском языке существуют некие «подземные» конструкции, которые создают крен. Русский язык лишь в очень редких случаях отображает действительность и способен передать, наверное, только художественный образ.

– Ты единственный из лауреатов представляешь на конкурсе дальнейшее зарубежье, то есть с язы-

ковой и культурной точки зрения совершенно чужую среду. Тебе как русскому писателю не тяжело находиться в этой чужой среде?

– Я не считаю Германию чужой страной: у меня нет ни своей, ни чужой страны. Мне чужда какая-либо принадлежность. Я не знаю, где я буду жить, и вообще жизнь не планирую, потому что она сама всегда диктует нам свои суровые законы. Она всегда неожиданна. А писать можно где угодно – было бы только о чем.

– Хотя я употребил выражение «чужая среда», я предполагаю, что в Берлине есть некоторая русская литературная диаспора, какие-то эмигрантские издательские ресурсы и так далее. Ты возвращаешься в этих кругах или существуешь немного в стороне?

– Разумеется, в Германии – да в том же Берлине – есть что-то вроде русских богем, но я к ним не принадлежу. По разным причинам. Во-первых, не было возможности с ними познакомиться, ибо знаю об их «географическом положении» только понаслышке. Во-вторых, мне не нравится, как я уже сказал, какая-либо

принадлежность, статус. Это как штамп. Хотя я и сужу расплывчато, но мне кажется, что эта русская богема, как и большинство эмигрантов, очень однообразна. Развития в ней мало: люди ходят по кругу. Впрочем, я понимаю, что нужно где-то возвращаться. Из «одинокоего нарциссизма» ничего не выдавишь.

Но мне не хотелось бы говорить только с эмигрантом. Эмигрант – это зажатое существо. Ориентироваться только на здешний литературный процесс – значит замкнуться. Мне не важно, на каком языке говорит читатель, да и география здесь не важна.

– Ты рассуждаешь как Набоков...

– Был период, кстати, не так давно, когда я подумывал «перейти» на немецкий язык. Но быстро понял, что этот язык для меня – лишь жалкое подобие того, что я могу сказать по-русски. Еще я рассчитываю в будущем перевести что-то, но перевод – это все равно что написать заново. Отнимает много времени и сил. Впрочем, наверное, я бы отдал перевести свои вещи какому-нибудь немцу.

— Литература для тебя — это все-таки дело жизни, равное, скажем, архитектуре? Или?..

— Рильке в «Письмах к молодому поэту» спрашивает: «Вы бы умерли, если бы вам запретили писать?» Пусть каждый сам на этот вопрос ответит. Думаю, слово мне дано от Бога. Я просто хочу писать.

ОКСАНА

С Оксаной на публичных мероприятиях, будь то семинары с членами жюри или торжественное чаепитие с учредителями премии, случалась веселая путаница. Точнее, с ее фамилией (фамилиями). Отправляя на конкурс текст — «По ту и эту сторону Рыскулова» (пишу «текст», потому что жанр определить не просто), Оксана была еще Барышевой, а в Москву она приехала уже Поповой. Обычная для молодых девушек ситуация: «Я замужем вот уже четыре месяца, очень этому рада — вот здесь-то и начинается настоящая жизнь, полная открытий и приключений». Оксане двадцать. Она потрясающе общительная и жизнерадостная. Учится на менеджера в университете, а поскольку занятия на английском — даже высшую математику осваивает на этом языке. «Родители у меня очень хорошие, бабушка вообще золотая. Еще готовить люблю».

— Координатор премии Ольга Славникова на семинаре сказала, что вообще-то ты прозаик, хотя в конкурсе этого года представлена, скорее, эссеистикой...

— Да, писать я начала давно, вот уже лет пять участвую в местных конкурсах, в прошлом году пришел диплом из Израйля, с конкурса Януша Корчака: там отметили мой рассказ «Новогодняя зима». Из красивого еще есть «Бегущая под дождем». Интересный пункт: никто в моей семье не читал, что я пишу, ни родители, ни муж. Мне кажется, я еще не написала то, что стоит им показать.

— «По ту и эту сторону Рыскулова» — очень необычная вещь. Тебе свойственны эксперименты с художественной формой вообще, со стилизация-

ми, какая-то провокационность в литературе?

— Я вообще-то математик, в крайнем случае экономист. А математики, они, знаешь, все придурочные. Даже в школе я физматкласс оканчивала. Потом, согласись, Набоков — он вообще жонглирует стилями с ловкостью миниатюрной фигуристки, а ведь как прекрасен...

— Литературу ты ощущаешь как дело своей жизни?

— Это кусочек моего дара или, если можно отважиться на такое громкое слово, таланта в моей душе. Грех не использовать то, что подарено тебе природой или генами твоих пращуров. А там уж кто знает — суждено ли, чтобы из меня что-то получилось, или нет... Тогда останусь просто дипломированным менеджером.

— Ты живешь в городе Алматы (в прошлом Алма-Ата), городе, который еще лет десять назад был столицей Казахстана. А что изменилось у вас после того, как столица переехала в Астану?

— Город не изменился, просто посольства переехали. Сейчас Алматы носит статус южной, или экономической, столицы Казахстана. Развязки в этом году

закончили строить, а то пробок было немерено. Город-то большой, больше полутора миллиона человек, есть все, даже дендрарий!

Раньше русских было больше, сейчас мы — скромная диаспора, пытаемся сохранить свой язык. Многие переезжают в Россию. Ты не поверишь, здесь всех в основном пугает то, что у вас пьют много, а здесь же никто не пьет. Я вообще ничего не пью, муж на «корпоративе» три стопки коньяка выпил — двое суток «болеет»...

У нас есть фонд «Мусaget», который многое делает в области русской культуры, языка, заведует им Ольга Маркова, но вся работа там держится на общественных началах.

— Что тебе больше всего запомнилось на «Дебюте»?

— Хорошая, отлаженная работа наших координаторов — Ольги Александровны Славниковой и Виталия Владимировича Пуханова. Березы, которые здесь, в Казахстане, алмазная редкость. И то, что все люди похожи на меня. Или я на всех. В общем, остались только положительные эмоции.

— А теперь, после возвращения в родной город, какие появились идеи, замыслы? И кстати, на что ты потратишь свои премиальные?

— Премиальные, увы, невелики: с меня как с нерезидента России сняли тридцать процентов. Наверное, положу в банк, пусть копятся до нужных размеров! И потом, деньги молодой семье всегда нужны.

А идей у меня больше, чем блох на бродячей собаке!

— Какое писательское будущее ты для себя видишь?

— Как у Булгакова и Экзюпери — последняя моя книга будет по-настоящему хороша, и я даже дам почитать ее своим родственникам!

Ну, не кокетничайте — до последних-то книг вам, ребята, еще ой как далеко! Еще первые только-только складываются. И пусть вторая, третья, десятая книга пишется свободно в любом уголке земного шара. ■

«НЕ ПРОПУСТИТЬ БРИЛЛИАНТ В КУЧЕ МУСОРА»

Когда речь заходит об издании книг российских авторов за границей, переводах, международном признании русской литературы, то называют имя Натальи ПЕРОВОЙ, руководителя столичного издательства Glas, — именно она «протаскивает» за рубеж всю нашу современную литературу.

Наверное, это интересный опыт: самому вглядываться в родину, соотечественников, современность немного отстраненным взглядом, собирая все лучшие литературные новинки, переводя их на английский и выпуская для западного читателя. Я думаю об этом, слушая, как увлеченно Наталья Перова рассказывает о том, какие из их книг вызвали резонанс в читательских кругах США и Великобритании.

Когда-то Наталья заведовала английским изданием журнала «Советская литература». Когда и советская литература, и одноименный журнал прекратили свое существование, продолжила работу, которую считает делом своей жизни, уже в качестве частного предпринимателя, основала свое издательство... С тех пор прошло почти два десятка лет. Glas практически в одиночку занимается все тем же: поиском талантливых писателей, неизвестных за рубежом, переводом их книг на английский, продвижением этих книг на западный рынок. Если иностранного издателя заинтересовать не удастся, то москвичи сами выпускают эту книгу: «Мы выполняем всю технологическую процедуру, необходимую для распространения этих книг, и они идут по тем же каналам, что и книги любого другого небольшого американского или английского издательства». Результат впечатляет: более ста имен, и все появились в английском переводе впервые. Среди новинок: «Минус» Романа Сен-

чина, большая вещь о сегодняшней Сибири, «Гиви и Шендерович», авантюрный роман Марии Галиной о вечном непонимании между Западом и Востоком, «Морские рассказы» Александра Покровского. Недавно выпущены «11 разговоров о русской литературе» — 11 интервью с известными отечественными писателями. Уходит в печать книга знаменитого театрального режиссера Михаила Левитина...

— Начну с невеселого наблюдения, правда, чужого. Профессор Литинститута Александр Михайлов, вернувшись с Франкфуртской книжной ярмарки, с горечью отметил в одном из интервью, что интерес к современной русской литературе, по сравнению с тем, что было лет десять назад, упал в разы. Это действительно так?

— На Западе, как и у нас, есть читатели, влюбленные в ту или иную культуру, в том числе русскую. Время от времени какая-то переводная книга может стать бестселлером (вспомним Умберто Эко или Борхеса). Русская литература по-прежнему ассоциируется с XIX веком, и спроса на современную литературу практически нет. Да, был всплеск в связи с перестройкой, но он быстро кончился, причем разочарованием. Среди определенной части интеллигенции есть стабильный интерес к русской литературе вообще и осторожный интерес к современной в частности. Но русские книги все-таки выходят. В том числе силами нашего издательства.

— А кто из наших современников, по вашим наблюдениям, наиболее популярен за рубежом?

— Как я уже сказала, в англоязычных странах широкая публика хорошо знает только Толстого и Достоевского. Далее следуют разные степени просвещенности. Из современных писателей, наверное, по-прежнему лидирует Пелевин. (В начале 90-х годов Наталья Перова была одной из первых в издательской среде, кто обратил внимание на молодого Пелевина и поспособствовал выходу его дебютных книг. — Прим. авт.) На Западе он пошел не сразу, но сравнительно скоро, а главное — вовремя, когда интерес к России еще не угас. Акунин также полюбился во всех странах, причем не как автор массовой литературы, а как вполне серьезный писатель. Я думаю, они со временем разберутся, как это уже не раз происходило.

— Вот опять прозвучало: «интерес к России угас». Об этом многие говорят. Вспоминается и та атмосфера скандала, с которой Василий Аксенов несколько лет назад покинул США, где перестали выпускать его книги. Тогда он обвинил книгоиздательский и книготорговый бизнес Америки в определенной деградации. Такой процесс действительно идет?

— Вопрос не простой, требует отдельной пространной статьи. Коммерциализация издательского процесса происходит во всех странах, и в России тоже... Кроме того, в советские времена на Западе существовали гранты на издание русской литературы, которая была запреще-

«Судя по литературе, наши люди живут в разных мирах. Например, мы выпустили сборник новых имен «Война и мир», там первая часть – это рассказы армейские, а вторая – женские. И те, и другие про жизненно важные вещи. Но когда читаешь сборник целиком, видно, что, пока одни выживают в окопах, другие разбираются с любовными проблемами, не подозревая, как близок к ним мир войны».

на в СССР. После перестройки эти гранты закончились. Теперь русская литература вынуждена конкурировать на общих основаниях. Многие книги, с успехом выходившие в советское время, сегодня издателю неинтересны, конкуренции не выдерживают. Дело не только в том, насколько эти книги хороши или плохи, а в недостатке внимания англоязычной публики к чужой культуре, а также в некоторой замкнутости русской культуры, ее фиксации на собственных проблемах.

– Кстати, о внимании к чужой культуре. Недавно читал почти детективную историю о том, какие препоны ставились фильму «Ночной дозор» на пути к американским экранам. Соединенные Штаты, заваливая весь мир своими фильмами, в то же время стараются зажать иностранное кино в своем прокате. Что-нибудь подобное происходит в сфере литературы?

– Англоязычный мир, как известно, наиболее самодостаточный по сравнению с другими странами. Ежегодно там издается 150 тыс. наименований книг, и только 3% – это переводы, причем со всех языков. Сравните с Германией и Францией, где 30–35%

– это переводные книги. И хотя американские и английские литераторы редко могут жить на чистые гонорары, писательская активность в Америке настолько высока, что даже маленькие издательства получают по 100 рукописей в неделю самотеком. По-видимому, там у людей больше свободного времени, больше сил на реализацию своих творческих потенциалов... А что касается издателей, то они предлагают читателям то, что читатели от них ожидают. Я не думаю, что здесь какой-то злой умысел. Часто издатели говорили мне: «Нам эта книга нравится, но продать ее мы не сможем. Продолжайте ваше благородное дело».

В Америке существует немало частных и государственных программ поддержки переводов на английский с других языков. Например, недавно за счет такой программы была переведена книга Ольги Славниковой «2017». А до этого – книга стихов Льва Рубинштейна. Где тут противодействие? Оно там, где большие деньги, а не там, где культура.

– В свое время мне приходилось выступать в печати с критикой нашей книготорговой системы.

Ее главные пороки сводятся к тому, что подавляющее большинство новых книг не доходит до регионов, оседая в крупных центрах: Москве, Питере, Екатеринбурге... Почти уверен, что в Штатах ситуация аналогичная. Нет? Например, большинство книг оседает в университетских центрах...

– Я бы так не сказала. В Америке и Европе очень распространена онлайн-торговля, да и в книжном магазине вы можете заказать любую книгу и через пару дней или даже на следующий день получите ее на руки. У нас такие виды сервиса если и есть, то ими все еще не пользуются массово... На Западе проблема, скорее, в читательском спросе и платежеспособности. Книги, которые рассчитаны на широкий спрос, получают рекламный бюджет, те, которые не рассчитаны, его не имеют. Но, как всегда, многое можно сделать и без денег. Маленькие издательства делают интернет-рассылки информации о своих книгах, устраивают чтения, участвуют в литературных фестивалях (в США их около 300, в Англии – 250). К примеру, мы щедро раздариваем свои книги тем,

кто может нести информацию о них дальше. К сожалению, магазины держат книги на полках ограниченное время, потом имеют право их вернуть и получить деньги назад. «Возврат» – проклятье всех издателей.

Кстати, университетские центры действительно главные «рассадники» культуры в Америке. Через них проходят миллионы людей, которые потом вливаются в обычную жизнь. А видели бы вы их районные библиотеки! Чего там только нет! Какие современные технологии! И масса посетителей. Но общий недостаток культуры все равно ощущается: засилье попысы – это общее, мировое явление.

– Проблема дефицита хороших переводчиков в России действительно существует?

– Дефицит всего хорошего – это вообще мировая проблема. Если вы интересуетесь моим мнением по поводу переводов английских книг на русский – я их просто не читаю. Но когда я в качестве куратора премии «Малый Букер» проводила конкурс на лучший перевод с английского, то была неприятно поражена общим низким качеством переводов и редактуры. Хотя несколько замечательных переводчиков у нас, конечно, есть.

Мы в «Гласе» пользуемся услугами только профессиональных переводчиков из Англии и Америки. К каким-нибудь «французикам из Бордо» никогда не обращаемся. С хорошим писателем должен работать хороший переводчик, иначе получится антиреклама – и для писателя, и для издательства, и для нашей литературы. Ведь переводчик – практически соавтор. Я тщательно сверяю любой перевод с русским текстом, редактировать приходится всегда, поскольку те, кто не живет в России, плохо понимают наш контекст. Но мы работаем и с молодыми англоязычными переводчиками, если видим, что человек талантлив, – объясняем ему принципы профессии и методы преодоления культурных барьеров. Все наши переводчики-дебютанты были востребованы потом большими издательствами.

– Вы не столько сами издаете современную русскую литературу, сколько продвигаете ее к зарубежному издателю, если я правильно понял. Сталкивались ли вы с трудностями в области авторских прав? Иногда говорят о некотором «бесправии» наших писателей в книгоиздательской, книготорговой сфере на Западе...

– Конечно, с нарушением авторских прав за рубежом мы сталкивались, и сами вначале пострадали, потеряв много денег и в Америке, и – несколько меньше – в Англии. Но гораздо больше мы потеряли в России в начале 90-х годов. Мое впечатление, что все-таки в развитых странах больше уважения к закону, чем пока у нас. Но также я должна заметить, что и здесь, и там если кому-то удастся обвести вас вокруг пальца, не нарушая напрямую закон, то он считает, что сделал хороший бизнес. Поначалу наши партнеры воспользовались моей неопытностью, причинив нам большие убытки. Сейчас я имею дело с теми иностранными издателями, от которых ничего подобного даже и ожидать нельзя. На Западе авторы редко напрямую общаются с издателями, обычно это происходит через литературного агента, в обязанности которого входит заключение грамотного контракта. Теперь я тоже достаточно грамотная.

– Нельзя обойтись, разумеется, без вопроса о финансовой стороне вашей работы. Я предполагаю, что издание книг неизвестных на Западе писателей не приносит «Гласу» больших доходов, художественный перевод и вовсе затратная сфера. Что помогает вам держаться на плаву?

– Постоянной поддержки у нас нет. Иногда переводчик сам получает грант на работу с той или иной книгой, иногда начинающие переводчики готовы предоставить свою работу бесплатно, надеясь, что благодаря публикации в «Гласе» их заметят большие зарубежные издательства. Наша постоянная группа из трех человек работает бесплатно. Все деньги от продажи книг, гонорары за мои статьи и т.п. идут на следующую книгу. В результате нам удается издать 3–4 книги

в год, не больше. К сожалению, я как русский издатель не имею права обращаться в фонды других стран. В России же таких фондов до недавнего времени просто не было, а наше Министерство печати отказало мне в помощи. Вообще, я не умею просить и жду, когда «сами придут и предложат». Друзья помогают по мелочам, и к тому же мы получаем большую моральную поддержку от читателей. Пока есть силы, будем продолжать. Правда, я убеждена, что такой проект должен быть более масштабным, но мне, к сожалению, не удалось организовать его иначе.

– Сегодня много говорят о том, что подобным проектам нужна государственная поддержка...

– Культура безусловно нуждается в такой поддержке. Нет нужды изобретать велосипед на эту тему. Программы поддержки национальной культуры существуют во многих странах, нужно только изучить и адаптировать их опыт.

– Один известный вам писатель в своем блоге недавно высказался в том духе, что по сравнению с современной европейской литературой русская – провинциальная, отсталая. Вы, конечно, так не думаете...

– Если бы я так думала, то не стала бы тратить жизнь на издание русской литературы. Может быть, он читает только классику? Среди текущей англоязычной литературы процент шедевров не намного выше, чем в России. Просто когда имеешь дело с текущей литературой, устаешь от обилия трэша, трудно быть все время начеку, чтобы не пропустить бриллиант в куче мусора.

В этом смысле 90-е были уникальным временем, когда скопилась масса прекрасных текстов, ранее запрещенных, уже просеянных временем. Тогда все бросились читать западную литературу, а я, наоборот, открывала для себя русскую, поскольку до этого читала только по-английски для поддержания языкового уровня. Тогда-то я ее и полюбила. ■

Игорь САВЕЛЬЕВ
Москва – Уфа

ПРЕЗИДЕНТ И ЕГО ЖЕНЩИНА

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ СТАТЬИ

Евгений РЕЗЕПОВ
Саранск

Время, не пощадившее даже каменных жерновов на водяной мельнице ардатовского села Каласево, сохранило румянец на щеках 70-летней Агафьи Бирюковой. Этот румянец, стройность и ухоженные руки – предмет завистливых пересудов соседок, когда они полощут белье у свай заброшенной мельницы. На водяной мельнице сама Агафья не бывает. Ведь здесь она навсегда простилась с человеком, которого по-настоящему любила. Он долго обнимал и целовал ее, потому что под сердцем девушки жил его ребенок. Это был сильный красивый мужчина, с широкими плечами, за которыми висел мешок со стопкой толстых книг. Не чета ее лохматому и хрому Лаврентию, с которым

заставила потом сойтись нужда. Тогда, прощаясь, красавец обещал не забывать и обязательно вернуться за своей Агуткой – так ласково он ее называл.

Этого человека знал весь мир. Именно его лицо Агафья высматривает в новостных программах по телевизору, смотреть который она ходит к дочери в соседнее село. Делать это на глазах соседей в их домах она стыдится: засмеют и обязательно вспомнят про мельницу и многое-многое другое. Агафья избегает этого. А недавно к ней прибежали домой с криком: «Агутка, муж твой едет!»

Большой переполох

Зимой 1967 года Кузьма Бекшаев, первый секретарь Ардатовского райкома партии, пребывал в растерянности после звонка руководителя Мордовии, первого секретаря областного комитета партии Георгия Осипова. В их Ар-

датовский район, в село Каласево, просит разрешения приехать сам президент Югославии Иосип Броз Тито. Когда-то это должно было случиться. Не раз заходили разговоры о возможном приезде Тито в Ардатовский район. Бекшаев нередко слышал рассказы о том, что после Первой мировой войны не известный тогда никому хорват Иосип Броз был прислан в Ардатовский уезд в качестве пленного, работал механиком на знаменитой тургеневской мельнице. Потом этот военнопленный стал президентом Югославии, и весть об этом, естественно, вызвала большой переполох в умах ардатовцев.

Кузьма Алексеевич не так часто навещал это дальнее село из-за плохой дороги. А само село? Многие крыши оставались соломенными, в домах земляной пол, а грязь в Каласево была такая, что коровы тонули в ней по брю-

История любви Иосипа Броз Тито и русской крестьянки полна загадочности. Почему сорок лет один из самых известных диктаторов мира не мог встретиться с матерью своей дочери? И чем окончилась эта связь с будущим президентом Югославии, которая началась в 1916 году в глухом селе русской провинции?

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ СТАТЬИ

■ Агафья Бирюкова

■ Иосип Броз Тито

хо. Никаких перемен в селе за годы советской власти не произошло. А Тито, судя по всему, хотелось взглянуть на те места, куда его упекли в молодости. Бекшаев вспомнил все рассказы про Тито в Каласево. Он прилежно работал, играл на гармонии, вокруг него девки вились, и одна солдатка, чей муж был на фронте, родила от него дочь. Даже утверждали, что между Иосипом и солдаткой возникло серьезное чувство. Женщина после его отъезда жила спокойно, никому не мешала. И просится приехать Тито не только для того, чтобы взглянуть на красивые пойменные луга реки Алатырь. Ему хочется увидеться со своей женщиной в этом самом грязном селе Каласево. Кузьме Алексеевичу стало тревожно.

Вместе с президентом приедут сотни сопровождающих, а сколько будет журналистов! И хотя

уже дана команда привести в порядок дорогу и побелить конюшни в колхозе, все это бесполезно. Никакие усилия не скроют вековой грязи и отсталости мордовского села. А этого показывать Тито никак нельзя. Дорогу до Каласево отсыпать и заливать асфальтом пришлось бы на скорую руку. А куда денешь село и его бедных жителей, которые выйдут поглазеть на Тито? И потому он знал, что ему ответить в следующий раз по телефону. На все высказанные сомнения Осипов промолчал и ответил ардатовскому секретарю: «Кузьма Алексеевич, я вообще-то уже позвонил в Москву и дал категорический отказ в ЦК». Но об отказе республики принять Тито Бекшаев никому более не сказал, чтобы не вызывать волнений.

Долго и напрасно Агафья под насмешливыми взглядами сиде-

ла перед своим домом и ожидала приезда гостя.

Жена «кошатника»

По грязной улице села Каласево шел человек с мешком, издававшим дикие крики. За человеком бежала стая собак, уже изрядно охрипшая от лая. От этих воплей из мешка и собачьих голосов прятались в тень своих домов не только люди, но и жались к ногам хозяев кошки. На дворе стоял 1916 год... Когда крики становились совсем невыносимыми, человек бил по мешку кулаком, и вопли на некоторое время умолкали... На кулаке виднелись кровоточащие ссадины и глубокие царапины. После посещения очередного дома крики в мешке возобновлялись с удвоенной силой. Собаки пытались ухватить человека с мешком за сапоги, а он все ругался на шавок, да так

■ Агафья Бирюкова и ее муж Лаврентий Сарайкин

странно и смешно, будто немой. Толпа мужиков и баб подсмеивалась, наслаждаясь неожиданным представлением. В толпе улыбалось и личико самой красивой девушки села – Агафьи Бирюковой. И это человеку с мешком было особо неприятно, так как личико ему нравилось. В сарае у мельницы мешок падал, и из него вылетали бешеные кошки. Уже давно хозяева мельницы страдали от многочисленных крыс и мышей, портящих мешки с зерном. Принесенные из собственных домов кошки были или ленивы, или слабы против многочисленного врага, а потому решили собирать по селу других. Выбрали на эту презренную работу человека самого последнего по социальному положению, к тому же для всех чужого и не знающего русского языка, как тут говорили, «басурмана».

Два года шла война с немцами, и месяц назад из уездного города Ардатова привезли несколько военнопленных, чтобы они, как рабы, трудились в хозяйствах зажиточных крестьян. Хотя хорват Иосип был прекрасным механиком и слесарем, собирать кошек по селу посылали все-таки его. Он уже занимался этим, когда работал на большой мельнице в

другом ардатовском селе – Тургенево. И даже единственный друг пленного Иосипа, Герасим Эрзянкин, не мог оградить своего приятеля от этой унижительной роли. Правда, он помогал ему топить котят от плодившихся на мельнице кошек, а вместе с ними и тех охотниц, которые постарели или потеряли глаз в схватке с соперницами. Герасим был одним из редких жителей села, у кого имелась лодка. На ней они выгребали на середину реки, и Герасим сам сбрасывал мешки в воду, так как замечал у своего друга ненужные слезы... «А еще на войне был!» – смеялся мордвин. Потом они вместе удили рыбу и любовались на красивые закаты над рекой Алатырь. Герасим угощал пленника ухой, подкармливал его своими продуктами и даже отдавал свою подушку, когда их вдвоем оставляли дежурить на мельнице.

Не нравилось Герасиму в Иосипе только одно. Он даже хотел в мешке утопить книги, которые его друг беспрерывно читал днем и ночью, как только выпадала свободная минутка, и даже за едой! Герасиму казалось глупым тратить столько времени на какие-то типографские знаки, когда вокруг для глаз столько приятного: река,

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ СТАТЬИ

■ Дочь Агафьи Антонина

луга, зелень лесов и главное – нарядные юбки мордовских девок... А у некоторых из них и мужья на войне давно пропали. Герасим несколько раз подзуживал своего приятеля обратить внимание на красавицу Агафью.

Сидя в лодке с удочками над рекой, Герасим часто объяснял Иосипу как мог, и словами и на пальцах, что Агафья девка хорошая и до мужа, который пропал на фронте, у нее были мужчины и что она... Но однажды Иосип, подняв рубаху, показал своему приятелю на спине царапины, которые оставили явно не кошки, а существо более сильное, и, судя по довольной улыбке мужчины, ему было приятно общение именно с этим существом...

А ровно через два года Агафья Бирюкова вышла замуж за самого невзрачного, хромого мужика Лаврентия Сарайкина, у которого недавно умерла жена при родах. Лаврентий взял себе красавицу с ребенком, прекрасно понимая, что женщина его не любит, а выходит замуж только для того, чтобы устроить свою жизнь и навсегда прекратить досужие разговоры об отце своей маленькой дочери. Не удержали Агафью и уговоры Герасима все-таки дождаться Иосипа или вестей о нем.

■ Нюра, дочь Иосипа Броз Тито

■ Рая, внучка Иосипа Броз Тито

И снова в Каласево

Агафье был памятен тот день, когда пленного Иосипа вызвали в Ардатов и он клятвенно пообещал провожавшей его Агафье написать и вернуться за ней. С тех пор на водяной мельнице реки Алатырь вблизи села Каласево смолотили столько урожаев, что ей уже не верилось, чтобы за такое время не нашлось никакой возможности... Злые бабки стали называть ее женой «кошатника». Родившуюся без отца дочь она нарекла Нюрой, и когда Герасим приходил поиграть с девочкой, то всегда отмечал сходство между нею и ее отцом – своим пропавшим приятелем. Герасим, всем твердивший про это, никак не мог поверить, что человек, не способный утопить в реке котят, забудет о своей дочери.

Разговоры о возможном возвращении Иосипа не прошли бесследно для воображения Лаврентия, искренне влюбленного в свою красавицу-жену, и он всю свою семью вывез в Туркмению, подальше от разговоров об Иосипе. Там они жили 16 лет. Лаврентий трудился на железной дороге, Агафья шила халаты и тюбетейки, торговала чаем, привезенным из Каласево. А в Каласево у нее оставалась пышная изба и большой амбар,

принадлежавшие ее родителям. Не раз она собиралась вернуться на родину, но муж пускал ее только на побывку. Так продолжалось долго, пока вдруг Агафья не собрала детей и не уехала с ними. Два года Лаврентий не приезжал за ней после ссоры, а потом все-таки явился. Приехал сердитый, ругался с женой, но она отказалась возвращаться в Туркмению. Лаврентий по-прежнему не хотел жить в Каласево, где, несмотря на прошедшие годы, еще оставались живые свидетели грехов молодости жены, а уж разговоры, как он справедливо думал, будут и вовсе вечными. Спасение пришло в образе вербовщика, который звал народ на жительство в Челябинскую область, на Урал. Тут, кстати, случился пожар, который уничтожил в Каласево целую улицу, в том числе и их избу. На Урале они жили в землянке, им обещали выделить квартиру в доме, но они не дождались. Здоровье Агафьи пошатнулось. И как ни уговаривал ее Лаврентий, как ни страдал, что придется возвращать подъемные деньги, им пришлось вернуться в Каласево со справкой врача о том, что Агафье вреден климат Уральских гор.

Дома их встретила равнодушным молчанием старшая дочь,

Нюра. Богобоязненная мать Агафьи, не желая брать с собою грех в иной мир, призвала к себе старшую внучку и исповедалась перед ней в юношеских грехах ее матери. Девочка рыдала. Как такое может быть? Тогда старуха призвала свидетелей, среди них был и Герасим. Эти разоблачения не прошли бесследно для воображения девушки, она отказалась принимать участие в странствиях родителей по стране и решила остаться рядом с бабушкой. Мать не хотела говорить Нюре об Иосипе, ссылаясь на свое желание предать все прошедшее забвению. Для сестер и братьев Нюры это открытие тоже стало событием. Слова умирающей бабушки «твой настоящий отец в Югославии, и он вернется за тобой» передавались из уст в уста. От этого возвращения ждали каких-то чудес.

Внешность и манеры Нюры заметно отличались от других детей Агафьи. Как и мать, Нюру тоже считали красавицей, а ее загадочное происхождение только добавляло интереса к ней. Обида на мать за скрытую тайну, желание жить самостоятельно толкнули Нюру на раннее замужество, в 16-летнем возрасте, с самым красивым парнем Кала-

■ Герасим Эрзянкин

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ СТАТЬИ

■ Елена Юдина, дочь Герасима Эрзянкина

сево, Михаилом Архиповым. Он служил охранником в городской тюрьме Казани, откуда приезжал в родное село в отпуск. Нюра уехала к мужу в город.

Ее второй дочери, Рае, не было и года, когда Нюра неожиданно вдруг приехала из Казани в Каласево и попросила мать поддержать малышку несколько дней. Агафья очень удивилась такому неожиданному визиту, тем более что ребенка надо было еще кормить грудью. Через неделю Нюра не вернулась.

А потом пришла телеграмма из Казани о том, что Нюра в больнице умирает от сильного кровотечения. Агафья приехала в Казань к гробу дочери! Нюра, оказывается, чтобы избавиться от нежелательной беременности, решилась на криминальный аборт – официальные тогда были запрещены. Вышли осложнения, в казанской больнице Нюру, дочь военнопленного Иосипа, не спасли.

Дочери Нюры – Лиза и Рая – жили у Агафьи, пока Раю не забрал к себе на воспитание в Новосибирск старший сын Агафьи, Александр. Отец ее, Михаил Архипов, отдал дочь в чужие руки без разговоров, после смерти Нюры он уже подыскал себе новую жену. Агафья проводила внучку

Иосипа со слезами, а потом, когда ей присылали фотографии повзрослевшей Раи, не уставала удивляться ее схожести с Иосипом. Герасим Эрзянкин ей это тоже подтверждал во время совместных воспоминаний о хорвате. Но об этом они никому не говорили ни слова. К этому времени уже все знали, что военнопленный, бывший в их селе, стал после Второй мировой войны президентом Югославии и звался теперь именем, гремевшим на весь мир, – Иосип Броз Тито.

Товарищ Тито

В 1957 году руководство Мордовии было взволновано публикацией в журнале «Огонек». Президент Югославии в интервью заявил о своем желании посетить место своей ссылки. «Когда я был в 1956 году в Советском Союзе, то получил письмо от товарища, с которым подружился еще в 1916 году, работая в селе Каласево Ардатовского уезда. Его звали Герасим, хороший парень! Интересно было бы посетить все эти места, посмотреть», – задумчиво говорит товарищ Тито корреспонденту».

Супруга первого секретаря Мордовии, которая в местном университете читала лекции по

русской литературе, попала в сложную ситуацию. Студенты с журналом в руках задавали ей вопросы о президенте Югославии. В конце 40-х годов XX века Иосип Броз Тито начал проводить в своей стране политику, независимую от СССР, перестал прислушиваться к советам Иосифа Сталина. Тито предали анафеме, и долгие годы в заголовках советских газет красовалось: «Банда Тито». С приходом к власти Никиты Хрущева Иосип Броз Тито побывал в Москве с визитами, начались разговоры о его возможном приезде на мордовскую землю. И вот в 1957 году срочно начали ремонтировать дорогу в сторону Ардатова, посыпать песком лужайки и белить дома у обочины. И жену первого секретаря обкома, зная ее как человека честного, спросили: правильно ли перед приездом Тито наводить порядок на одной дороге, когда другие не обустроены? Смысл ответа педагога стал образцом дипломатической увертки. Если бы приезжал любой руководитель из Советского Союза, такую встречу можно назвать абсолютно неправильной. Но, учитывая, что за годы социализма сделано что-то, а Тито верил в будущее социализма и видел Каласево при царе, на-

до показать, что за эти годы изменилось.

А там по-прежнему на крышах желтела солома...

Сначала Агафья и Герасим в Каласево благоразумно молчали о своих близких отношениях с военнопленным.

А тут начались разговоры о возможном приезде Тито в Ардатовский район, в Каласево. Над Лаврентием, обычно уклонявшимся от выпивок с колхозными скотниками, с которыми он работал, стали подсмеиваться. Да еще Герасим Эрзянкин, полностью освоившийся с ролью друга югославского президента, рассказывал многочисленным московским гостям обо всех его привычках и манерах. А офицеру КГБ Владимиру Тумпарову, который с ним часто беседовал, Герасим показывал, какие большие и толстые русские блины любил Иосип. Собственный дом Герасима разваливался, и он мечтал, что Тито даст ему средств на постройку нового. «А своих внучат, может, и пристроит у себя на родине, – говорил он и подмигивал Лаврентию, – а может, и Агафью не оставит в этой грязи...»

Насчет Агафьи Герасим, конечно, преувеличивал, но слушать такое было невыносимо для любого мужчины. Лаврентий не был исключением. Имя Иосипа стало проклятием всей его жизни. Он уже не мог выносить непосильной работы и откровенного многолетнего невнимания своей супруги. Он даже пуговицы на рубашку пришивал себе сам, сам вязал себе рукавицы. Его ни разу не видели курящим или пьяным, ссорящимся с кем-то. Накануне религиозных праздников он не спал ночью и делал из соломы жуков, которых развешивал по стенам на потеху детишкам. А в свободную минуту латал валенки детям и внукам. Иногда от усталости засыпал прямо на валенке. Однажды, когда щеку Лаврентия насильно оторвали от этой подушки, глаза его уже не открылись, как ни трясли его седую голову. Теперь он навсегда перестал бояться приезда Иосипа.

Тито не приехал в Каласево, муж умер. Через два года после смерти Лаврентия умер и Гера-

сим Эрзянкин, так и не дождавшись от Тито денег на постройку нового дома. И главным свидетелем пребывания Тито в Ардатовском районе стала Агафья. Славу мордовской жены Тито за ней окончательно закрепил ардатовский краевед-энтузиаст Валерий Дубинкин, который записал все воспоминания о пребывании хорвата в Каласево, привез из Москвы большую фотографию президента Югославии. Смотреть на нее ходило все село.

В 1969 году Агафью Сарайкину срочно пригласили к телефону в контору сельского совета. Из разговора с сотрудником югославского посольства она узнала о приглашении в Москву для встречи с Тито. Это было спустя два года после того, как югославскому президенту мордовский обком партии отказал в визите в Мордовию. Агафья ехать одна в Москву побоялась, а дочь Александра, жившая в соседнем селе, отказалась сопровождать мать. Не подействовали на дочь ни слезы, ни увещевания: в конце концов-то речь все-таки шла о любовнике матери, с которым она сходилась еще до замужества, отношения эти лежали на семье темным пятном. А в селе распространился слух, что Агафья сама отказала Тито во встрече, памятуя его неверность и не желая ворошить прошлое.

Но спустя три года к ней снова пожаловали гости договариваться о новом визите Броз Тито и выбирать место для вертолетной площадки. А через неделю из МИДа позвонили в Саранск и сказали, что визит Тито снова отменяется. Поползли слухи, что визиту воспротивилась его молодая, деспотичная и притом пятая по счету супруга, Иоланта, имевшая на Иосипа большое влияние. Также говорилось о том, что Тито хотел приехать в Каласево, где его помнили грязным и оборванным пленником, во всем сиянии маршальского мундира, который он любил носить, в сопровождении большого эскорта. Но такую встречу ему никак не могли устроить. И все-таки Тито увидел еще раз Каласево.

Перед 80-летним юбилеем Ти-

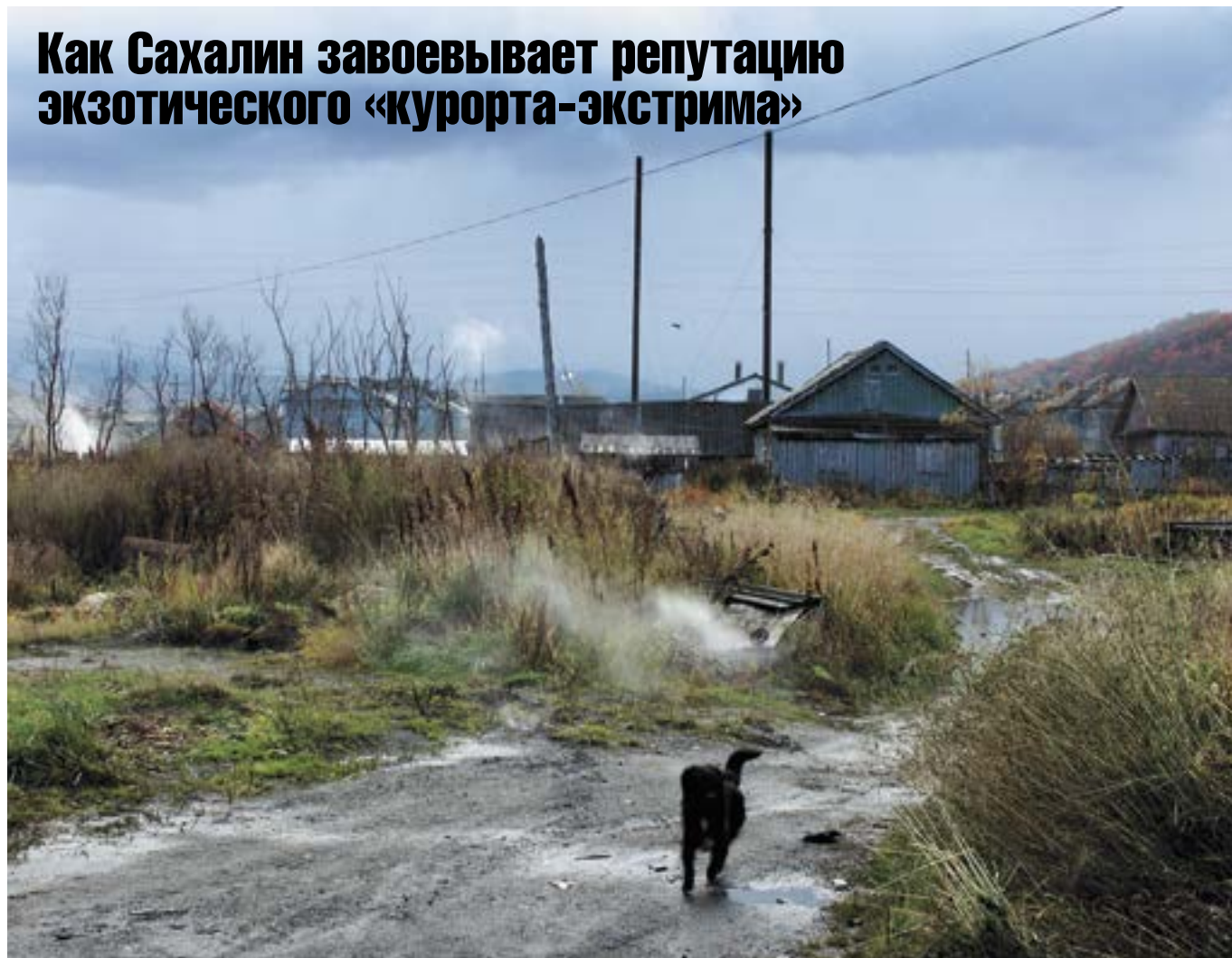
то приехала из Югославии группа кинематографистов, которые снимали большой документальный фильм о своем президенте для телевидения. На каждый год его жизни снималось по серии, и одна серия должна была быть посвящена ардатовскому периоду. Перед приездом иностранцев спецслужбы предупредили местные власти о принятии мер по возможности предотвращения их посещения Каласево и встречи с Агафьей. Киношники приехали в момент разлива Алатыри, река затопила пойму, проехать было невозможно, гостей специально возили по лесу, но так и не подвезли к мосту, по которому можно было пробраться к Каласево.

Множество людей стояло на каласевском берегу и видело, как югославы разглядывают в бинокли село, где некогда жил их вождь Тито, как снимают на кинокамеры сельские крыши, специально для того покрытые железом... Конечно, было желание увидеть и Агафью. Она уже сидит дома, одевшись во все лучшее. Напрасное ожидание! Иностранцев угостили в ардатовском ресторане водкой, которую они выпили за здоровье великого Тито и в тот же день уехали. После этой попытки Иосипа увидеть Агафью новых не последовало. А в 1980 году он умер на 86-м году жизни. Агафья узнала об этом по телевидению и теперь почувствовала себя настоящей вдовой. Жизнь Агафьи уже больше не была отмечена ожиданием и мечтой о встрече, и единственным ее желанием, как и всякой сельской женщины, было желание удержать сыновей от пьянства, а дочерей – от ссор друг с другом.

До самой смерти она сохранила ясную память, интерес к политике и способность пересказать домашним суть политического доклада руководителя страны, услышанного по радио. Запись о смерти Агафьи Афанасьевны Сарайкиной в книге каласевского сельсовета появилась 12 марта 1992 года. Она прожила 96 лет. Но ведала ли равнодушная рука сельского секретаря, что вписывает еще одну строку в историю русской жизни? ■

ДАЧА ПРИТЯЖЕНИЯ

Как Сахалин завоевывает репутацию экзотического «курорта-экстрима»

PHOTOS/ALAMY

Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Александровск – Дуэ –
Южно-Сахалинск

Тур-«Дача» – так, с ударением на последний слог, канадцы, японцы и корейцы называют необычный туристический маршрут на Сахалин. За неделю жизни посреди грядок, картофельных лунок и малинно-смородиновых кустов, притулившись вдоль берегов Охотского моря, они не только узнают, почем фунт дачного лиха. Жизнь на 6 сотках, которые иностранцам в аренду сдают местные жители, туристы совмещают с путешествием по «каторжанской тропе Чехова». По той самой мифической тропе, по которой каторжане пы-

тались сбежать с острова и о которой миру рассказал великий писатель. Он первый 119 лет назад – не каторжанин и не полицейский – ступил на землю Сахалина, землю, которая могла стать курортом, но была превращена царской Россией в резервацию-каторгу.

Замкнутую сахалинскую жизнь «на самообеспечении» Чехов первым назвал позором, заявив миру о том, что «имперский способ освоения земель за счет их колонизации своими подданными – это дикое порождение Средневековья». И вот спустя всего-то век с небольшим потомки ссыльных островитян налаживают новый бизнес – «тур на самообеспечении», попутно осваивая профессию гида по «каторжанской тропе».

«Квартироваться!»

Любого странника Александровск, некогда островная столица, встречает пронизывающей моросью. Влажная дымовая завеса, по утрам и вечерам ползущая с моря, виснет в воздухе. От нее воздух сыреет настолько, что ощущаешь себя так же, как и Чехов в «Острове Сахалин»: «словно на дне Ледовитого океана». В Александровске, прозванном французскими мореплавателями «воспоминанием о Париже», переживают: как встречать туристов из Японии и Кореи?

Наверное, как и Чехова. Ни тогда, ни сегодня в городке не было и нет гостиниц. Точнее, на центральной, когда-то Кандальной, а теперь имени Ленина, площади стоит пришедший в негодность отель «Советский». Так

PHOTOS/ALAMY

PHOTOS/ALAMY

PHOTOS/ALAMY

АЛЕКСЕЙ МОРОЗОВ

PHOTOS/ALAMY

PHOTOS/ALAMY

что возможностей у гостей многим больше, чем в позапрошлом веке: или селиться в общежитии педучилища, или, как Чехов, «квартироваться». Он в свое время присмотрел дом Карла Ландберга – офицера, воевавшего на Балканах, приговоренного за двойное убийство к 15 годам каторги, ставшего вольным поселенцем, лавочником, а потом героем Русско-японской войны.

Их знакомство было первым соприкосновением писателя с островными реальностями. Желая сделать приятное Ландбергу, Чехов решил купить в его лавке «мужичьих», то есть карамельных, конфет. Когда услышал запрошенную цену, весьма удивился: она оказалась в пять раз выше стоимости шоколадных конфет в Москве. «Мне захоте-

лось домой» – о да, это чеховское чувство переживет сегодня каждый, кто глянет на ценники в любом сахалинском магазине! Булка самого дешевого хлеба – 70–90 рублей, килограмм мяса – почти 800 рублей, сахар – до 70, пучок зелени или редиски на рынке – 100. В свое время Чехов, отойдя от оторопи, оправдывал дороговизну «амурскими зарплатами», которые на острове были выше, чем на материке. Сегодня тоже можно вспомнить про «северные надбавки», сохраняемые за сахалинцами. Все же средняя зарплата тут – до 30 тыс. рублей, – как и в царские времена, остается выше «материковой». Но, глядя на то, как привыкшие к дороговизне японцы с пустыми руками отлетают от музейной лавки и даже из кафе «Русский чай»,

почему-то все острее ощущаешь всепроникающую негостеприимную морось.

Хотя днем солнца на Сахалине – до рези в глазах. «Почти ташкентское», – смеется Тимур Мироманов, директор музея Чехова и главный гид по Александровску и Дуэ – дачной деревушке, которая когда-то служила воротами-портом острова. «Почти все туристы предпочитают селиться в Дуэ, – рассказывает Мироманов, – бывают случаи, они даже на экскурсии не приходят. Ведь ничего подобного – собственного земельного участка, где можно выращивать морковь, картошку, вишню и тут же разбивать цветочные клумбы, – в японской культуре быта нет. Словно дети, расспрашивают, как пользоваться дачной

РИА «НОВОСТИ»

■ Карта, которой пользовался во время путешествия А.П. Чехов

РИА «НОВОСТИ»

■ А.П. Чехов среди родных и знакомых перед отъездом на Сахалин

«бочкой»-душем, почему она на участке, а не в доме, как поливать лук или чеснок и как полоть грядки. Вот эта трудотерапия их настолько затягивает, что им не до экскурсий».

Те же, кто выбирает «цивилизованный экстрим» – горячую воду и душ в номере и отсутствие грядки под окном, – селятся в коттеджных поселках неподалеку. Как раз там, где проходила «каторжанская тропа».

Новая «тропа»

Сегодня от каторги остались лишь разбитые грунтовые дороги. Главная из них – знаменитая 18-километровая «каторжанская тропа», единственная пешая дорога до порта Дуэ, откуда всем мечталось отплыть на материк. Тропа частично затерялась в сопках, частично ушла под воду озер и речушек. Как и судьба первых каторжан. Исключение – память об уникальной женщине.

Есть в музее Чехова в Александровске фотография XIX века. Мимо нее ни один посетитель не проходит. На фото пожилая женщина, закованная в кандалы. Это знаменитая Софья Блювштейн, или Сонька Золотая Ручка.

«Ну, ясное дело, что у нее была отдельная камера, купленный надзиратель на побегушках, –

рассказывает экскурсовод Наталья Минеева, – не обращайтесь внимания на постановочную фотографию для отчетности – она не носила кандалы. Софья Блювштейн после каторги вышла на сахалинское поселение, выстроила на острове дом, открыла кабак и первая на каторге растила в теплице овощи и фрукты на продажу».

Баба, которую здесь, пишет Чехов в «Острове Сахалин», воспринимали «как десерт к водке или дополнительное животное в хозяйстве», вдруг сама это хозяйство заводит и даже нанимает мужиков-работников. Привычная схема островного домостроя дала сбой. Многолетний дефицит женщин давно отладил конвейер по их распродаже. Когда с воли приходил теплоход с каторжными «мамзельками», тех, что помоложе, разбирали надзиратели. Остальных, как живой товар на базаре, под присмотром администрации выкупали бывшие каторжане, ставшие поселенцами. Удел этих женщин считался лучшим. Их «для порядка» колотили, но «уважали» за положенный раз в месяц государев паек – 31 буханка хлеба, 2,85 кг крупы, 5,65 кг риса (равный с осужденными мужчинами). Ради пайка и почти ежегодных родов женщин «держали

здоровыми». Хуже приходилось вольным поселенкам, которые, как декабристки, приехали за своими мужьями-уголовниками. Им, если они не были фельдшерицами или чиновницами, паек не полагался, а значит, в глазах каторгишний рот не имел никакой ценности. У них оставалась одна дорога – даже мужья склоняли своих жен к проституции. За «пайку».

И вот скандальная авантюристка Золотая Ручка нанимала несостоявшихся «декабристок» на работу. Но вскоре сама едва не оказалась в их положении. Сначала ее заподозрили в том, что она с гоп-компанией ограбила и убила первого лавочника каторги и своего «товарища» по бизнесу Юровского. Потом пошли слухи, будто пожилую женщину шантажирует и поколачивает купленный ею молодой повеса-муж. Ее мечта построить в каторжном Тымовске «маленькую Одессу» рухнула: кабак закрыли, теплицы отняли, а из дома-сруба она успела сбежать в неизвестность.

Такой удел ждал большинство разбогатевших за счет бывших сокамерников. Выжившие не прощали владельцам рудников, лесопилен или лавок, чье состояние, как правило, сколачивалось чужой кровью, их нового статуса.

■ Айны, представители коренного населения острова Сахалин

■ Пост Дуэ на острове Сахалин в конце XIX века

И теперь корней первых «новых русских» на острове найти почти невозможно. Хотя сегодня Александровск живо обсуждает слух, будто главный «новый русский» города, Валерий Юрковский, владец сети магазинов, состоит в дальнем родстве с первым лавочником каторги Юровским, которого устранила как конкурента Сонька Золотая Ручка.

«Начнем с того, что я не богач, – говорит Валерий Юрковский, – и про родственные отношения с легендарным лавочником мне тоже ничего не известно».

Спокойный, уравновешенный, в грубом шерстяном свитере и потертых джинсах, он уклоняется от разговора и прячется в серебристый «лендровер». Здесь, как и несколько веков назад, не принято подчеркивать свое состояние или родство, даже отдаленное, с разбогатевшими предками. Ведь несметными богатствами острова страна начинала прирастать благодаря его «отбросам» – уголовникам, авантюристам и просто ссыльным, которые мечтали о своей и его свободе.

В этом смысле показательна реакция корейских туристов на музейный стенд Соньки Золотой Ручки. Во времена, когда японцы выгнали с острова русских, они Сахалин осваивали «не пач-

каясь» – каторжным трудом корейских пленных. «И вот их потомки, – рассказывает Наталья Минеева, – обожают Соньку и рассказы о ней. Но почти всегда задают один и тот же вопрос: «А что, в России женщина может купить мужчину?»

Уцелевший из «Списка...»

В конце 90-х в областной архив Южно-Сахалинска пришло письмо из далекой Австралии. Потомки каторжан, а потом купцов Петровских, интересовались, в каком состоянии находятся рудники и лесопилни, принадлежавшие их предкам. Подтекст письма был прост: бывшие хозяева надеялись вернуть отобранное советской властью. И хотя ни тюремных лесопилен, ни рабских рудников на острове не осталось, интерес к ним безжавших в Китай, Японию и даже в Южную Америку бывших владельцев сохраняется.

Первым сохранить историю – переписать всех без исключения островитян – в 1890 году попытался Антон Павлович Чехов. Его неоконченный «Список...» вольных поселенцев, каторжан и аборигенов навсегда останется образцом первой переписи жителей острова Сахалин. И как выясняется сегодня, еще и документом, способным разочаро-

вать тех, кто хочет разбогатеть от истории, в которую их предки вписаны кровью.

Первым номером в чеховском списке каторжных, высадившихся на остров в 1858 году, числится «уроженец Вятки Иван Лапшин». Больше о нем архивы не сохранили ни строчки. А вот №2, Павел Ерохин, стал на острове легендарной личностью. Почти двухметровый батрак из Полтавы, был приговорен к бессрочной каторге за два убийства. Сначала в зале суда (!) он задушил прокурора, который требовал отнять у бывшего крестьянина за долги его землю. А в тюрьме батрак надел на голову надзирателю «поганое ведро» за то, что тот ударил его железным прутом. Сплющенное арестантом ведро лишило жизни полицейского.

По воспоминаниям, с опаской знакомился с каторжанином №2 и сам Чехов. «Ну прям так и боялся, – с обидой в голосе говорит 86-летний Виктор Ерохин, – деда, между прочим, уважала и ценила администрация острова. Ему бессрочную каторгу заменили поселением и дали лучшие земли».

Документы о выделении поселенцу Ерохину пахотных земель в деревне Михайловка действительно сохранились. А за что выпала такая честь бывшему каторжному, которому во вла-

■ Каторжники Сахалина, прикованные цепями к тачкам

дение дали лучшие земли и который стал крупнейшим к 1917 году землевладельцем, об этом осталась лишь легенда.

В одну из зим завелся на острове-каторге медведь-шатун. Сначала он крал скот, а потом повадился и на людей охотиться. Власти острова обратились за помощью к аборигенам – нивхам и орокам. Точнее, к лучшему охотнику нивхов – Софрону. Среди каторжных пошел слух: гияк (так они называли местных) Софрон убивает каторжных и по рублю за каждую голову получает от властей. От замаячившего призрака конфликта с аборигенами и разгула медведя-людоеда каторгу спас случай. Ерохин вместе с сыном пошел в лес за дровами и встретился с медведем. «Мне отец потом рассказывал, – вспоминает Виктор Ерохин, – дед отцу заорал: «Стоять!» А сам видит, что медведь пасть раскрыл... Ну и сунул ему руку в рот. Сдавил за основание языка так, как делают охотники. Они знают, что медведь в таком случае теряет волю к сопротивлению. Дед и полупридушил его, а отец пристрелил».

Тогда-то каторжанин и получил подарок судьбы: ему скостили срок до 10 лет, дали 100 рублей, Почетную грамоту и землю в деревне Михайловка. Вскоре вольный поселенец Ерохин женился во второй раз (первая жена умерла во время суда,

а сына он взял с собой) и вырастил еще 12 детей. После 1917 года его раскулачили большевики и «сослали» во Владивосток, где он снова создал сельхозартель и трудился в ней до 97 лет. Многие его сыновья и внуки были или репрессированы в 37-м, или погибли в Великую Отечественную. Уцелел 14-й внук от первого сына, Павла, – Виктор. В свои 86 он бегаёт на лыжах марафон (!), а летом сдает дачу в аренду туристам.

«Что за люди? – ворчит дед на иностранцев. – Ничего не умеют. Розетки в доме за месяц выдирают «с мясом». Говорят, слишком высоко висят. Огурцы-помидоры не поливают, а заливают. И ходят на даче не по тропинке, а где вздумается. Пока их приучишь к порядку, так им уже пора уезжать. Ну, ничего, дай им Бог здоровья, копеечку заработать помогают».

Еще дед Ерохин удивляет-ся двум вещам в японцах. Во-первых, говорит, «аккуратные паразиты – не придерешься». «Бывает, приду их проведать, – рассказывает он, – а дача как не моя. Все кусты подстрижены, цветы в эту как ее... «икибану» камнями обложены, яблоня чуть не с мылом вымыта. И стол во дворе накрыт». Во-вторых, тут же: «Не понимаю я их – на кой ляд им скакать по рудникам и бывшим тюрьмам?».

■ Переправка заключенных на остров Сахалин

«Убыточная работа»

Хотя сегодня от 23 тюрем Сахалина не осталось даже фундамента, о них помнят не только туристы. В Дуэ и Александровске нашли два заброшенных рудника, где, по преданию, прикованные к телегам-«возкам», и обитали каторжане. А местные о тюрьмах отзываются неожиданно лестно.

«Каторга – это хорошо, – говорит краевед Григорий Сmealов, – это когда заключенный выходит на поселение и начинает обеспечивать сам себя. Вот она – осознанная свобода. Единственное поражение в правах – запрет оставить остров».

Здесь как легенда – от поколения к поколению, от туриста к туристу – переходит рассказ о том, что каторжанина Ивана Ювачева, принимавшего участие в покушении на царя Александра вместе с казненным Александром Ульяновым, надзиратели называли на «вы», выделили ему дом, прислугу, а старший надзиратель приглашал зэка на ужин и на «общественные вечера». «Ювачев был исключением, – спорит с распространенным мнением экскурсовод музея Чехова Наталья Минеева, – редкий поселенец обеспечивал себя сам, а большинство каторжан предпочитали жить на государев паек и не заниматься хозяйством. Зачем? «Жрачка»-то есть».

РИА «НОВОСТИ»

■ Каторжане. Фото привезено А.П. Чеховым из путешествия по Сахалину

РИА «НОВОСТИ»

■ Заковка арестованных в кандалы

Женщина убеждена в том, что остров-каторга научил Россию простой истине: вор не начнет пахать и сеять. Это свободный человек вкладывает в деньги пот и труд. Минеева идет к музейной гордости – отреставрированной лавке Ландберга. Здесь под позолоченными канделябрами и за столами из роскошного красного дерева, отделанными в стиле кантри, любят посидеть туристы. Им, наверное, как и художнику-реставратору, такой и запомнится «сермяжная тюремная правда». Впечатление – кому испортить, кому усилить – могут только местные «гавроши». Вечно полуголодные обитатели дощатого «шанхая», местной бедняцкой окраины, они круглые сутки снуют вокруг лавки Ландберга ради случайной копейки. «Закурить не найдется?» – вяло интересуется один из них, 10–12-летний мальчуган.

«Это еще что, – объясняет ситуацию Минеева, – я вот недавно по музейным делам ходила в администрацию. Там у комитета соцзащиты стояла очередь безработных мамаш на получение детских пособий. Они живо обсуждали, что будут выдавать в этот раз вместо денег. Деньги им не дают: мол, пропьют. Или мужья отнимут. Одна такая «дама» обрадовалась, когда узнала, что будут расплачиваться рисом. «Я рис приношу, а они его сырым

съедают». Это она про своих троих детей чуть ли не с гордостью говорит».

Наталья Минеева таких «мам» сравнивает с каторжанами, которые выбирали минимальный паек вместо вольного труда и самообеспечения. Только каторжные отбывали еще «уроки» – подневольные работы. Современным безработным «легче» – они предпочитают получать 1100 рублей на бирже и грошовые «детские пособия», вместо того чтобы работать за 2–4 тыс. рублей.

«Из-за невнятной финансовой политики правительства, – возмущается Наталья Минеева, – и тогда, и сейчас на острове живут временщики. Вот я, например. С мужем сюда из Алма-Аты приехала заработать денег. Думала, уеду через лет пять-десять. Осталась. Сначала потеряла родину – это теперь другое государство. А потом, как и многие с развалом СССР, заработки. Но я не хочу жить последней надеждой каторги и «шанхая» – где бы купить водки подешевле?»

Экстремальный курорт

Два острова на земле – Австралию и Сахалин – люди, открыв, превратили в каторгу. Спустя века, бывшая британская «тюрьма без права возвращения» – континент-«курорт», самый экологичный «спальный район» мира, страна нескольких Олим-

пиад. В страну кенгуру люди рвутся за лучшей жизнью, а Сахалин добился пока лишь славы экстремального курорта.

«Только не создавайте Сахалину славу нового каторжного центра, – возмущается, услышав истории о «гаврошах» и безработных, краевед и патриот острова Григорий Смекалов. – Я не конкурент Антону Павловичу Чехову, но, обличая царские власти и требуя закрыть каторгу, он выполнил часть социального заказа. Другой заказ он оставил нам в завещание: остров осваивали сначала вольные поселенцы и только потом ссыльные и каторжане. Вот кто сегодня может поднять и поднимает остров с колен бедности».

Смекалов, как и многие островитяне, уверен в том, что новый социальный заказ не в том, чтобы поддерживать слухи, будто Сахалин постепенно обезлюдет, а жизнь на нем будет поддерживаться «вахтовым методом» командированных, приезжающих сюда за длинным рублем. Как каторга исчерпала себя, будучи тупиковым способом колонизации острова, так и затратные стройки социализма опустошили карман казны. Теперь островитяне ищут новые пути самообеспечения. И коммерческий тур-«ДачА» – лишь один из многих способов наладить свободную жизнь, не перечеркивая и не стыдясь своего прошлого. ■

ФОТО АВТОРА

ОТШЕЛЬНИК

По воле родителей Лукьян Полежаев родился и вырос в лесу, не ходил в школу, не знал русского языка, объяснялся на мокшанском наречии мордовского языка. Только от охотников и торговцев он научился говорить по-русски. Но его путь к общению с цивилизованными людьми оказался таким же, как у дикарей Фенимора Купера: путем свободного человека к рабству.

Евгений РЕЗЕПОВ
Саранск

Начало этой истории положил рассказ одного начальника. Однажды в мордовской глуши он был накормлен отменным ужином. В деликатесах он слыл знатоком, казалось, его трудно было чем-то удивить после московских ресторанов и банкетов, а тут он, смачно облизывая губы, рассказывал о блюде из жареного мордовского змея. Особенно его восхищал способ ловли этих змеюк. В сильный мороз, когда плотно закупаются малейшие трещины во льду на болотах и дышать нечем, змеи эти сбиваются в плотные клубки и своими спинами точат и точат лед до тех пор, пока не получится дырка. За несколько дней протачивается лед толщиной до полуметра. Так змеи стремятся к кислороду. Хитрые местные жители ставят на эти «проруби» лукошки с дыркой, и змеи лезут в ловушки сами. Остается только прийти и собрать улов. Этот мордовский змей в просторечии называется «вьюн».

Больше всего меня поразило не его замечание по поводу вкуса, а жизнелюбие этих вьюнов, которые точат толстый лед. И то, что в конце этого трудного и мучительного пути змей ждет гибель на сковородках, из которых их будут выхватывать пальцы в золотых перстнях.

Я вспомнил этот рассказ, идя по зимнему лесу вслед за Лукьяном Полежаевым. Он, наверное, последний в здешних местах, кто еще может рассказать о лов-

ле мордовского змея, о том, как его поставляли к столам местных начальников и что с этого имели местные жители. Лукьян и есть тот самый человек, который наловил целое ведро мордовского змея для того самого начальника. Руки отморозил в ледяной воде, чтобы угодить гостю. Тот обещал выправить ему новый паспорт: документ, удостоверяющий личность, Лукьян то ли потерял, то ли никогда не имел. Обещания гость, конечно, не выполнил. Остались от того посещения в памяти только жадность высокого начальника и то, как он запускал толстые пальцы в сковородку.

«Три сковороды съел! Даже хвосты уплел!» – вспоминал Лукьян, широко шагая по глубокому снегу.

В те дни, когда хозяин, у которого работал Лукьян, послал его за змеями, тоже лежал глубокий снег. И ему пришлось долго откапывать лукошки из-под снега. Торопясь, чтобы важный гость не осерчал из-за долгого ожидания, Лукьян резко потянул лукошко. А оно оказалось настолько полным вьюна, что дно отвалилось, и змеи рухнули в воду, спасшись от сковородки. С досады Лукьян даже заплакал: до другого лукошка на соседнем болоте надо было идти километра четыре. Хозяин, на которого он тогда работал, отругал за долгие хождения. Плакать от своего хозяина Лукьяну приходилось часто. И не только из-за этих змеюк. Но в этот раз он сумел наказать своего работника особенно изощренно. Лукьян запомнил тот день надолго: «Мне вьюнов с тех пор противно жрать!»

Поэтому уговорить Лукьяна, чтобы он показал охоту на мордовских змеюк, стоило немалых трудов. Ему не хочется открывать последние места, где эти твари все еще обитают, не хочется рассказывать детали промысла, которым спасали, а потом устраивали свою жизнь его отец, дед и многие родственники. Лукьян долго делал вид, что не совсем понимает русский язык. По национальности он – мордвин.

Как обычно, решился вопрос с помощью спиртного. От него коренной житель лесов становится словоохотливее и раскованнее. Лукьяну все нипочем в лесу. Для него лес – дом родной. Так же как для лис, кабанов, лосей и волков. С последними Лукьяна часто сравнивают. Особенно они похожи взглядами. Глаза у Лукьяна глядят действительно жестоко и непроницаемо. Тепла в них нет. Но, может, разговоры о волчьем взгляде Лукьяна выдумки местного населения? И не такое еще можно сочинить о человеке, который родился в лесу, жил один в лесу и, судя по всему, умрет в лесу. Тоже один.

Прежде в этих местах такими же одиночками скитались дезертиры времен Великой Отечественной войны. Они-то и подняли добычу мордовского змея на высокий уровень. За счет них они и выживали. Налавливали его столько, что хватало наполнить телегу с горкой! Разгружали змеюк, которые были тогда больше полуметра, и толщиной в полено, вилами, словно сено! Руками их взять невозможно из-за плотного слоя слизи, который позволяет вьюнам выбиться из самых крепких пальцев. Са-

мых крупных змеюк жены и дети дезертиров носили продавать на рынки в райцентр или к поездам, которые шли через станцию Теплый Стан. Спрос на этот деликатес был необыкновенный. Тварей помельче, что не годились даже самым на стол, скармливали свиньям. Вьюнами были забиты сараи до потолка. В отепель они пищали! Змеюки эти настолько живучие, что в замороженном состоянии способны пролежать около месяца, и капля воды способна их оживить.

«Я однажды такую змеюку пять дней в кармане носил, а она живая!» — рассказывает Лукьян, с трудом подбирая слова. Носил он их для того, чтобы выпустить в другое болото, к другим вьюнам. Делается это для увеличения веса и породы вьюнов. Живя в одном болоте, вьюны вырождаются. Научился этому приему Лукьян от стариков из поселка Дикого. Они за развитием популяции мордовских змей в болотах следили строго. Это мы сейчас идем по замерзшему болоту, опасаясь только слишком тонкого льда или трещины, а раньше, лет 30–40 назад, можно было получить в спину заряд картечи. Все вьюнные болота были поделены между местными жителями, словно золотоносные участки, и передавались из поколения в поколение по наследству. Даже назывались по фамилиям: Каргинские, Романовские, Кошеловские, Куприяновские, Сандинские, Пуштаевские... У бездетных стариков, не способных защитить свое право, болота отнимались молодежью. Так случилось с неким дедом Романом. Не посмотрели даже на то, что старик — участник войны, имеет много наград. Напрасно Роман Егорович кричал, что убьет воров, и ссылался на брата, который председателя колхоза убил. Тут все люди боевые были. В каждой семье не по одной темной истории. Многие местные жители дружили с дезертирами, а потомки некоторых — сейчас известные криминальные авторитеты.

«Вот меня упрекают, будто я 15 чужих лукошек с вьюнами украл. Чтобы своего хозяина кормить! Наговаривают! А я на то болото никогда не ходил», — говорит Лукьян.

Я обращаю внимание на резкий запах тины из трещин во льду, по которому мы идем.

«Тины много, — соглашается Лукьян. — Зато у нас нет извести. В наших чайниках накипи никакой!»

Но особо невыносим запах тины весной и летом, когда поднимается вся муть со дна болот. На этот период лукошки для ловли мордовского змея вешают сушиться на кусты, своровать откуда их невозможно. Проплыть на лодке мешают коряги, а пролезть по воде не дают многочисленные пиявки. Они и черные жуки-плавунцы — главные конкуренты Лукьяна. Им тоже нравятся вьюны. Страшное время для вьюнов — середина лета. От жары болота пересыхают, и вьюны, чтобы выжить, рано утром по росистой траве пересекают расстояние в двести метров до соседнего болота. Во время их движения трава колышется, кажется — ползет армия змей. Движение это сопровождается писком. Зрелище не для слабонервных. Первый раз его показал Лукьяну отец и велел не зевать, а хватать вьюнов и складывать в мешок. «Только змею не сцапай!» Был случай с местным жителем, который перепутал вьюна с ядовитой гадюкой, попавшей в это месиво, и был смертельно укушен. Отец Лукьяна, как и другие, тоже возил вьюнов продавать, менять на порох и патроны, а однажды выменял два мешка вьюнов на два ящика дефицитных в то время гвоздей, которых нельзя было купить ни за какие деньги. Порох и патроны тоже нужны для ловли вьюнов. Не для стрельбы, конечно. Порох и патроны раскидывают возле лукошек, чтобы они своим специфическим запахом отпугивали волков и лисиц, которые любят попользоваться плодами деятельности ловца на вьюнов.

Но в этот раз ни эти, ни другие уловки Лукьяну не помогли. Лукошки и нерета, которые он мне показал, поймали всего лишь мелких вьюнков. Если раньше хорошим длинным угрем можно было любую здешнюю бабу напугать до обморока, то этими — толщиной с палец — даже ребенок не удивись.

«Мороз сегодня слабый!» — смотрит в сторону Лукьян, пытаясь оправдать неудачу. Он

просто не хочет показывать своих заветных мест, там, где еще осталось много толстых и длинных вьюнов. Это его последнее богатство. Хозяин, на которого долгое время работал Лукьян, хитростью или силой заставил его показать самые лучшие красивые болота в лесу, лучшие заячьи тропы и глухариные токи. Все это оказалось потом опустошено. Остались только вьюнные болота.

«Что за человек был твой хозяин, Лукьян?» — спрашиваю осторожно. «Зверь!» — после молчания отвечает Лукьян.

Историю о том, как он попал в ловушку к своему хозяину, начинать рассказывать надо издалека. Богатые родители не позволили дочери выйти замуж — жених бедный. Тогда она сговорилась с парнем, и он ее украл. Опасаясь мести братьев, поселились в этом лесу. Случилось это в 30-х годах. Молодой и красивой Аксинье быстро надоело жить в лесу, собирать шишки, есть без хлеба, и, когда она бежала, Ефим поймал ее и посадил на веревку. Такой, сидящей на привязи у мужа, и видели ее егеря, забредавшие на огонек костра. Стал он отвязывать ее, когда Аксинья была уже матерью шестерых детей... Так они и остались жить в лесу. Потом построили дом и хоронились в нем от людей. Общались между собой только на мордовском языке (на мокшанском наречии) и детей специально не учили русскому, чтобы не ушли жить к людям. Но остался в лесу только самый младший из сыновей Ефима — Лукьян, который прожил в этом домике в одиночестве, почти не общаясь с людьми, 30 лет. Ловил куниц и зайцев, ночевал в дуплах, добывал огонь из камня.

В здешних лесах скрывались от раскулачивания в 30-х годах целыми селами. Поселок Круглый появился на карте относительно недавно, хотя в нем родилось и выросло несколько поколений. 70 лет назад эта часть мордовских лесов была еще недоступнее не только для чужих, но и для многих местных жителей. И потому Ефим знал, куда прятаться с дочерью церковного старосты. Дом построил Ефим в

ФОТО АВТОРА

ФОТО АВТОРА

■ В засаде на зверя или на охране своего логова от вторжения цивилизованного человека?

таком месте, где бы никто не мог его найти, чтоб не было к нему дороги, даже дамбу соорудил, как бобр, закрыл свою семью водой. Прежде деревья подступали к самому крыльцу. Акинья родила мужу семерых сыновей, которые вместо простыней лежали в березовой коре. Вследствие греха, совершенного в молодости и наложившего отпечаток на всю ее жизнь, была она очень богобоязненной и суровой. Освещали избу лучинкой, бывало, ели и почки, и липовые листья, собирали шишки, корье, держали пасеку. Старшие дети о младшем особо не заботились. Мать на ласку скупилась и почему-то требовала от Лукьяна раздавить в день не меньше сорока пауков, с которыми в лесном жилище была беда. А отец, бывало, кулаками загонял сына на высокую

сосну добыть из дупла мед диких пчел. С семи лет Лукьяна посылали помогать старшему брату собирать смолу. Лукьян мазал кислотой надрезы на деревьях. Руками, которыми таскал бутылку, тер себе лицо от паутины и мух и занес кислоту в глаза. Почти наполовину зрение потерял. Вырос он худым, безответным, забитым и диковатым. Чтобы не повторять судьбу родителей, пытался сойтись с людьми. Устроился работать лесорубом, пилил с напарником один дуб по два-три дня, мастер его обманывал, что было несложно: русского языка Лукьян-то не знал. Кубометры занижал, дрова не принимал, а потом тайком увозил к себе домой, а Лукьяна называл дикарем. Тот одно время окружающим вовсе немым казался, так как всегда молчал и общался

жестами. Надоело все это Лукьяну, и от родительского дома он больше далеко не отходил. Братья убежали от такой жизни, а отец и мать умерли в лесу.

Оставшись один, Лукьян первое время собирал корье. За него лесники давали ему спички и керосин. Но мало. Тогда Лукьян приспособился ловить куниц. Ни ружья, ни собаки у него не было. Ловил куниц Лукьян голыми руками, чем и поражал всех забредавших к нему охотников. Сначала он находил на снегу куньи следы и долго по ним шел. Иногда до двух дней. Некоторые утверждают, что Лукьян, перед тем как убить куницу, совершает какой-то ритуал. Куница забежала в дупло дуба или липы. Лукьян подбирал сук подлиннее, к которому быстро выстрегивал клин, привязывал его и, подняв

■ С лукошком на рыбной ловле на лесных ручьях, которые не замерзают в самый сильный мороз

палку, затыкал выход из дупла. С собою Лукьян носил топорик. Иногда он дерево срубал, иногда просто поджигал, чтобы оно упало. Тут же Лукьян выстругивал две деревянные рогульки и, вынув клин, хватал ими за шею добычу. Куницу Лукьян с размаху бил о дерево. Крик убиваемой куницы наводил на посетителей леса страх... Меха куницы ценились охотниками, и часто Лукьян обменивал его у забредшего промысловика пушнины на необходимые себе предметы. Все свое время он проводил в бесцельных шатаниях по лесу. За спиной его мотался мешок для грибов и орехов. Спугнул нечаянно Лукьян ястреба, задалбливавшего зайца, и оказался у него ужин из зайчатины. Отпугнул волков, доедавших кабана, – кабаньих бок на обед. Зимой пищу Лукьяна со-

ставляли зайцы и болотные выюны. Летом Лукьян высматривал диких пчел и, надев оставшуюся от отца сетку, вооружившись дымарем, поднимался на двадцать-тридцать метров за медом.

Местным егерям, которые общались с ним на его языке, по своей простоте Лукьян выбалтывал, кого и где видел в лесу с ружьем. Егеря потом делали засады. Догадавшись, что его используют, Лукьян замкнулся еще больше. Охотники его часто обижали, и вскоре Лукьян стал убегать из дома, чувствуя приближение людей. Он начал их дичиться и бояться. Спички, керосин у него давно кончились. Он настрогал лучинок. Огонь добывал ударом камня о камень. Под искру подставлял олений мох. Не было мыла – терся кусочком глины. Надо было пости-

рать – выбирал белые кусочки золы из печи. Есть он давно привык без соли. Постепенно Лукьян чувствовал ухудшение зрения и, виня в этом близкого человека – брата, плакал ночами в той самой избушке, откуда суровая мать посылала его собирать проклятую смолу. Одежда его превратилась в лохмотья. Зимой в лесу Лукьяна заставляла метель. Развести костер спичек не было. Он разыскивал дупло побольше, сидел в теплых гнилушках, поджав ноги и втянув голову в плечи, ночь и день.

Как он перешел границу, которая отделяла его от дикой жизни, Лукьян помнит хорошо. В домике кончились припасы. Он начал выкапывать из-под снега желуди и жарить. Получалось сладко. Дней десять голодал. Варил и ел кору, терпеливо ждал, когда в по-

ФОТО АВТОРА

■ Воду для питья Лукьян набирал на дне глубокого оврага, где родник обустроили еще дезертиры времен Великой Отечественной войны. Чайник выкопан из их тайников. Топор взят из родительского наследства

ставленную петлю попадет заяц... Через две недели он вытащил все-таки из одного капкана беляка. До дома его не донес. Смеясь от радости, Лукьян зубами драл теплые заячьи сухожилия...

Так прошло больше 20 лет. Он часто терпел голод. Раны замазывал грязью. Отравившись грибом, Лукьян, как собака, по цвету и запаху находил нужную траву, не зная ее названия. Несколько раз подходил к деревне, но его охватывала дрожь, и он бежал назад. Зимой Лукьян путал собственные следы, как заяц, чтобы никто не знал, куда он пошел. Он шагал на лыжах задом наперед. Дверь домика запирали изнутри и сам уходил. Осенью он иногда оказывался в центре чьей-нибудь заячьей охоты. Собаки с удивлением обнюхивали его и убегали к хозяевам. Как-то по нему стреляли, приняв за зверя, и он выковыривал дробь из-под кожи. Но один раз заряд

картечи так оглушил его, что он упал, а очнулся от разговора над своей головой.

– Выживет?

– А может, закопать? Все равно искать никто не будет!

Говорили по-русски, но смысл слов был и так понятен Лукьяну.

Через месяц оправившемуся от ран дикарю предложили жить в поселке Крутец в дачном домике коммерсанта, который держал в районном центре сеть магазинов, а раньше был государственным служащим. Выбирать Лукьяну уже не приходилось. Он и сам уже подумывал устроиться рабочим в лесничество. Кто в него стрелял – хозяин или его друзья, Лукьян не узнал, но боялся всех одинаково. Долгая одинокая жизнь сделала его в их глазах непохожим на обычного человека. Он всегда экономил спички, из хлеба сушил сухари. Ел или стоя, или с колен, не принимал горячей пищи и мог пи-

таться один раз в два дня. Такой работник казался выгодным.

Людей в Крутеце Лукьян обходил стороной. У приезжих охотников из Москвы он стал пользоваться популярностью: сходить с Лукьяном на охоту считалось экзотикой. Ценен для охотников Лукьян был и тем, что с большой точностью мог предсказывать все нюансы погоды и на три-четыре часа, и на несколько дней вперед. Также московским гостям забавно было слушать перед костром косноязычные рассказы Лукьяна о дикой жизни его родителей и его собственных приключениях в лесу. От гостей он и стал учиться русскому языку. После охоты принято делить добычу, и Лукьяну тоже давали его долю за то, что он показал звериные норы, тайные тропы и помог обойти болота. Но очень быстро Лукьян стал замечать, что хозяин после отъезда гостей его долю забирал себе, а кормиться велел,

как в лесу, грибами или травой. Если первые месяцы он еще привозил какие-то продукты, то потом и вовсе перестал, а денег от него Лукьян никогда не видел. Он и не разбирался в них.

Одежду Лукьяну – резиновые сапоги, брюки, телогрейку, шапку – дали местные жители. Во время своих странствий по лесам Лукьян насобиравал множество лосиных и оленьих рогов, которые закапывал. Однажды он проболтался об этом хозяину. Тот уговорил его принести, чтобы отдать рога в «зону», где осужденные умельцы изготавливают из них шахматы и рукоятки. Деньгами от их продажи он, конечно, не поделился. Но первый раз сбежал от него Лукьян не за обман, а из-за собак. Зимой двух хозяйских собак съели волки, и Лукьян в качестве доказательства показал хозяину окровавленную цепь и сжеванный ошейник. Тот не поверил и велел искать собак по лесу, пока не найдет... Лукьян заболел и, чтобы не возвращаться к хозяину, вернулся к своей лесной жизни. Но тот очень скоро нашел его и стал умолять вернуться.

– Ко мне большие люди приезжают. Про тебя спрашивают. Нам, говорят, без твоего дикаря скучно на охоту ходить.

Оказалось, сколько раз без Лукьяна на охоту ни ходили, ни одного зайца даже не взяли, да и заплутали в лесу. А он их когда-то на глухариные тока выводил и кабанов выслеживал. Решило вопрос о возвращении к людям обещание поставить телевизор, наполнять холодильник, оплачивать труд, если Лукьян будет смотреть за хозяйскими свиньями, картошкой и ульями. Тот соблазнился благами цивилизации и вернулся к этому человеку. И все повторилось сначала, как с теми же рогами. В лесу у Лукьяна были маленькие озерца и болота, где он разводил рыбу. Это были его неприкосновенные запасы на черный день, урок, который его заставили выучить еще родители. Но хитрый хозяин, разговаривая на родном для Лукьяна языке, так сумел расположить наивного дикаря к себе, что тот опять разболтался. За два года усиленной ловли запа-

сы были опустошены и проданы на рынке в райцентре. На охоте Лукьян для своего хозяина исполнял роль собаки. Лазил за убитой уткой в болото или выгонял зайцев на хозяина, который стоял возле машины с ружьем в одной руке и бутылкой водки – в другой. В хорошем настроении хозяин заставлял Лукьяна пить спиртное и смеялся над его захлебывающимся кашлем. Лукьян и сам порою не понимал, как он превратился в послушного и преданного слугу этого человека, тогда как его родные отец и мать прожили жизнь, никому не подчиняясь, чего бы им это ни стоило.

Выносливый Лукьян выполнял для своего хозяина работу, с которой бы не справилось и пять человек. Позже он узнал, что на его месте в роли батрака перебивало множество жителей, но все сбежали, а он, закаленный лесной жизнью, выдерживал и не понимал своего положения. Хозяин удерживал его и тем, что обещал выправить ему паспорт в райцентре. А когда Лукьян говорил, что в лесу дикарем жить было лучше, хозяин запугивал его и тем, что сейчас в лесу стало труднее прожить, зверья и рыбы стало меньше, завод «Дубитель», который принимал кору, закрылся... Уговаривала его и жена хозяина, которой он помогал снимать с огорода урожай. Но, впрочем, скоро и она стала относиться равнодушно. Часто Лукьян кормился объедками, которые оставляли гости хозяина, колот за куриные яйца дрова жителям сел Крутца и Умета и слышал от них ядовитые замечания: «Раньше ты хоть диким жил, но самым свободным человеком был, а теперь – раб!»

Однажды после дня колки дров для своего пропитания у чужих людей ему вечером снова пришлось взяться за топор. Хозяин для кормления своих собак привез пять мешков мерзлых костей с колбасного завода и заставил Лукьяна ночью их разбить на мелкие кусочки. Они отскакивали и били по ногам, по лицу, впивались в кожу под дружный лай хозяйских псов.

– Собак не порань! – кричал с крыльца пьяный хозяин.

Руки у Лукьяна дрожали потом еще несколько дней, и, как он понял, не от усталости, а по другой причине. Был он когда-то одиноким волком, а связался с людьми – и стал хуже собаки. Поэтому когда однажды он заметил, что его руки какая-то злая воля заставляет тянуться к хозяйским ружьям, висящим на стене, понял, что дошел до предела. И стал готовиться к побегу... Копил порох, забивал патроны, починил старую «тулку», подаренную ему москвичами за удачную охоту. Однажды, когда хозяин в очередной раз сильно храпел перед включенным телевизором, Лукьян надел старый пиджак, резиновые сапоги и вышел на улицу. Знакомая тропа привела его в родной лес, и он вошел в него с одной мыслью – больше среди людей ему не жить.

Об одном больше всего жалеет Лукьян. Все запасы своего родного леса он отдал человеку, который обманул его. Все он ему показал, кроме своих выюнных болот. Чтобы бывший хозяин не нашел его, он прятался на дне глубокого лесного оврага, куда даже лесники могли спускаться только при помощи веревки. Несколько раз они передавали Лукьяну просьбу его бывшего хозяина вернуться, но тот обещал убить любого, кто сюда сунется. «Сколько Лукьяна ни корми, а он все в лес смотрит», – сказали о нем и оставили в покое. Солнце на дно оврага не проникает даже в самую ясную погоду, а сырость и ледяной холод с его дна даже в самый теплый день достигают лесной дороги.

Недавно Лукьян все же вернулся к людям, нашел себе работу в лесничестве и, кажется, отбросил планы мести. Заодно он благодарен своему хозяину: все же научился сносно говорить по-русски и общаться с людьми. Вот только бесполезно Лукьяна просить показать болота, полные толстых и длинных выюнов. Это единственное сокровище, которое он оставил себе на самый крайний случай. Только для того, кому доверяет, он может пойти в лес и принести этот деликатес из глубины болот, скованных льдом.

Но такого человека, увы, до сих пор не нашлось. ■

ЗА ВЕРУ И ВЕРНОСТЬ!

ИТАР-ТАСС

Эти слова написаны на звезде ордена Андрея Первозванного, высшего ордена Российской империи и нынешней Российской Федерации. Эти слова являлись девизом Русской императорской гвардии. Эти слова не утратили смысла для многих русских, волею судеб родившихся в чужих странах. Эти слова оказались главными во время нашего двухчасового разговора с одним из гостей Второй ассамблеи Русского мира — князем Александром Трубецким. И в том нет ничего удивительного.

Как возникло Гвардейское объединение в Париже и чем оно занималось

— В России есть люди, которые знают о русской гвардии больше, чем мы. Сейчас есть что почитать на эту тему. А мы получили наше знание от отцов в форме, так сказать, устных преданий. История нашего Общества проста. После событий 1917–1921 годов многие из уцелевших офицеров гвардии оказались на Западе. Довольно быстро стали возникать офицерские кружки по принципу полковых объединений. Мой отец служил в лейб-гвардии Конно-Гренадерском полку, соответственно, вступил в полковое объединение конногренадер. Все вместе такие кружки по инициативе, в частности, барона Врангеля и составили в 1923 году Гвардейское объединение, ставшее подразделением Русского общевойскового союза. Праздник объединения был назначен на 13 декабря, День Андрея Первозванного, и девиз «За веру и верность!» естественным образом стал и девизом организации. В те годы офицеры на-

деялись, что удастся возобновить какие-то акции в большевистской России, и Гвардейское объединение имело прикладной смысл. Тут знали, где и какие офицеры находятся. Но довольно быстро многие поняли, что никаких военных действий не случится, и Объединение превратилось в организацию, сохраняющую традиции гвардейского офицерского корпуса России и его преданства данной присяге. Например, лейб-гвардии Казачий полк до сих пор 17 сентября, в День святого Ерофея, отмечает полковой праздник. Понятно, что в его полковом объединении уже нет тех, кто носил мундир лейб-казаков, но традицию, как и в других полках, несут сыновья и внуки. Именно в этот день в 1813 году лейб-казаки отличились в Битве народов под Лейпцигом. Случилось так, что кавалерия французского маршала Лотур-Мобура могла захватить в плен русского императора Александра Первого, а вместе с ним и прусского и австрийского монархов. Не окажись под рукой у Александра лейб-казаков, исто-

рия XIX века могла бы пойти совершенно по другому пути.

Чем еще занималось Гвардейское объединение? Издавало воспоминания «Вестник Гвардейского Объединения». Так появилась шеститомная история конногренадер. Разумеется, это не фундаментальное издание тисненой кожи, это ротапринт и тираж в несколько десятков экземпляров. Тем не менее история лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка является, по мнению экспертов, большой библиографической редкостью. Кавалергарды и конногвардейцы тоже смогли осилить издание истории своих полков.

О том, что дети гвардейских офицеров верны девизу отцов

— К 90-м годам гвардейских офицеров почти не осталось. Я лично участвовал в похоронах последнего лейб-гренадера — 30 декабря 1999 года ушел из жизни офицер лейб-гвардии Гренадерского полка Александр Кондратович. Еще немного — и он оказался бы человеком, жившим

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОПОТАРЕВЫМ

в трех веках. Ведь родился Кондратович в XIX веке.

В тот период мы, дети офицеров гвардии, решили, что просто так история не закончится. Гвардейское объединение было переименовано в Общество памяти Русской императорской гвардии. Его первым председателем в 1991 году был избран потомок лейб-казака Владимир Николаевич Греков, одновременно и председатель полкового объединения, а в 2003 году этой чести удостоили меня.

Конечно, наши возможности куда скромнее, чем возможности наших предшественников. Какой бы трудной ни оказалась эмигрантская судьба, офицеры продолжали нести в себе и гвардейскую традицию, и гвардейскую культуру.

Наша деятельность сегодня весьма ограничена. Издаем бюллетень Общества, иногда публикуем что-то в прессе. Каждый год 13 декабря собираемся на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа в Париже, где служится панихида у могил гвардейских офицеров, затем встречаемся в

Музее лейб-гвардии Казачьего полка в Курбевау, где после молебна с выносом имеющих у нас полковых штандартов подается товарищеский обед. В конце весны – начале лета организуем уже неофициальную встречу, обычно в саду Казачьего музея – жарим шашлыки. Главная статья расходов Общества – уход за гвардейскими могилами на русском кладбище в Париже.

Разумеется, мы охотно принимаем участие в различных мероприятиях, связанных с гвардейской темой. Таких, например, как празднование 300-летия русской гвардии в Петербурге в 2000 году. Трижды ездили в Болгарию на юбилеи в память освобождения Плевны (Русско-турецкая война 1877–1878 годов). Наши представители были на 300-летию Пажеского корпуса, на церемонии перезахоронения останков императрицы Марии Федоровны и генерала Деникина. Пусть Деникин не был гвардейским офицером и саму гвардию недолюбливал, мы посчитали необходимым участвовать в этом акте, так как

под началом генерала во время Гражданской войны сражались восстановленные гвардейские части. В мае 2008 года наша делегация присутствовала на открытии памятника русским воинам в Галиполи и совершила паломничество в Крым по случаю 225-летия основания Севастополя и Черноморского флота.

О поколениях, которые идут вслед, и о том, куда они идут

– Проблема сложная. Я еще застал офицеров гвардии, которые рассказывали о былом, несли дух времени, как говорится. Сейчас я часто жалею, что, будучи мальчиком, не задал им те вопросы, которые задал бы теперь. Но – поздно. Наши дети и внуки уже лишены живого примера. Некоторые из них сохраняют интерес, ценят традицию. Есть и такие, кто довольно равнодушно относится к той ответственности, которую мы решили нести на наших плечах. И одна из граней проблемы – не позволить превратиться Обществу памяти в банальный клуб по интересам.

■ Княгиня
Софья Алексеевна
Трубецкая

■ Софья Алексеевна
Трубецкая с сыном Евгением
Николаевичем Трубецким

■ Редакция журнала «Вопросы философии и психологии».
В.С. Соловьев, князь С.Н. Трубецкой, Н.Я. Грот, Л.М. Лопатин.
1893 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОПОТАРЕВЫМ

Мы ведь меж собой по-прежнему называем организацию Гвардейским объединением.

О правилах приема в Общество памяти Русской императорской гвардии

– По-прежнему вступить в организацию может только потомок гвардейского офицера. У нас есть специальная комиссия, которая рассматривает кандидатуры, проверяет принадлежность к гвардейской семье. Мы – не клуб, не свободная ассоциация, куда открыт вход любителям, «фанатам» и прочая. Это не означает, что мы абсолютно закрыты.

О клубах военно-исторической реконструкции и о фривольном отношении к чужим боевым наградам

– Люди вправе по-разному проявлять себя. Но я солидарен с теми, кто не одобряет ничем не обусловленное желание некоторых людей носить чужие мундиры, знаки различия и, особенно, ордена. В любом случае себе мы не позволяем носить форму полков, память которых представляем в нашей организации. Мне ближе более серьезный подход. Такой, как в Эрмитаже, где в 2000 году был открыт Музей гвардии.

Будет ли открыт филиал Общества памяти Русской императорской гвардии в России

– Мы рассматриваем этот вопрос. Проблема одна – у себя нам до-

вольно легко проверить человека на соответствие нашей организации, мир потомков гвардейских офицеров тесен. Сделать подобную экспертизу в современной России подчас довольно затруднительно. Кроме того, возможно, что вступить в Объединение захочет потомок гвардейца, который по каким-то причинам воевал против белых армий. Мы же считаем, что в наших рядах есть место только тем, кто остался верен девизу «За веру и верность!». Это не голословные умозаключения. Ко мне время от времени подходят молодые люди с соответствующей просьбой, обоснованной только их фанатичной любовью к царской армии. И я всякий раз вынужден их разочаровывать. Есть хороший пример – некоторые дворянские движения в новой России (слава богу, не все). Они быстро превратились в нечто малопривлекательное. Одна покупка титулов чего стоит. Мы бы не хотели, чтобы с Гвардейским объединением повторилась такая же история.

Позволяет ли традиция идти на компромисс и позволит ли компромисс сохранить традицию

– Мы, конечно, задумываемся, какой будет наша организация через пять-десять лет. Более того, нас это беспокоит. Но что значит с легкостью ломать традиции, даже самые, казалось бы, несовременные – это русские люди знают на собственном горьком опыте.

Вот одна из таких традиций – полковые праздники многих гвардейских частей являлись чисто мужским мероприятием. Так было и в Гвардейском объединении. Так до сих пор продолжается и в лейб-гвардии Казачьем полку. И что делать, если сегодня многие женщины – потомки гвардейских офицеров лучше ориентируются в теме, чем некоторые потомки-мужчины? Так, Мария Дмитриевна Иванова, урожденная графиня Татищева, фактически являлась одним из ответственных лиц по сохранению Преображенского музея во Франции и США, экспонаты которого совсем недавно переданы в Музей гвардии в Петербург. И при этом она раньше не имела права присутствовать на наших официальных мероприятиях! Не сразу, но удалось-таки убедить членов Объединения, что реформа назрела. И теперь наши дамы могут быть полноценными членами Общества.

Не исключаю, что в скором времени нам придется пройти еще какой-то этап внутренней реконструкции, чтобы сохранить память и традиции. Время покажет.

О советской гвардии и красном знамени лейб-гвардии Преображенского полка

– Остро стоит вопрос о преемственности гвардии императорской и советской. Не представляю, что способно подвигнуть меня и моих товарищей на при-

■ Имение Трубецких Ахтырка

■ Теннис в Молоденках. Н.А. Кисленский, Е.Н. Трубецкой, В.Н. Трубецкая (Лермонтова), Л.Н. Трубецкая (Черткова), С.Н. Трубецкой. 1887 год

знание этой преемственности. «За веру и верность!» – это не пустые слова. Это суть явления, именуемого Русской императорской гвардией. Соответственно, все, что не разделило этот завет, не последовало ему и уж тем более – ему противостояло, не может считаться продолжением начатого Петром Первым. Мы уважаем названные при Сталине гвардейские части Красной армии, так как знаем, что их солдаты и офицеры честно сражались на полях Великой Отечественной войны, как это должен был сделать любой русский человек.

Но точно таким же неоспоримым фактом является отказ революции от нашего девиза «За веру и верность!». Когда мы узнали о том, что в Петербурге при Эрмитаже будет открыт Музей гвардии (а не музей Императорской гвардии), многие задавались вопросом: не означает ли такое нейтральное название, что в скором времени в музее появятся залы, посвященные периоду советского времени? И таким образом не признаваемая нами преемственность окажется узаконенной в сознании живущих в России поколений. Очень тонкий вопрос, а для нас – так еще и чрезвычайно принципиальный.

Попытки связать историю царской, советской и современной российской армий знаковыми узлами делались и будут делаться. Обсуждался ведь вопрос о восстановлении Петровской бригады –

Преображенского и Семеновского полков в составе нынешних Вооруженных сил. Мы относились к этой попытке одновременно с интересом и опасением. Вполне вероятно, что Преображенский полк сформировали бы из какой-то уже существующей части с уже имеющимися у нее регалиями. Кроме того, официальной символикой нынешней армии остается символика советского периода. И как бы выглядели преображенцы, выступающие под красными знаменами, увенчанными звездами, серпом и молотом? Объяснить, как известно, можно все, что угодно. Особенно если вспомнить, что сам Преображенский полк имел как раз знамя на красном фоне.

О серпе, молоте и крестном знамении

– 3 ноября 2008 года в моей жизни случилось очень интересное событие. В Москве прошел Конгресс соотечественников. И вот меня выбрали из числа этих самых соотечественников возлагать венки вместе с президентом России Медведевым. Я даже спал неважно, все думал, что мне делать, если возложение пройдет в Александровском саду, у Могилы Неизвестного солдата. Память об этом солдате священна, это для меня очевидно. Но сам монумент – весь в советской символике. Я не мог себе представить, как стану возлагать венок «серпу и молоту». И для себя решил – если уж так, то в момент возложения

благословлю памятник крестным знаменем. К счастью, власти России предусмотрели этот момент. Возложение состоялось у памятника Минину и князю Пожарскому. Я, к слову, не знал, что 4 ноября – праздник в память воссоединения России под руководством Минина и Пожарского. И, стало быть, забытого историей князя Дмитрия Трубецкого.

Сразу после возложения президент повернулся к нам, и, так уж случилось, мы оказались друг напротив друга. Дмитрий Анатольевич обратился ко всем, но смотрел на меня: «Как важно соблюдать традиции». Я ответил, что наши отцы только этим и жили за пределами родины. Президент откликнулся: «Да мы знаем, нам есть что у вас перенять».

Что ж, это важные слова. Особенно если учесть, что собственные наши силы весьма и весьма ограничены и для масштабной деятельности явно малы. Нас всего-то чуть более ста человек на весь мир.

О русском дворянстве и французской аристократии

– Исторически сложилось так, что там, где была монархия, возникало и дворянство, как часть общества, обязанная служить. Но ошибка думать, будто только дворяне были способны приносить стране и государю какую-то особую пользу. Вспомним, Ломоносов, Менделеев, Чехов к дворянскому сословию не принадле-

жали. В то же время среди дворян встречалось достаточно несимпатичных личностей. Мой отец в процессе воспитания повторял, что мы носим дворянскую фамилию потому, что наши предки заслужили эту честь, но каждое поколение рода должно доказывать право на эту честь. Дворянин – это прежде всего моральная и историческая ответственность.

Я как-то сделал выписку из цитаты знаменитого министра Сперанского о Трубецких. Повторю по памяти. Род Трубецких служил власти, но спину никогда не гнул. Ну и что, разве такое поведение сугубо дворянская привилегия? Мне кажется, это можно сказать о любом человеке, который честно исполняет свой долг. Независимо от того, дворянин он или нет.

Судьба распорядилась таким образом, что я родился во Франции, где вырос, получил образование, женился и воспитываю детей. Отец говорил мне, что Франция – это моя родина, но Россия – отечество.

В России род Трубецких известен. А во Франции я – обычный гражданин. Никакого отношения наша семья к французской аристократии не имеет. И что же? Мне нужно как-то по-разному проявлять себя в России и во Франции?

Вопросы рода и крови вообще крайне запутанны. Если покопаться в нашей родословной, там можно найти следы Чингисхана, Алек-

сандра Невского, Юрия Долгорукого и великого князя литовского Гедимина. А еще был граф Шереметев, который женился на крепостной... И это был не единственный случай в лучших российских аристократических семьях.

Что нравится и не нравится в современной России

– На уже упомянутом Конгрессе соотечественников меня пригласили в президиум. Сiju, читаю списки участников. Среди них фамилия протоиерея Солдатенкова (из Франции). Но то, что он протоиерей, не написано. Зато рядом с фамилией имя – Николай – и отчество. А в пригласительном билете, предназначавшемся великому князю Дмитрию Р. Романову, прочитал: «Господину Романову». Вот это – не нравится. Мелочи, скажете? Вовсе нет. Это и есть русская история, русские традиции и обычаи. Сейчас удивляешься, насколько мало их знают в России. Понимаю, не вина это, а беда. Слишком много утеряно. С другой стороны, я помню свои внутренние ощущения в дни первого приезда в Россию, тогда еще СССР, в 1969 году. Я чувствовал, что вернулся во что-то удивительно родное. И этому чувству не мешало, что окружающие люди, слыша фамилию, смотрели с опасением и настороженностью. Любопытство стали проявлять позже, в 70-х. Как-то даже спросили: «Вы что, из графьев?» А вот когда началась перестройка, уже не стес-

нялись. Подходили и объясняли, что они тоже не лыком шиты, что во время репрессий бабушка поменяла фамилию...

Сейчас отношение спокойно-уважительное. К фамилии, которую я имею честь носить. Люди постепенно разбираются в прошлом. В любом случае надеюсь, Трубецкие в России уже никогда не станут экзотическим явлением. Как во время моих посещений в советское время. А вот что было.

Летел я на конгресс в Москву в конце 70-х годов. Рядом со мной в самолете кресло занял человек по фамилии де Голль. Родственник великого французского президента. Мы разговорились, и он посетовал, что собирался в спешке и не успел заказать номер в гостинице. У меня аналогичная ситуация. И я обещался ему помочь. Прилетели в Шереметьево, зашли в представительство «Интуриста». Я и говорю девушке, что мы, де Голль и Трубецкой, просим помочь с размещением. Она покраснела, онемела и – за трубку телефона. Звонит куда-то, видимо начальству, и сообщает, что перед ней два иностранца – де Голль и Трубецкой... На том конце провода ей сдержанно объяснили, что им не до шуток и куда ей надо идти.

Какие слова являются самыми главными в жизни

– Уважение и достоинство. Вера и верность.

Михаил БЫКОВ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Князь Александр Александрович Трубецкой. Родился 14 марта 1947 года в Париже в семье Александра Евгеньевича и Александры Михайловны (урожденной княжны Голицыной) Трубецких. В 1965 году 18-летний

Александр выиграл конкурс лицеев Франции по изучению Альпийского похода графа Суворова, а затем в одиночку с рюкзаком за спиной прошел весь маршрут суворовских чудо-богатырей 1799 года.

Служил во французской армии в 24-м егерском батальоне, известном тем, что входил в состав наполеоновской гвардии. После выслуги срочного срока службы отказался от производства в офицеры, заявив, что русский может служить офицером только в русской армии.

Жена – Екатерина Алексеевна, урожденная княжна Ниеберидзе. В семье четверо детей: сыновья Александр, Владимир, Николай и дочь Ксения.

Князь Александр Евгеньевич Трубецкой, отец Александра Александровича. Учился в Московском университете, затем, после начала Первой мировой войны, в Николаевском кавалерийском училище. Выпущен в лейб-гвардии Конно-Гренадерский полк. Имел четыре боевых ордена. В годы Гражданской войны воевал в Добровольческой армии.

Князь Евгений Николаевич Трубецкой, дед Александра Александровича. Известный русский философ, профессор юридического факультета Московского университета.

«ЧТОБЫ СТАТЬ ПАТРИОТОМ, ИНОГДА ПОЛЕЗНО ПОЖИТЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ»

Ольга ЗАЦЕПИНА — ученый-гуманитарий, доцент МГУ. Последние шесть лет она живет в Нью-Йорке. Когда слушаешь ее рассказ о культурных программах, которые она инициировала и воплотила, осознаешь, как много значит личная инициатива.

Ольга, как так получилось, что вы — университетский преподаватель, занялись арт-менеджментом?

— В России я никогда не была только преподавателем. И то, чем я занимаюсь в Америке, арт-менеджментом можно назвать с определенными оговорками. Вся моя профессиональная жизнь связана с МГУ. Я пришла туда сразу по окончании Института им. Мориса Тореза, последние 20 лет работала на факультете иностранных языков, который создала Светлана Тер-Минасова, и я горжусь, что принимала в этом непосредственное участие. В начале 90-х наш факультет разработал совместную программу с Университетом Колорадо в Денвере: наши студенты могли параллельно получить американский диплом. Из Америки приехали несколько профессоров читать свои курсы. Одним из них был мой нынешний муж. Мы дружили, и постепенно дружба переросла во что-то большее. Через четыре года уговоров я согласилась выйти замуж, но при условии, что останусь в Москве. Мой сын еще учился в школе, я не могла уехать. Чуть позже я пошла на компромисс: работала один семестр в Москве, один — в Нью-Йорке. Так продолжалось лет шесть. А потом так случилось, что по состоянию здоровья впервые я не смогла вернуться.

— *Наверное, статус супруги профессора не самый плохой вариант для жизни в США?*

— Я и сама могла бы продолжать преподавать, опыт работы в университетах США у меня большой. Но, откровенно гово-

ря, одним преподаванием я бы не была счастлива. И мой муж это понимал. Он — неординарный человек, «ненормальный во всех отношениях», как я говорю. По образованию он психолог-антрополог, не знает русского, но тонко чувствует и понимает нашу культуру. Мы вместе создали некоммерческую организацию «Русско-Американский культурный центр «Наследие» (The Russian American Cultural Heritage Center — RACH-C).

Наша задача — помочь русским, живущим в США, сохранить свою культуру. И еще мы хотим знакомить американцев с Россией: они мало знают о нашей стране и о вкладе русских в американскую культуру.

— *Ну, очевидно, имена Барышникова, Ростроповича, Бродского в США все-таки известны?*

— Я имею в виду не только совсем близкую историю. Мало кто в курсе, что русский полковник, герой Крымской войны Иван Турчанинов участвовал в американской Гражданской войне и был награжден Авраамом Линкольном, что Washington Bridge строили русские инженеры, что Петр Чайковский приезжал из Клина на открытие Карнеги-холла. В Коннектикуте до сих пор работает завод, созданный Игорем Сикорским. В штате Нью-Йорк 39 православных храмов, в Коннектикуте — 40. История русской Америки американцам неведома.

— *А сколько русских живет сейчас в США?*

— В одном только Нью-Йорке, по разным данным, от 600 тыс. до 1,5 млн. Это самая большая русская община за пределами Рос-

сии. Русский язык — один из официальных языков Нью-Йорка.

— *Что это значит?*

— В Америке, как известно, нет и никогда не было официального языка. Но в 2007 году мэр Нью-Йорка определил пять рабочих языков города: английский, испанский, русский, французский и мандарин. Если вы не владеете сполна английским и обращаетесь в государственные структуры за помощью (например, медицинской или юридической) на одном из официальных языков, вам обязаны предоставить переводчика.

— *Вы сотрудничаете со всеми соотечественниками?*

— Мы готовы сотрудничать со всеми, кто откликнется на наши инициативы. Хотя базируемся не в Брайтоне, а на севере Манхэттена, в районе Washington Heights. Первый свой проект мы сделали именно для этого района. Раз в два месяца мы проводим концерты русской оперной музыки. Половина нашей аудитории — американцы, равно как и многие исполнители. Единственное условие — петь на русском языке. Городские власти выделяют нам деньги в рамках программы по развитию искусств национальных меньшинств. Концерты бесплатные и открыты для всех.

— *Русская опера так популярна среди американских певцов?*

— Сегодня по Нью-Йорку ходит 3 тыс. сопрано без работы. И если, при прочих равных талантах, они исполняют русскую оперу, то выгодно отличаются от конкурентов. Поэтому они берут уроки вокала у русских преподавателей, с которыми мы сотрудничаем. На каждом концерте у

РОМАН ШЕЛОМЕНЦЕВ

«Наша задача – помочь русским, живущим в США, сохранить свою культуру. И еще мы хотим знакомить американцев с Россией: они мало знают о нашей стране и о вкладе русских в американскую культуру».

нас новые исполнители, имена не повторялись еще ни разу. За пять лет на наших концертах выступило более 60 оперных певцов, двое потом были приняты в «Метрополитен-опера», чем я безмерно горжусь.

– Но, наверное, концертами ваша активность не ограничивается?

– Второй наш проект – «Русские салоны в Колумбийском университете». Мы приглашаем студентов, которые изучают русский язык и литературу, и всех, кто интересуется русской культурой, на встречи с выдающимися русскими людьми.

У нас выступали Игорь Сикорский – сын изобретателя вертолетов Игоря Сикорского, Даша По-

знер – праправнучка Шаляпина, Эраст Гиацинтов – доктор химических наук и президент Ассоциации русского дворянства Америки, в 2009-м мы ожидаем встречи с дочкой Маяковского Патрисией Томпсон, профессором Нью-Йоркского университета CUNY. Эти люди рассказывают о том, о чем в книгах не прочитаешь. И еще нам важен их опыт: как в те годы, когда не было практически никаких связей с родиной, в их семьях сохранили русский язык и культуру для детей и внуков. Это ведь актуальная тема не только для русских, но и для тех американцев, которые усыновили детей из России. За последние 15 лет граждане США усыновили 65 тыс. детей из России.

– Как вы с этими семьями познакомились?

– Когда я работала в Москве, я читала лекции иностранцам, собиравшимся усыновить русских детей. Это были очень достойные люди, с некоторыми я подружилась. Позже в Америке я узнала их проблемы. После усыновления, когда заканчивается бумажная волокита, они остаются без какой-либо помощи. Агентства, помогающие усыновлять, по закону не имеют права вмешиваться в семейные дела, в России тоже не у кого спросить совета. И вот потихоньку, от семьи к семье, мы стали им помогать. Потом поняли, что важнее создать среду общения.

Второй год подряд мы проводим рождественскую елку в русском консульстве. На первую пришли 20 детей, сейчас вокруг нас 100 семей, и каждый день их становится больше.

Самый масштабный проект RACH-C – детский фестиваль русской культуры в парке Форт Трион, рядом с музеем средневекового искусства «Клойстерс». Нам стоило немалых усилий получить разрешение у руководства парка. Это единственный фестиваль в Америке, где дети выступают для детей. На первый фестиваль мы пригласили детский ансамбль из Ханты-Мансийска, около 100 человек, на втором была группа из казацкой станицы Ставрополя, а на последнем фестивале выступили десять коллективов из семи городов США.

Мы очень благодарны Министерству иностранных дел РФ, московскому правительству, Московскому Дому соотечественника и Международному совету российских соотечественников за моральную и финансовую поддержку. Я мечтаю, что когда-нибудь фестиваль станет таким большим и представительным, что мы сможем проводить его в нью-йоркском Центральном парке.

Еще мы договариваемся с Метрополитен-музеем о регулярных экскурсиях для детей на русском языке.

– И вы думаете, эти экскурсии будут востребованы?

– Конечно! По моим данным, только в Манхэттене живут 927 усыновленных детей из России. Прибавьте детей русских эмигрантов и тех молодых профессионалов, кого и эмигрантами уже назвать нельзя. Это прекрасно образованные люди, приехавшие в США работать. Они предлагают недюжинные усилия, чтобы передать детям русский язык и культуру.

– Ну а как же теория плавильного котла – может, русским детям лучше стать американцами?

– Теорию плавильного котла запустили в 30-е годы, но если она и сработала, то не совсем так, как предполагали ее создатели. Американцы стали терпимее к другим культурам, это правда. Но одновременно больше ценят собственную идентичность. В Америке никто не представляется как американец, там говорят: «Я – пуэрториканец, немец, ирландец, еврей, русский и пр.». Люди осознали, что если человека что-то и выделяет, то в первую очередь культурная идентичность. Гордость своими национальными, этническими корнями очень характерна для современных американцев.

Еще один чрезвычайно важный наш проект – сбор денег на лечение детей в России. Совместно с «РИА Новости» (у них есть программа «Дети в беде») мы помогли двум мальчикам – Коле Харитонову и Никите Гришкову. Виталий Чуркин, постоянный представитель России при ООН, поддержал нас, и с его помощью мы уже два года проводим благотворительные вечера, где собираем деньги для больных детей.

Нас поддерживает Русская православная церковь, Генеральный консул Сергей Гармонин во всем идет нам навстречу: он впервые открыл двери консульства для детей и разрешил проводить рождественские елки. Русское дворянство дает нам небольшой грант на это мероприятие.

– Что вы думаете о случаях гибели в Америке усыновленных детей из России?

– Я знаю о каждом из 14 случаев,

специально разбиралась. Единственное, что можно сказать, – это всегда трагедия. Но, с другой стороны, ведь никто не пишет о тысячах вполне счастливых детей. Я – сторонница международного усыновления. Меня глубоко огорчают заявления наших депутатов, что, дескать, Россия продает за границу свой генофонд. Если есть шанс подарить ребенку семью, даже американскую, не надо этот шанс упускать.

– Ольга, вы говорите, что открыты для сотрудничества. Но ведь многие уезжали в эмиграцию с огромной обидой, особенно в 70–80-е.

– Таких немало. Они закрыли эту дверь и не хотят возвращаться.

– Да, и называют себя не русскими, а русскоязычными...

– К сожалению, этот термин прочно вошел в наш обиход. Я лингвист по образованию, и для меня каждое слово – материально значимое явление. Те люди, которые настойчиво говорят: «Я не русский, я русскоязычный», пытаются отмежеваться от русской культуры и Русского мира. Наверное, у них есть причины так поступать, но они себя обедняют. Потому что, если они выросли в СССР, если получили образование на русском языке – они русские по культуре, не только по языку. Что не мешает им одновременно быть латышами, евреями, украинцами, татарами. Мы ведь одновременно можем принадлежать к разным группам.

– Наверное, далеко не у всех есть желание отмежеваться?

– Однажды мы были на службе в Ново-Дивеевском монастыре под Нью-Йорком. Одному пожилому человеку стало плохо в церкви, его вынесли на свежий воздух. У него в руке была зажата поминальная записка: «Господи, спаси Россию!» Потом я узнала историю этого человека: он родился в Шанхае, никогда не был в России, но при этом прожил с ней в сердце.

Летом 2008 года в Москве прошла конференция потомков русских фамилий. Это люди, чьи родители прожили всю жизнь в эмиграции на чемоданах в на-

дежде вернуться домой. Им это не удалось. И сегодня русское правительство приглашает их детей и внуков. Я работала на конференции переводчиком и видела, как были счастливы ее участники. Для них был важен сам факт признания со стороны российских властей, что они – русские. Для них это ни с чем не сравнимая ценность.

Сегодня за границей России живут 25 млн русских. Политика РФ по отношению к соотечественникам в последнее время кардинально изменилась.

– Ольга, и в России, и в Америке вы наблюдаете университетскую среду. Есть ли отличия?

– Их не так много, как кажется. В начале 90-х я читала в МГУ курс лекций по культурной антропологии. В его основу я положила статью одного американского исследователя «Ценности, по которым живут американцы». Она написана более 30 лет назад, но до сих пор актуальна. Каждое общество, независимо от религиозной и социальной структуры, зиждется на том, что все его члены разделяют 10–15 основных культурных ценностей. Я просила своих студентов сформулировать русские базовые ценности. В 1994 году все американские ценности для русских студентов были со знаком минус. А через шесть лет весь список американских ценностей превратился в список ценностей для русских студентов.

– Изменилось ли ваше отношение к России за то время, что вы живете в Америке?

– Мне стала доступна новая информация, я общаюсь с людьми – свидетелями эпохи, и, конечно, мой взгляд на русскую историю изменился. Я лучше понимаю тех, кто был по другую сторону баррикад. Но мою патриотическую позицию эти знания не поколебали. Чтобы стать патриотом, иногда полезно пожить за границей. Когда ты окунаешься в другую среду и сравниваешь культурные ценности, то особенно остро ощущаешь связь с родиной. ■

Людмила ЛУНИНА

ЗВЕЗДА ДВУХМЕТРОВОГО РОСТА

ИТАР-ТАСС

Вот уже более 40 лет она живет в Риге и бесспорно остается самой заметной женщиной столицы Латвии. К черту ложную скромность! Ульяна СЕМЕНОВА – самая яркая звезда и живая легенда Латвии. Трехкратная чемпионка мира и выдающаяся баскетболистка входит в десятку самых высоких женщин мира. Такие, как она, рождаются раз в сто лет. Именно это и произошло в семье староверов Натальи и Иллариона Семеновых 9 марта 1952 года, когда у них родился пятый ребенок – девочка с абсолютно обычными параметрами: вес – 3600, рост – 52 см.

Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Рига

Будущая чемпионка появилась на свет в литовском городе Зарасай, поскольку сюда на лошади было ближе добраться до больницы, чем до ближайшего латвийского города – Даугавпилса. Спустя годы литовцы на этом основании не раз пытались оспорить «достояние» Латвии, но ничего не вышло.

Все детство девочка провела на хуторе. До 6 лет она ничем не отличалась от своих деревенских сверстниц. Жили они, как и все, – в постоянном безденежье, отец работал в колхозе, причем был мастером на все руки. Дети собирали в лесу ягоды и орехи, потом прода-

вали их на базарчике. За хлебом бегали километров за пять до центра, почти столько же до школы. Стремительно расти она начала в первом классе. Этому феномену до сих пор не найдено объяснения. Оба родителя Ульяны Семеновой были ниже среднего роста.

В 10 лет она на голову обогнала всех своих братьев, что не мешало им любить свою младшую сестренку и заботиться о ней. Дети росли очень дружными и работающими. Мама, Наталья Прокопьевна, рассказывала, что Уля с детства работала в доме больше всех. И воду издалека носила, и коров кормила, и огород полола, и свиней пасла. А когда в доме уже все ложились спать, делала уроки.

К 13 годам ее рост подходил к 1 м 90 см. Существует легенда,

что в Риге прослышали о деревенской девочке, которая забрасывает тяжеленные охапки сена выше взрослых мужиков. По другой версии, муж ее старшей сестры послал заявку в столицу на участие своей родственницы в конкурсе на самую высокую девушку. Так или иначе, но на хутор к 13-летней школьнице зачастили спортивные вербовщики из Риги. Это было в 1965 году. Раз пять, наверное, приезжали, уговаривали родителей отпустить с ними дочку, обещали светлое будущее и райскую жизнь. Но Ульяна никого не хотела слушать, отчаянно плакала и умоляла маму не отдавать ее незнакомым дядям. Она еще никогда никуда не уезжала из родного дома и страшно всего боялась.

«Помню, мой брат Сеня мне тогда говорил, – вспоминает Ульяна, – сестричка, ну посмотри на свои руки, какие они у тебя черные и некрасивые. А будешь городская, сделаешь себе маникюр!.. А я и не знала тогда, что это за «маникюра» такая...»

Общими усилиями ее все-таки уговорили. И тренер увез Ульяну в Ригу. Всю дорогу она проплакала, не зная и не понимая, что впереди ее ждут золотые олимпийские медали, оглушительные спортивные достижения и фантастическая известность.

Под звон медалей

О блистательной спортивной карьере, которую сделала никому не известная девчонка из Латвии, Ульяна Семенова подробно рассказала в своей автобиографической книге «Когда я была счастлива», изданной на латышском языке. Хотела бы сейчас ее дополнить и перевести на русский язык. Да вот не знает, найдется ли заинтересованный издатель. Во многих странах бывшего СССР до сих пор ее часто и с теплом вспоминают, по пра-

ву считая достоянием не только Латвии, но и той, уже бывшей страны, которую она 20 лет представляла на чемпионатах мира по баскетболу.

В 15 лет она стала чемпионкой Европы среди юниоров, в 16 – среди женщин. Конечно, ее сразу взяли в женскую сборную команду СССР по баскетболу. Так и играла – полгода за свой родной клуб «ТТТ», полгода – за Союз. В мире о ней впервые заговорили после Италии, где она привела практически в шоковое состояние команду противника, непрерывно забивая левой рукой мяч за мячом. И равных на европейских баскетбольных площадках ей тогда практически не было. Ульяна стала знаменитой, на всех играх ее место по традиции было под кольцом, в так называемой 3-секундной зоне, где она совершала чудеса.

«В советские времена нельзя было говорить, что у нас есть профессиональный спорт, – рассказывает олимпийская чемпионка, – и я должна была врать западным журналистам, что работаю тренером, очень хорошо зарабатываю, а в свободное время лю-

блю покидать мяч на площадке. Перед каждой поездкой за границу меня тщательно инструктировали, что можно говорить, а что – ни-ни. Но, собственно, за меня-то в основном говорили переводчики, а уж они были подкованы как надо. Правда, однажды в Бразилии случился казус. Это было в 1971 году на чемпионате мира по баскетболу среди женщин. Переводчиком испанского языка в баскетбольной сборной СССР тогда работал Игорь Иванов. Да-да – не удивляйтесь, он потом стал министром иностранных дел России! В то время он был молодым и симпатичным, с пышной шевелюрой. Я стеснялась общаться с журналистами и немного нервничала, он меня успокаивал: «Уля, да не волнуйся ты так! Я все про тебя знаю и отвечу за тебя как надо...» И что вы думаете? После одного из таких интервью меня срочно приглашают в советское консульство в Сан-Паулу, трясут передо мной бразильской газетой и гневно так спрашивают: «Да как же ты могла такое вчера сказать?!..» А я только помню, что говорила об очень вкусной националь-

РИА «НОВОСТИ»

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА УЛЬЯНЫ СЕМЕНОВОЙ

ной кухне и ничего крамольного! Оказалось, в газете расписали, что я в восторге от шеф-повара гостиницы и решила его забрать с собой в Советский Союз, чтобы он мне там готовил. Но у него, мол, здесь большая семья, он еще думает над моим предложением... Так я до сих пор и не знаю, или это Игорь Иванов так вольно перевел мои слова, или, что вероятнее, местные журналисты нафантазировали...»

Время славы

Вообще, с прессой у спортсменки не всегда складывались хорошие отношения. Во Франции, например, один из писак ее рассердил не на шутку. Каким-то образом он разузнал, что хозяйка гостиницы, где жила советская баскетболистка, предложила ей спать, сдвинув две кровати вместе, поскольку одной было явно мало. И он красочно расписал этот достаточно интимный факт в своем репортаже чуть ли не на всю страницу. И потом его фотокамеру она чувствовала за собой везде – на улице, в ресторане, в магазине. Это было слишком навязчиво, и ей стоило большого труда, чтобы не сорваться и не тряхнуть хорошенько его за шиворот.

А в Колумбии, например, она вообще не могла передвигаться по городу без помощи полицей-

ского. Они разгоняли толпу зевак и болельщиков около гостиницы, где она жила со своей командой. На полицейской патрульной машине с сиреной русских девушек-спортсменок возили даже на шопинг в торговый центр. Там полиция перекрывала все двери и никого не впускала, чтобы те могли спокойно сделать покупки.

В американском баскетбольном Зале славы в Спрингфилде Ульяне Семеновой посвящен специальный стенд. Она была первой женщиной из Европы, удостоенной в 1993 году этой чести. Здесь висит множество спортивных фотографий прославленной баскетболистки, выставлены ее кроссовки и футболка с ее фамилией. На открытии стенда она выступила с небольшой речью. В зале сидели четыре тысячи гостей, приехавших со всех концов Америки. «I Love this Game!» – произнесла спортсменка и вызвала просто бурю оваций...

День нынешний

Из спорта она ушла в 1990 году, получив все призы мирового баскетбола. И в скором времени возглавила Латвийский олимпийский социальный фонд, которым руководит бессменно уже 17 лет. У нее 157 подопечных, бывших спортсменов, для которых Ульяна Семенова уже много лет

практически единственный свет в окошке. Эти уже глубоко пожилые люди ласково зовут ее «мамочкой», когда она приезжает к ним с собранной по миру спонсорской помощью, лекарствами или подарками к праздникам.

Мало кто знает, что настоящее имя легендарной двукратной олимпийской чемпионки по баскетболу Ульяны Семеновой – Иулиака. Вот как она сама рассказывает об этом:

«У староверов имена детям всегда дают по календарю. Меня должны были назвать Иулианой, но при регистрации мой папа не заметил, что в свидетельстве о рождении по ошибке написали: Иулиака. Так и осталось в паспорте, хотя меня всю жизнь все звали Ульяной. В 16 лет я хотела исправить ошибку, но подружки по спорту меня отговорили, сказали: «Ульян много, а Иулиака ты будешь одна во всем мире. Красиво!» Я и согласилась...»

«Четыре года назад умерла моя мама, с которой мы вместе жили последние двадцать лет в этой квартире. Вы не представляете, как мне без нее в доме стало тоскливо... Каждый день молюсь за упокой ее души, зажигаю свечи по памятным дням, как моя мамочка хотела. Я обещала ей. Она до последнего дня все что-то делала по дому, картошечку ста-

ралась почистить к моему приходу. А я, бывало, рассержусь на нее – зачем, тяжело ведь, я и сама могу все сделать! Теперь так больно на душе, зачем ругалась? Ей же это было в радость...» – вспоминает Ульяна Семенова.

Личная жизнь у Ульяны не сложилась, хотя, говорит, романы были, и довольно бурные. Сейчас всю свою любовь она посвящает дочке своей племянницы, которую зовет любимой внучкой. Маленькая Калерия тоже обожает свою бабулю и частенько гостит у нее в трехкомнатной рижской квартире.

В прошлом году ее приняли в Зал славы Международной федерации баскетбола (ФИБА) в Мадриде. А до этого была еще одна очень почетная награда:

«Этот российский орден Дружбы мне вручили в Санкт-Петербурге за вклад в историю спорта. На удостоверении стоит подпись Владимира Путина. Награду я получила из рук вице-президента Федерации баскетбола России, зампреда правительства Сергея Иванова. Вот полюбуйтесь, какой орден красивый! Храню его вместе с остальными спортивными наградами. Сколько их тут? Ой, сосчитать так и не собралась! А зачем?» – удивляется она.

В Латвии при поддержке одного из местных банков недавно был издан уникальный календарь, для которого 12 латвийских девушек-баскетболисток снялись в обнаженном виде. Средства от продажи этого календаря пошли на поддержку ветеранов латвийского баскетбола, а также для лечения и реабилитации самой Ульяны. Президент банка на презентации календаря вручил каждой девушке по огромному букету цветов, 13-й букет был подарен 13-му игроку, как ее тогда называли.

«Я чуть не расплакалась! – Ульяна улыбается своей застенчивой и очень широкой улыбкой. – Поблагодарила всех девушек, принявших участие в акции, все-таки не каждая решилась бы на такое... Могла бы и я сфотографироваться в таком откровенном виде? Для благого дела – почему бы и нет? В их годы я тоже была очень даже фигуристая, стройная, меня девчонки в сборной Союза так и звали – наша балерина. Был бы подходящий партнер для занятий балетом! (Смеется.) В советские времена нельзя было сниматься обнаженной, тем более спортсменке, а если бы мне предложили, я бы подумала... И согласилась бы!»

Два года назад Ульяна перенесла непростую операцию, ей поставили эндопротез тазобедренного

сустава. В прошлом году ей сделали операцию на второй ноге.

«Чувствую я себя сейчас, можно сказать, нормально, хотя и хожу еще с тросточкой. Но ведь до этого я спать не могла от болей, по 8–10 обезболивающих таблеток пила – не помогало! Это большая удача, что я попала в ювелирные руки прекрасного и смелого нашего хирурга Петериса Студерса, ведь не каждый решился бы взять меня на операцию. Я же не стандартный человек, эндопротез мне пришлось заказывать в Швейцарии по рентгеновским снимкам, типовые-то мне не годились. На все это ушло более года. Доктор Студерс все подготовил тщательным образом – меня же так просто не переложить с каталки на операционный стол. Он организовал специальную бригаду из 12 человек, они меня как пухинку переносили с места на место. Я им всем очень благодарна! Пришлось ведь и операционный стол для меня увеличивать, и в палате кровать поставить, сваренную из двух коек, чтобы мне было удобно лежать. Нет, они ее не разбирают, я им сказала, потом в музей отдайте! Шучу, на самом деле мне ведь надо к следующей операции готовиться – делать эндопротез левого колена, а потом и левого тазобедренного сустава. Но сейчас я уже хоть спать могу нормально. Это такая радость!»

■ Ульяна Семенова с внучкой Калерией и тем самым памятным календарем с автографами всех 12 латвийских моделей-баскетболисток

ФОТО АВТОРА

■ Теперь только любимица олимпийской чемпионки может поиграть с мячами «бабули»...

Конечно, это сказываются все ее спортивные травмы и нагрузки. Падать-то на баскетбольной площадке приходилось много. Но Ульяна заверяет, что нисколько ни о чем не жалеет: спорт был лучшей частью ее жизни... В ее шкафу висят потрясающие наряды. Конечно, одежда и обувь всегда были для нее определенной проблемой. Тем не менее Ульяна не раз блистала на банкетах и балах в вишневом, из японского панбархата элегантном платье, черных туфлях или строгих костюмах. Все модели обычно придумывала сама, черпая идеи из западных журналов мод. Ткани привозила из-за границы, а в Риге вместе со своей портнихой они и создавали эксклюзивные модели – специально для Ульяны.

Ульяна Семенова о своей жизни без диеты и каблуков:

– Летом провела две недели в отпуске с внучечкой на своей даче на реке Гауя. Хорошо, хоть ре-

монт там успела сделать, а вот в квартире мне это уже не осилить. Я женщина одинокая, помощника у меня нет, надеюсь только на себя. Романы все в прошлом, сейчас главное – здоровье... На диете не сижу, но слежу за своим весом. Это не так трудно, ведь я сладкое не ем вообще. Помню, в сборной наши девочки тряслись при виде пирожных и мороженого, а я – мимо! Спокойно. По мне лучше огурчики поесть, селедочку, оливки... Но вот без мяса никак не могу, у нас в семье все мясоедами были.

Супы люблю разные, сама варю себе борщ, щи, уху. Но на первом месте – солянка, я ее всегда заказываю, когда обедаю в кафе. Была в китайском ресторане – не понравилось, не мое это. Из японского вообще голодная вышла, как они там едят рис и суши – не представляю! Зато в Германии очень понравилась зажаренная целиком свиная ножка, мы ее часа два ели, а она все не кончалась, и вкусно так! В Италии делают изумительную лазанью, здесь ее

совсем не так готовят. В Америке в «Макдоналдс» даже не зашла – по мне так лучше дома съесть натуральный кусок мяса, чем фаст-фудом питаться.

По магазинам особенно не хожу, разве что в продуктовый или хозяйственный меня подвезут на машине. Одежду мне искать в магазинах бессмысленно, на таких нестандартных женщин у них ничего нет. Платья я не ношу, предпочитаю брючные костюмы. Каблуки тоже никогда в жизни не носила и уже вряд ли буду. Украшениями не увлекаюсь, сережки, броши, браслеты вообще не ношу, только цепочки и кольца. Все тоже, конечно, на заказ делаю. Что еще люблю? Духи! Это еще с юности осталось, когда я из заграничных поездок старалась себе хоть туалетную воду привезти. Меня девочки по запаху узнавали: «О, Уля уже здесь!..» Когда-то нравились *Kenzo*, сейчас предпочитаю *Versace*, легкий приятный запах.